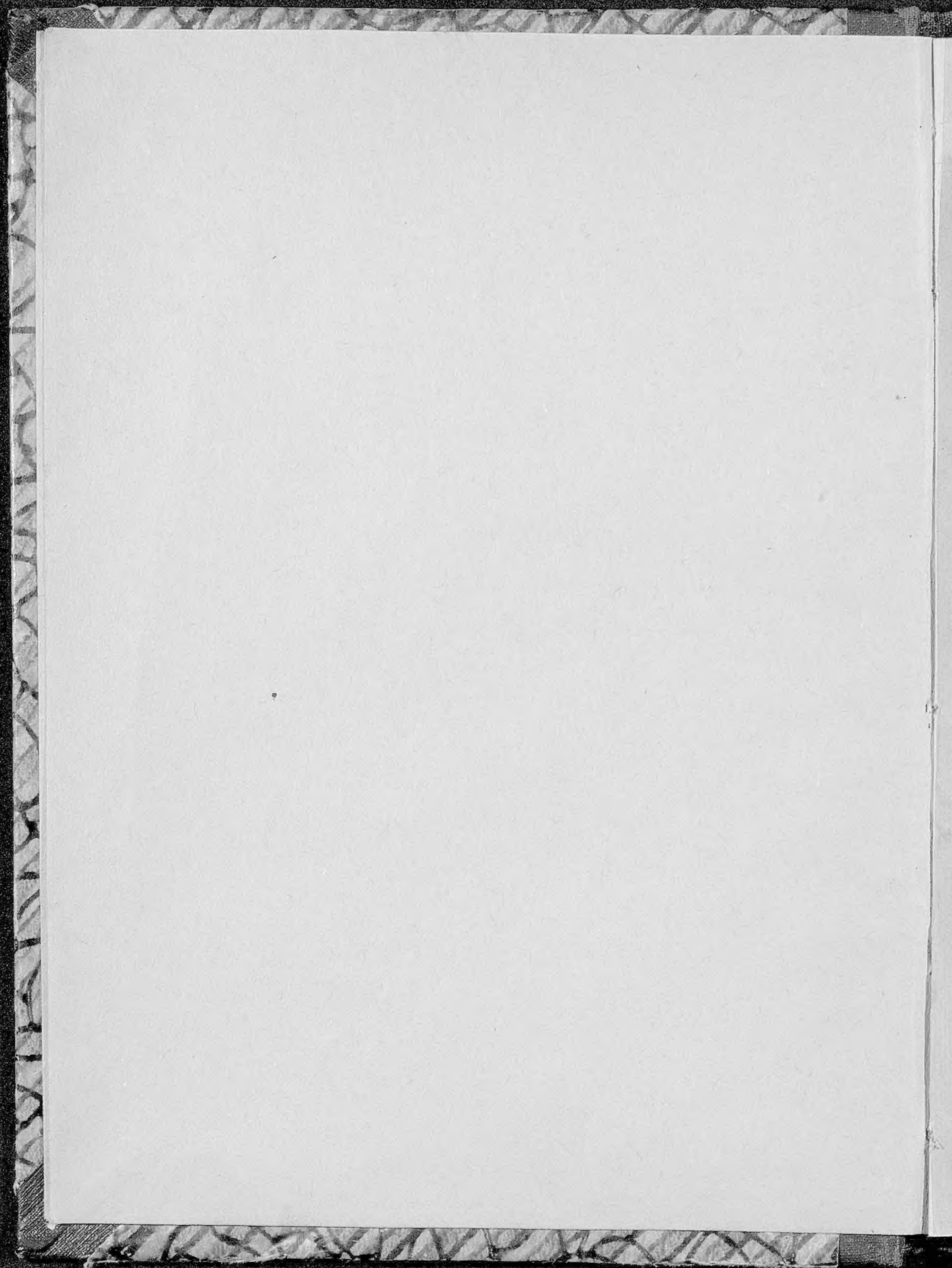

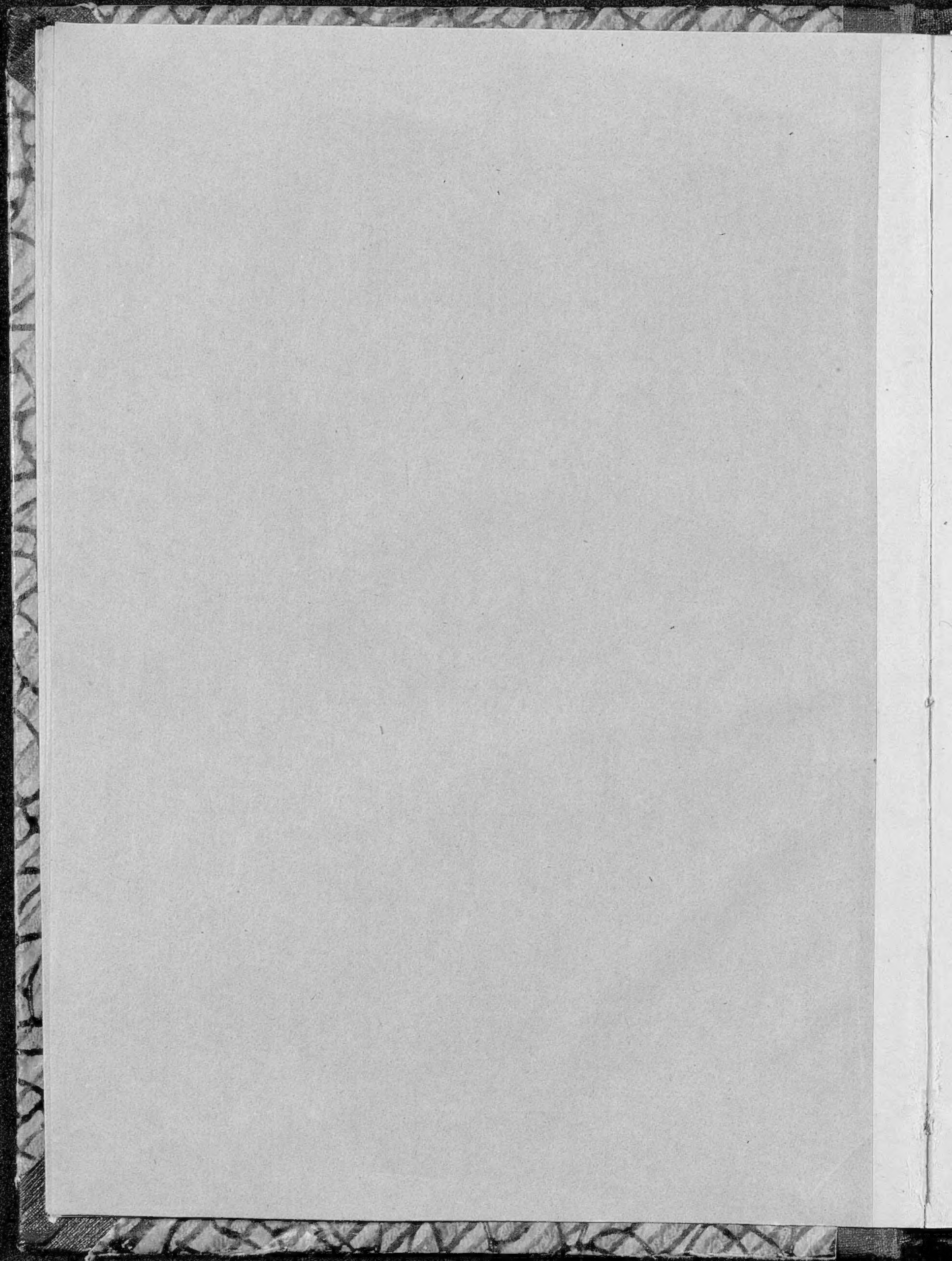
ИСТОРИЧЕСКІЙ ОЧЕРКЪ ВЛАДИМІРСКОЙ ГУБЕРНСКОЙ ГИМНАЗІИ.

СОСТАВЛЕНЪ

преподавателемъ Гимназіи П. СТРАХОВЫМЪ.

ВЫПУСКЪ ПЕРВЫЙ.

ВЛАДИМІРЪ НА КЛЯЗЬМѢ.
Типо-Литографія Губернской Земской Управы.
1891.

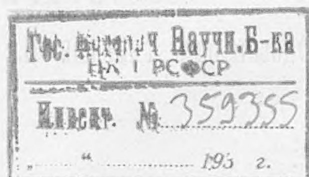
ИСТОРИЧЕСКІЙ ОЧЕРКЪ
ВЛАДИМІРСКОЙ
ГУБЕРНСКОЙ
ГИМНАЗІИ.

СОСТАВЛЕНЪ
преподавателемъ Гимназіи П. СТРАХОВЫМЪ.

ВЫПУСКЪ ПЕРВЫЙ.

ВЛАДИМІРЪ НА КЛЯЗЬМѢ.
Типо-Литографія Губернской Земской Управы.
1891.

Дозволено цензурою. Москва, Августа 31-го дня 1891 года.

Въ числѣ вопросовъ, волнующихъ современное намъ общество, одно изъ первыхъ мѣстъ по важности связанныхъ съ нимъ интересовъ занимаетъ вопросъ объ организаціи средней или общеобразовательной школы—гимназіи. Перестаютъ удовлетворяться частными поправками и дополненіями къ старому; и въ обществѣ и въ печати все чаще раздаются голоса, требующіе коренной реформы самой системы средняго образованія. Безспорно, ни одна система не можетъ претендовать на абсолютную идеальность, и косность въ области педагогіи есть такое же зло, какъ и въ другихъ сферахъ человѣческой жизни. Однако простаго сознанія недостатковъ существующаго далеко недостаточно для того, чтобы имѣть право предлагать средства къ ихъ устраненію. Чтобы на самомъ дѣлѣ достигнуть исправленія, а не безплодной ломки, необходимо предварительно изучить предметъ, подлежащій обновленію, и это изученіе, если оно серьозно, не можетъ быть инымъ, кромѣ историческаго. Безъ этого условія нельзя достигнуть ни ясности, ни полноты пониманія предмета, и на каждомъ шагу грозитъ опасность или предложить такое средство, которое уже давно было испытано и безповоротно осуждено самою жизнью, или же безконечно вращаться въ заколдованномъ кругу, не находя выхода. Въ частности, по отношенію къ школѣ, просмотрѣвши внимательно тотъ путь, который она прошла въ своемъ развитіи, мы будемъ больше цѣнить и тѣ результаты, которыхъ она достигла. Для насъ, русскихъ, этотъ вопросъ имѣетъ тѣмъ большую важность, что исторія нашего просвѣщенія еще слишкомъ мало разработана и въ матеріалахъ и еще менѣе—въ выводахъ, и потому требуетъ отъ желающаго съ нею познакомиться очень большаго напряженія ума и самостоятельной работы.

Изучая исторію Владимірской гимназіи на основаніи того матеріала, который даетъ ея архивъ, мы, поэтому, старались по возможности не терять изъ виду той цѣли, которая одна, помимо всѣхъ другихъ условій, можетъ дать такому очерку не только

частное или мѣстное, но до извѣстной степени общее значеніе. Эта задача состоитъ въ томъ, чтобы, въ предѣлахъ даннаго матеріала, выяснить, въ какой степени русская средняя школа въ различные фазисы своего развитія отвѣчала тѣмъ или другимъ запросамъ общества, насколько она въ своей внутренней жизни осуществляла тѣ принципы, которыми руководилось это общество въ извѣстное время. Короче, это вопросъ о взаимодѣйствіи школы и общества.

Внѣшнимъ побужденіемъ къ составленію предлагаемаго очерка было единодушно выраженное желаніе всего педагогическаго персонала нашей гимназіи достойнымъ образомъ почтить наступленіе 106-й годовщины ея существованія.

Обстоятельства чисто случайнаго и частнаго характера не позволили намъ выполнить свою работу во всей ея количественной полнотѣ къ намѣченному сроку. Предстояло или удовольствоваться краткимъ лѣтописнымъ очеркомъ исторіи нашей гимназіи за все время ея существованія до нашихъ дней, или же ограничиться пока однимъ періодомъ ея жизни, съ тѣмъ чтобы изложить его съ возможной полнотой и систематичностью. Мы предпочли послѣднее, не желая представлять читателямъ одинъ сухой матеріалъ. Насколько этотъ очеркъ выполнилъ свою задачу, судить не намъ. Въ ближайшемъ будущемъ надѣемся довести работу до конца.

Владиміръ, 24-го августа 1891 года.

I-й періодъ (1786—1804).

Основаніе главнаго народнаго училища. Изданіе „Устава народнымъ училищамъ“ 5-го августа 1786 г. является моментомъ выдающейся важности въ исторіи русскаго просвѣщенія, какъ первая попытка со стороны нашего правительства создать цѣльную и общую систему народнаго образованія, положить начало общеобразовательнымъ среднимъ и низшимъ училищамъ, въ которыхъ чувствовалась настоятельная потребность и которыхъ почти совсѣмъ не было въ то время въ Россіи. Цыфирныя школы, открытыя въ нѣкоторыхъ городахъ при Петрѣ I въ силу указа 1714 г., какъ извѣстно, не дали никакихъ положительныхъ результатовъ и скоро исчезли одна за другою. Что же касается тѣхъ правительственныхъ учебныхъ заведеній, которыя возникали у насъ въ періодъ времени отъ Петра I до Екатерины II, то всѣ они носили по преимуществу характеръ сословный и спеціально-техническій, были поэтому разсчитаны на очень ограниченный кругъ лицъ и оставались недоступны для народной массы, не говоря уже о томъ, что вызывались они къ жизни не сознаніемъ важности и необходимости общаго образованія, а чисто практическими потребностями государства, чувствовавшаго на первыхъ порахъ послѣ преобразованія нужду только въ хорошо подготовленныхъ техникахъ—инженерахъ, морякахъ и офицерахъ. Притомъ всѣ эти училища открывались въ одномъ только Петербургѣ, и провинціальное общество въ большинствѣ случаевъ было знакомо съ ними только по наслышкѣ. Существовали, правда, еще три училища, носившія названіе гимназій, одно при Академіи наукъ, другое при Московскомъ университетѣ и третье—въ Казани; но и эти училища представляли изъ себя явленія исключительныя,

созданныя особыми условіями частнаго и до нѣкоторой степени мѣстнаго характера. Правительство Екатерины II взяло на себя трудную, хотя и благодарную задачу, выработать систему общаго народнаго образованія, и надо признать, что оно съ честью выполнило это дѣло, создавъ цѣлое законодательство по учебной части, строго обдуманное и разработанное во всѣхъ подробностяхъ. легшее въ основу всѣхъ дальнѣйшихъ мѣропріятій этого рода. Правда, съ нашей точки зрѣнія найдутся и крупные недостатки въ учебномъ законодательствѣ Екатерины II, но они вполнѣ объясняются и оправдываются какъ условіями времени, такъ и новизною самого дѣла.

По отношенію къ нашей гимназіи Уставъ 1786 г. имѣетъ то значеніе, что ему обязано своимъ возникновеніемъ во Владимірѣ „Главное народное училище“, преобразованное позднѣе въ гимназію. Такимъ образомъ, по времени своего основанія, гимназія наша принадлежитъ къ числу старѣйшихъ въ Россіи учебныхъ заведеній этого типа. Остается только пожалѣть. что за весь 18-лѣтній періодъ существованія Главнаго народнаго училища архивъ нашей гимназіи сохранилъ только самыя скудныя и отрывочныя свѣдѣнія, по которымъ довольно трудно, даже въ общихъ чертахъ, воспроизвести болѣе или менѣе вѣрно картину тогдашней школьной жизни.

Сохранилось извѣстіе, что Главное народное училище во Владимірѣ открыто было 22 сентября 1786 г., по предписанію господина генералъ-губернатора Владимірскаго и Костромскаго и разныхъ орденовъ кавалера Ивана Александровича Заборовскаго. Но мы не имѣемъ никакихъ болѣе подробныхъ свѣдѣній о томъ, при какихъ условіяхъ состоялось это открытіе, равнымъ образомъ неизвѣстно, кто былъ первымъ директоромъ вновь открытаго училища, и кто были первыми въ немъ учителями. Одна краткая замѣтка позднѣйшаго происхожденія называетъ коллежскаго ассессора Лунина предшественникомъ Алексѣя Алексѣевича Цвѣтаева въ должности директора; Цвѣтаевъ же былъ послѣднимъ директоромъ главнаго училища и первымъ директоромъ гимназіи, съ 1802 по 1808 г. Но былъ ли Лунинъ директоромъ главнаго училища съ самаго его основанія—вопросъ этотъ остается открытымъ; о его дѣятельности, равно какъ и о дѣятельности его

предшественниковъ, если они только были, мы не имѣемъ ни малѣйшихъ указаній.

Кромѣ директора, педагогическій персоналъ главнаго училища при его основаніи состоялъ изъ четырехъ учителей. До насъ сохранилось имя только одного изъ нихъ, и то потому, что онъ оставался въ своей должности до самаго преобразованія училища, въ теченіе всѣхъ 18 лѣтъ его существованія: это—учитель историческихъ наукъ Виноградовъ. Нѣсколько позднѣе, а именно въ 1788 г., поступилъ на службу учитель II класса Воронинъ, въ 1797 г.—учитель I класса Кантеревъ, а въ 1802 г.—учитель математическихъ наукъ Боголѣповъ. Имена ихъ предшественниковъ не сохранились. Наконецъ, передъ самымъ преобразованіемъ училища въ 1804 г., мы встрѣчаемъ фонъ-Ферельцта учителемъ вновь устроенныхъ классовъ нѣмецкаго и французскаго языковъ. Всѣ вышеприведенныя лица были свидѣтелями преобразованія училища въ гимназію и оставались въ послѣдней учителями болѣе или менѣе продолжительное время, за исключеніемъ одного Кантерева, который предпочелъ занять должность смотрителя Муромскаго уѣзднаго училища, гдѣ и умеръ въ 1809 г.

Помѣщеніе училища. Гдѣ помѣщалось Главное народное училище въ первое время послѣ открытія—неизвѣстно. Но мы знаемъ, что съ 1799 г. училище переведено было въ новое двухъэтажное зданіе, расположенное въ центрѣ города, противу площади корпуса присутственныхъ мѣстъ и соборовъ Успенскаго и Дмитріевскаго. Домъ этотъ купленъ былъ въ казну у частнаго обывателя за 2,000 руб. и до сихъ поръ состоитъ въ учебномъ вѣдомствѣ, будучи занятъ въ настоящее время квартирою директора и канцеляріей гимназіи. На приспособленіе его подъ училище израсходовано было 2.641 р. 4 к. Необходимыя на всѣ эти расходы деньги въ количествѣ 4,641 р. 4 к. ассиг. были отпущены изъ казначейства въ теченіе 1798 и 1799 годовъ въ счетъ суммы, ассигнованной на постройку разныхъ подвѣдомыхъ приказу общественнаго призрѣнія благотворительныхъ заведеній. Въ концѣ 1800 г. домъ этотъ былъ заново перестроенъ и затѣмъ, вплоть до преобразованія главнаго училища въ гимназію, капитальнаго ремонта не производилось, и дѣло ограничивалось мелочными поправками. Въ домѣ помѣщались классы, канцелярія и

квартиры директора и одного изъ учителей; остальные же три учителя получали квартирныя деньги.

Средства содержанія. Въ матеріальномъ отношеніи Главное народное училище вполнѣ зависѣло отъ Приказа общественнаго призрѣнія. Отъ себя правительство не ассигновало никакихъ особыхъ денежныхъ средствъ на нужды училищъ, и это обстоятельство служило серьезной помѣхой правильному развитію школы. такъ какъ мѣстные приказы. сами располагая очень незначительными средствами, не были въ состояніи достаточно обезпечить ее. Бюджетъ Владимірскаго главнаго училища за все время его существованія былъ поэтому болѣе чѣмъ скроменъ. На жалованье директору и четыремъ учителямъ положено было 1,650 р. ассиг.. именно—директору 500 руб. ассиг., двумъ старшимъ учителямъ предметовъ по 400 руб. ассиг. (за 23 недѣльныхъ урока), учителю II класса 200 руб. (за 29 уроковъ) и I класса 150 р. (за 27 уроковъ). На всѣ остальные расходы по училищу рѣдко тратилось въ годъ болѣе 300 руб. ассиг. Въ 1803 г., напримѣръ, приказъ ассигновалъ всего: на отопленіе и освѣщеніе

училищнаго зданія и на мелочные расходы	100 р.
на жалованье двумъ сторожамъ	24 „
на наемъ квартиръ тремъ учителямъ	85 „
Всего . . .	209 р.

Такимъ образомъ на ординарные расходы по училищу Приказъ общественнаго призрѣнія тратилъ въ годъ менѣе 2,000 р. ассиг. Что же касается до экстраординарныхъ расходовъ, то, какъ бы ни были они незначительны, они требовали каждый разъ особыхъ представленій отъ директора, и приказъ исполнялъ ихъ очень неохотно и лишь въ случаяхъ крайней необходимости. Любопытны данныя, добытыя ревизіей Дружинина, который въ августѣ 1803 г. былъ командированъ отъ высшаго учебнаго начальства для осмотра училищъ Владимірской дирекціи; въ пространномъ отношеніи къ Владимірскому гражданскому губернатору князю Долгорукову, онъ предлагаетъ послѣднему, какъ предсѣдателю Приказа общественнаго призрѣнія, принять мѣры къ устраненію замѣченныхъ въ хозяйственной части училища недостатковъ. Указывая на полное почти отсутствіе учебныхъ пособій, Дружининъ находитъ нужнымъ опредѣлить хотя единовременно сумму на пріобрѣтеніе «самонуж-

нѣйшихъ физическихъ и математическихъ орудій». Далѣе, визитаторъ предлагаетъ Владимірскому приказу общественнаго призрѣнія обратить вниманіе на недостаточность отпускаемыхъ на отопленіе и освѣщеніе казеннаго зданія денегъ и на квартирныя деньги учителямъ.

«Благоразумію вашего сіятельства, заканчиваетъ Дружининъ свою записку, я отдаю на разсужденіе, можетъ ли быть достаточна таковая сумма на всѣ помянутыя надобности (100 р. на освѣщеніе и отопленіе и 85 р. на квартиры тремъ учителямъ). Учители, не имѣя казенныхъ квартиръ, получаютъ деньги на наемъ помѣщеній въ такомъ количествѣ, которое едва ли довольно на отопленіе и освѣщеніе одного покоя. Не угодно ли будетъ вашему сіятельству сдѣлать имъ хотя нѣкоторое удовольствіе съ сей стороны».

Однако приказъ общественнаго призрѣнія не сразу выполнилъ тѣ требованія, которыя были формулированы Дружининымъ. Такъ, 2 октября 1803 года состоялось чрезвычайное общее собраніе учителей подъ предсѣдательствомъ директора, которое постановило ходатайствовать передъ приказомъ, во первыхъ, объ увеличеніи суммы полагаемой на отопленіе и освѣщеніе училища съ 100 р. до 250 р. ассиг. въ годъ, въ виду того, что на одно отопленіе одиннадцати печей въ училищномъ домѣ потребно дровъ не менѣе 60 саженъ на сумму 180 р. ассиг., да освѣщеніе вмѣстѣ съ другими мелкими расходами (бумага и чернила, мѣлъ и губки и пр.) обходится въ годъ приблизительно 70 р. ассиг. Во вторыхъ—объ увеличеніи квартирнаго содержанія по такому разсчету, чтобы на каждаго учителя старшихъ классовъ приходилось 80 р. 70 к., а младшихъ—70 р. 40 к. въ годъ. Въ третьихъ—увеличить содержаніе двумъ сторожамъ при училищѣ, такъ какъ положенныхъ имъ 24 р. ассиг. въ годъ недостаточно даже на одну пищу. Слѣдуетъ по крайней мѣрѣ удвоить это жалованье.

Доводы эти принудили наконецъ приказъ произвести нѣкоторыя дополненія по указаннымъ статьямъ расходовъ. А именно: на отопленіе и освѣщеніе училища положено 180 р. ассиг., на мелочные расходы—100 р. ассиг., на наемъ квартиръ тремъ учителямъ по 50 р. каждому—150 р. ассиг., на жалованье двумъ сторожамъ по 36 р. каждому—72 р.

Кромѣ того ассигновано вновь 300 р. въ годъ на учителя новыхъ языковъ. Если къ этому прибавить оставшіеся по старому окладу 1,650 р. на жалованье директору и учителямъ, то бюджетъ главнаго училища за послѣдній годъ его существованія выразится цифрою 2,452 р.

Порядокъ училищнаго управленія. Прежде чѣмъ сдѣлать попытку проникнуть, насколько позволятъ средства, во внутренній распорядокъ жизни Владимірскаго главнаго училища, нелишнимъ будетъ вкратцѣ изложить самую систему училищнаго управленія, созданную Уставомъ 1786 года. Первая крупная черта, которая прежде всего бросается въ глаза при чтеніи Устава, и которая въ то же время составляетъ самый крупный недостатокъ всей системы,—это полная зависимость школы отъ мѣстныхъ органовъ общей администраціи. Директоръ народныхъ училищъ губерніи непосредственно подчиненъ мѣстному Приказу общественнаго призрѣнія, предсѣдателемъ котораго состоитъ гражданскій губернаторъ—законный попечитель всѣхъ училищъ губерніи (§ 63 Устава), подъ высшимъ контролемъ генералъ-губернатора. Приказъ общественнаго призрѣнія, въ свою очередь, по всѣмъ училищнымъ дѣламъ зависитъ отъ центральнаго органа учебнаго вѣдомства съ коллегіальнымъ характеромъ—«Главнаго правленія училищъ» (§ 107), которое уже непосредственно сносится съ верховной властью (§§ 108 и 112). Положеніе директора народныхъ училищъ сводится Уставомъ на роль исполнительнаго органа Приказа общественнаго призрѣнія, который, судя по сохранившимся въ нашемъ архивѣ указаніямъ, принимаетъ отъ директора срочные отчеты о состояніи учебнаго и хозяйственнаго дѣла въ дирекціи, разрѣшаетъ директору и учителямъ отпуски и поручаетъ по своему усмотрѣнію исправленіе должности директора, за отсутствіемъ послѣдняго, кому-либо изъ учителей; вообще, все дѣлопроизводство по дирекціи ведется не иначе какъ черезъ приказъ, отъ котораго зависѣло даже самое назначеніе на должность не только учителей, но и директора. Особенно же рѣзко чувствовалась эта зависимость въ области хозяйственнаго управленія Главнаго училища. Директоръ не получалъ на руки ни копѣйки денегъ, и всѣ расходы по училищу, даже самые незначительные, оплачивались непосредственно самимъ приказомъ. На каждый малѣйшій расходъ директоръ долженъ былъ испрашивать

письменное разрѣшеніе приказа, безъ вѣдома котораго не могъ распорядиться самостоятельно напримѣръ даже починкою лопнувшей печной трубы, или замѣною одного негоднаго училищнаго сторожа другимъ. Такъ, по вопросу о негодныхъ сторожахъ завязалась у дирекціи съ приказомъ цѣлая длинная переписка въ 1803 году, и такъ какъ приказъ долгое время не исполнялъ требованія директора, послѣдній счелъ себя вынужденнымъ обратиться съ жалобой къ визитатору Дружинину, о которомъ было уже упомянуто выше. Послѣдній потребовалъ отъ приказа, чтобы онъ или перемѣнилъ негодныхъ служителей, или же выдавалъ директору прямо на руки сумму достаточную для этой цѣли, предоставивъ ему самому подыскивать подходящихъ людей. Но требованіе это осталось безъ послѣдствій, какъ и многія другія. Вообще, жалобы на неаккуратность приказа, на его медлительность въ рѣшеніи дѣлъ не терпящихъ отлагательства—явленіе обычное въ то время: повидимому, Приказъ общественнаго призрѣнія былъ учрежденіемъ совершенно неподходящимъ для той роли, которая была ему навязана въ сферѣ учебнаго управленія.

Что касается до обязанностей директора, то онѣ были вообще довольно сложны. Правда, Уставъ не требовалъ совмѣщенія ихъ съ преподаваніемъ какого-нибудь учебнаго предмета, но за то на директорѣ лежало кромѣ непосредственнаго завѣдыванія дѣлами главнаго училища, управленіе всѣми вообще учебными заведеніями въ губерніи, какъ правительственными, такъ и частными. Что это было дѣломъ далеко не легкимъ, можно судить уже по тому, что завѣдываніе малыми народными училищами, содержавшимися на средства городовъ, по Уставу ввѣрялось выборнымъ отъ городскаго общества смотрителямъ, т.-е такимъ лицамъ, которыя зачастую не имѣли не только спеціально педагогическаго опыта, но и вовсе никакихъ знаній, и въ тоже время неохотно подчинялись контролю директора. Между тѣмъ отвѣтственность за плохое состояніе учебнаго дѣла въ малыхъ народныхъ училищахъ всецѣло падала на послѣдняго, и въ 1802 году, напримѣръ, Владимірскій приказъ общественнаго призрѣнія сдѣлалъ директору Цвѣтаеву строгій выговоръ именно по такому поводу, рекомендуя ему, согласно 80 § Устава, немедленно осмотрѣть всѣ училища и о состояніи ихъ доложить приказу. Замѣтимъ кстати, что на такіе разъѣзды для ревизіи училищъ, разбросанныхъ по

разнымъ городамъ губерніи, директору не полагалось никакихъ особыхъ суммъ. Въ частности, во Владимірской дирекціи, дѣло нѣсколько упрощалось тѣмъ, что число малыхъ народныхъ училищъ было здѣсь очень ограничено: ихъ было всего три—въ Суздалѣ, Переславлѣ и Муромѣ; одно время открыты были таковыя же въ Юрьевѣ и въ Шуѣ, но скоро прекратили свое существованіе по недостатку средствъ. Частныхъ же школъ во Владимірской губерніи въ то время не было вовсе.

Какъ на упомянутые выше разъѣзды по губерніи, такъ и на канцелярію тоже не полагалось никакихъ особыхъ суммъ; все дѣлопроизводство и письмоводство лежало лично на директорѣ, которому часто, за невозможностью самому успѣть справиться съ этимъ дѣломъ, приходилось привлекать къ нему учителей и даже учениковъ, конечно безъ всякаго за то́ вознагражденія.

Учители были непосредственными помощниками директора въ управленіи Главнымъ училищемъ. Кромѣ «классическихъ» занятій на обязанности ихъ лежало завѣдываніе «книгохранилищемъ» и собраніемъ учебныхъ пособій, надзоръ за учащимися въ стѣнахъ заведенія, наконецъ вообще наблюденіе за чистотою и порядкомъ въ училищномъ зданіи и веденіе несложнаго и скромнаго училищнаго хозяйства. Обязанности эти возлагались на учителей по усмотрѣнію директора и съ утвержденія Приказа общественнаго призрѣнія.

Отъ времени до времени учители собирались подъ предсѣдательствомъ директора на «общія собранія» и «засѣданія», но собранія эти не имѣли характера правильно функціонирующаго установленія, собирались не регулярно, только въ экстренныхъ случаяхъ, никакихъ протоколовъ или журналовъ такихъ собраній не велось, и не было поэтому постояннаго секретаря. Когда въ августѣ 1803 г. Дружининъ, ревизовавшій главное училище, заявилъ желаніе сохранить при дѣлахъ училища журналы засѣданій, собиравшихся подъ его предсѣдательствомъ, онъ долженъ былъ лично поручить одному изъ учителей веденіе этихъ протоколовъ, и выборъ его палъ на Воронина.

Учебная часть. Нѣсколько любопытныхъ и своеобразныхъ чертъ представляетъ намъ организація учебнаго дѣла въ Главномъ

народномъ училищѣ во Владимірѣ. Открыто оно было, согласно Уставу, въ составѣ 4-хъ классовъ, съ 2-хъ лѣтнимъ курсомъ IV класса, такъ что общая продолжительность всего курса равнялась 5-ти годамъ (§§ 1 и 42). Но, какъ кажется, это дѣленіе на классы или „разряды“ не имѣло на практикѣ строго опредѣленнаго характера. Нѣкоторая неясность редакціи Устава возбуждала сомнѣніе, понимать ли подъ разрядомъ цѣлую группу соотвѣтствующихъ учебныхъ курсовъ, или же примѣнять это дѣленіе къ каждому предмету въ отдѣльности, не связывая ихъ между собою въ группы? Говоря проще, могъ ли ученикъ по разнымъ предметамъ состоять одновременно въ разныхъ классахъ? Дѣло въ томъ, что какъ мѣсячныя, такъ и годичныя вѣдомости объ успѣхахъ учениковъ составлялись не по классамъ, а каждымъ учителемъ отдѣльно по своему предмету; въ годичныхъ отчетахъ каждый учитель по своему распредѣлялъ своихъ учениковъ по классамъ, и на основаніи этихъ вѣдомостей совершался переводъ учениковъ въ высшіе классы и присужденіе наградъ. До насъ сохранились вполнѣ только двѣ годичныхъ вѣдомости объ успѣхахъ учениковъ за 1803 г., составленныя учителемъ математики Боголѣповымъ и учителемъ историческихъ наукъ Виноградовымъ. Сличая эти двѣ вѣдомости, находимъ такіе случаи, что одинъ и тотъ же ученикъ по ариѳметикѣ помѣщенъ въ I классѣ, а по всемірной исторіи въ III, а другой — по ариѳметикѣ въ I классѣ, а по политической географіи въ IV; кромѣ того очень многіе ученики помѣщены по одному предмету въ I, а по другому — во II, или по одному — во II, а по другому — въ III и т. д. Въ очень немногихъ случаяхъ эти двѣ вѣдомости сходятся одна съ другою. Если на основаніи такихъ аттестацій ученики переводились изъ класса въ классъ, то какъ приходилъ педагогическій персоналъ къ соглашенію въ случаяхъ подобныхъ разногласій, иногда очень рѣзкихъ? Въ самомъ дѣлѣ, въ какой классъ помѣстить ученика, если онъ по одному предмету не двигается дальше I класса, а по другимъ достоинъ занять мѣсто въ III или IV? Матеріалъ нашего архива не даетъ, къ сожалѣнію, отвѣта на этотъ вопросъ.

Въ каждомъ классѣ Уставъ полагаетъ 30 недѣльныхъ уроковъ, которые между отдѣльными предметами распредѣлены такъ:

	I кл.	II кл.	III кл.	IV кл.	Всего.
Законъ Божій.		4	5		
Россійскій языкъ	25	6	3	3	55
Ариометика		6	3		
Книга о должностяхъ человѣка и гражд.		5			5
Гражд. исторія			4	6	10
Географія			5	3	8
Естественная исторія				5	5
Геометр., архитектура, механика, физика				7	7
Латинскій языкъ	2	3	4	3	12
Иностранный языкъ	3	6	6	3	18

Между положенными по Уставу пятью учителями предметы эти распредѣлются такъ:

1. Учитель математическихъ наукъ преподаетъ въ III и IV классахъ математику и языки россійскій и латинскій, всего 23 недѣльныхъ урока.

2. Учитель историческихъ наукъ преподаетъ также въ III и IV классахъ исторію гражданскую и естественную и географію, всего—23 урока.

3. Учитель II класса преподаетъ всѣ предметы этого отдѣленія и кромѣ того—законъ Божій въ III классѣ—всего 29 уроковъ.

4. Учитель I класса—всѣ предметы своего класса—всего 27 уроковъ.

5. Учитель иностраннаго языка преподаетъ во всѣхъ классахъ и имѣетъ всего 18 уроковъ.

Какъ можно видѣть изъ этой таблицы, число часовъ между отдѣльными предметами распредѣлено довольно равномѣрно, такъ

что ни одному изъ нихъ не отдается особаго предпочтенія. При этомъ языки латинскій и иностранный, преимущественно мѣстный (§ 11 Устава), необязательны; первый требуется лишь отъ тѣхъ учениковъ, которые намѣреваются продолжать свое образованіе въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ, при этомъ изученіе его преслѣдуетъ только утилитарную цѣль, и приложенное къ Уставу „Наставленіе учителямъ иностранныхъ языковъ“ разумѣетъ въ числѣ послѣднихъ также и латинскій, не полагая никакого различія между нимъ и другими иностранными языками ни по программѣ, ни по „способу преподаванія.“ Мало того, для латинскаго языка не полагается особаго преподавателя, и обученіе ему возлагается въ I и II классахъ на учителей этихъ классовъ, а въ III и IV классахъ—на учителя математическихъ наукъ (§ 43).

Точно также не полагается и собаго учителя для закона Божія; преподаваніе этого предмета возложено также на учителей соотвѣтствующихъ классовъ. Наконецъ кстати надо упомянуть, что въ приведенномъ выше росписаніи не удѣлено особыхъ часовъ на одинъ обязательный по Уставу предметъ—рисованіе, тогда какъ въ примѣрномъ расположеніи часовъ по днямъ недѣли, приложенномъ къ Уставу, рисованіе помѣщено 2 раза въ недѣлю по 2 часа послѣ полудня «вмѣсто отдохновенія», одновременно во всѣхъ классахъ, начиная съ II. Такимъ образомъ, если включить и рисованіе въ общее росписаніе предметовъ, то на каждый изъ трехъ высшихъ классовъ придется уже не 30, а 34 недѣльныхъ урока, а во всѣхъ классахъ—132 урока вмѣсто 120.

Распредѣленіе уроковъ въ предѣлахъ учебнаго дня также очень своеобразно и мало походитъ на современное намъ. Уроки въ то время распредѣлялись до и послѣ полудня, три урока утромъ съ 9 до 12 часовъ и три или два урока послѣ полудня, начиная съ 2 часовъ. Кромѣ того, лишь въ сравнительно рѣдкихъ случаяхъ продолжительность урока равнялась одному часу; Уставъ находитъ болѣе цѣлесообразнымъ занимать однимъ и тѣмъ же предметомъ по 2 и нерѣдко по 3 часа сряду.

Примѣрное росписаніе уроковъ, рекомендуемое Уставомъ 1804 года, настолько своеобразно, что мы приводимъ его цѣликомъ, измѣнивши для большей наглядности только самую форму.

Классы	ПОНЕДѢЛЬНИКЪ. До полудня.	ПОНЕДѢЛЬНИКЪ. Послѣ полудня.	ВТОРНИКЪ. До полудня.	ВТОРНИКЪ. Послѣ полудня.	СРЕДА. До полудня.	СРЕДА. Послѣ полуд.
I.	(1–3) Склады, чтеніе букваря, правила для учащихся, сокращен. катихизисъ, священ. исторія.	(1–3) Письмо и цифры.	(1–2) Чтеніе, склады и т. д. 3 Латинск. языкъ.	(1–3) Сосѣдственный языкъ.	(1–2) Склады, чтеніе и т. д.	Рисованіе.
II.	(1–3) Ариѳметика часть I.	(1–3) Письмо, правописаніе и диктован.	(1–3) Сосѣдственный языкъ.	(1–2) Книга о должностяхъ. 3 Латинскій языкъ.	(1–2) Пространный катихизисъ. 3 Латин. языкъ.	Рисованіе.
III.	1 Общая географія. (2–3) Латинскій языкъ.	(1–3) Сосѣдственный языкъ.	(1–3) Простр. катихиз. и изъясненія Евангелія.	(1–3) Географія общая.	(1–2) Ариѳметики часть II. 3 Географ. Россійск.	Рисованіе.
IV.	(1–2) Исторія Россійская. 3 Латинскій языкъ.	1 Исторія всеобщая. (2–3) Естеств. исторія.	(1–3) Геометрія, архитектура, механ., физика.	(1–3) Рос. грамматика.	(1–2) Географія общая. 3 Геометрія и т. д.	Рисованіе.

Классы	ЧЕТВЕРГЪ. До полудня.	ЧЕТВЕРГЪ. Послѣ полудня.	ПЯТНИЦА. До полудня.	ПЯТНИЦА. Послѣ полудня.	СУББОТА. До полудня.	СУББОТА. Послѣ полуд.
I.	(1–3) Склады, чтеніе и т. д.	(1–3) Письмо и цифры.	(1–2) Склады, чтеніе и т. д. 3 Латинск. языкъ.	(1–3) Письмо и цифры.	(1–3) Склады, чтеніе и т. д.	Рисованіе.
II.	(1–3) Книга о должностяхъ человѣка и гражданина.	(1–3) Письмо, правописаніе и диктован.	(1–3) Ариѳметика часть I.	(1–3) Сосѣдственный языкъ.	(1–2) Простр. катихиз., священ. исторія. 3 Латин. языкъ.	Рисованіе.
III.	(1–3) Сосѣдствен. языкъ.	1 Всеобщая исторія. (2–3) Латинск. языкъ.	(1–3) Исторія всеобщ.	1 Ариѳм. част. II. (2–3) Простр. катихиз., изъясн. Евангелія.	(1–3) Россійская грамматика.	Рисованіе.
IV.	(1–3) Естествен. исторія.	(1–3) Сосѣдств. языкъ.	(1–3) Геометрія и т. д.	1 Рос. географія. (2–3) Латин. языкъ.	(1–3) Исторія всеобщ.	Рисованіе.

Этого росписанія придерживалось въ общемъ и Владимірское главное народное училище, съ нѣкоторыми, впрочемъ, измѣненіями, такъ какъ до послѣдняго года своего существованія оно не имѣло классовъ латинскаго и иностраннаго языковъ и класса рисованія. Очень характерно сохранившееся до насъ росписаніе, помѣченное мартомъ 1804 года и составленное по случаю открытія классовъ латинскаго и иностранныхъ языковъ. Вотъ оно:

	Часы.	III классъ.	IV классъ.
Понедѣльникъ и Вторникъ.	9-й и 10-й 11-й и 12-й	Математическіе предметы. Историческіе.	Историческіе предметы въ обоихъ разрядахъ.
Среда и Четвергъ.	9-й и 10-й 11-й и 12-й	Историческіе. Историческіе.	Математическіе въ обоихъ разрядахъ.
Пятница и Суббота.	9-й и 10-й 11-й и 12-й	Математическіе. Историческіе.	Историческіе. Математическіе.

Примѣчаніе. Послѣ полудня 3-й и 4-й часы назначаются во всѣ дни на обученіе сперва нѣмецкому, а потомъ французскому языкамъ для учениковъ вольнаго состоянія III и IV классовъ, а въ среду и субботу и для таковыхъ же учениковъ II разряда, съ присовокупленіемъ 5-го и 6-го часовъ.

Въ понедѣльникъ, вторникъ, четвертокъ и пятницу въ 5-мъ и 6-мъ часу преподается учителемъ математическихъ наукъ латинскій языкъ, частью же и россійская грамматика, для учениковъ вольнаго состоянія III и IV классовъ и таковыхъ же успѣшнѣйшихъ учениковъ изъ II. Въ часы же для языковъ назначенные ученики III и IV разряда, не долженствующіе обучаться онымъ, сходятся во II разрядѣ для слушанія христіанскаго закона и россійской грамматики.

Учитель I разряда обучаетъ въ обыкновенные дни и часы по прежнему расположенію всѣмъ предметамъ въ Уставѣ народныхъ училищъ предписаннымъ, употребляя на оные и часы для сосѣдственнаго языка назначенные.

Присматриваясь ближе къ этому росписанію, мы находимъ въ немъ цѣлый рядъ крупныхъ и вопіющихъ отступленій отъ

Устава, повидимому безъ всякаго разрѣшенія отъ высшаго учебнаго начальства. Прежде всего, бросается въ глаза произвольное увеличеніе числа учебныхъ часовъ во II, III и IV классахъ по латинскому и новымъ языкамъ. По Уставу, на латинскій языкъ положено въ IV классѣ 3 урока, въ III классѣ 4 урока и во II классѣ—3 урока, тогда какъ разбираемое расписаніе на тотъ же предметъ и «отчасти» на россійскій языкъ назначаетъ въ этихъ классахъ 8 уроковъ совмѣстныхъ занятій. Тоже самое и относительно новыхъ языковъ. На иностранный языкъ Уставъ полагаетъ 3 урока въ IV классѣ и по 6 уроковъ въ III и во II классахъ; наше расписаніе удѣляетъ на французскій и нѣмецкій языки въ III и IV классахъ 12 совмѣстныхъ уроковъ, а во II классѣ—8 уроковъ, изъ которыхъ половина—совмѣстно со старшими классами. Благодаря такому несоразмѣрному увеличенію числа учебныхъ часовъ, на каждый день во II, III и IV классахъ приходилось по 8 уроковъ—съ 9 до 12 и съ 2 до 6 часовъ, а на нѣкоторые изъ предметовъ—по 4 сплошныхъ часа занятій.

Другую особенность этого расписанія составляетъ указанное уже совмѣстное обученіе по нѣкоторымъ предметамъ не только двухъ старшихъ классовъ, но также и II вмѣстѣ съ ними, тогда какъ Уставъ допускаетъ такой распорядокъ только относительно рисованія. Это, конечно, объясняется тѣмъ, что новые предметы (языки) введены были не постепенно, начиная съ низшихъ классовъ, а сразу въ II, III и IV классахъ, въ которыхъ слѣдовательно должны были открыться тождественные курсы. Наконецъ, надо отмѣтить и то, что языки латинскій и новые не включены въ курсъ I класса, а часы, назначенные на нихъ по Уставу, заняты другими предметами этого класса.

Такія существенныя и странныя отступленія отъ Устава можно объяснить только тѣмъ, что разсмотрѣнное нами расписаніе составлено было очевидно на скорую руку, явилось на свѣтъ въ эпоху переходную, въ послѣдніе дни существованія главнаго народнаго училища, что, наконецъ, латинскій и новые языки введены были въ виду скораго открытія гимназіи, и учениковъ II—IV классовъ надо было хотя нѣсколько подготовить въ элементахъ языковъ, чтобы не затруднять съ этой стороны введеніе Устава 1804 г. Если, такимъ образомъ, мѣстное училищное начальство позволяло себѣ такія крупныя отступленія отъ Устава, то еще бо-

лѣе простора представлялось ему, повидимому, въ тѣхъ вопросахъ, которыхъ уставъ не затрогивалъ вовсе: таковъ, напримѣръ, вопросъ объ объемѣ преподаванія. Уставъ перечисляетъ только одни предметы, распредѣляя ихъ по классамъ, но не даетъ программъ ни по одному изъ нихъ. Было бы очень интересно узнать, какъ рѣшался этотъ вопросъ въ нашемъ Главномъ училищѣ, но, къ сожалѣнію, мы не имѣемъ для этого никакихъ данныхъ.

Учебный годъ продолжался съ 1-го августа по 1-е іюля и дѣлился на два «учебныхъ теченія», каждое изъ которыхъ завершалось „открытымъ испытаніемъ", публичной провѣркою познаній учащихся. О времени этихъ испытаній Владимірское общество извѣщалось заранѣе особыми программами, которыя разсылались на домъ болѣе почетнымъ лицамъ и расклеивались по городу. Торжество происходило обыкновенно въ присутствіи губернатора, вице-губернатора, прокурора и другихъ почетныхъ лицъ, и открывалось краткимъ привѣтствіемъ къ посѣтителямъ отъ лица педагогическаго персонала. Затѣмъ прочитывались списки учениковъ, переведенныхъ въ высшіе классы, провозглашались имена отличившихся прилежаніемъ, успѣхами и благонравіемъ и раздавались книги въ награду лично губернаторомъ на счетъ Приказа общественнаго призрѣнія. Отъ 1803 г. сохранились до насъ и списки книгъ, полученныхъ учениками въ награду. Изъ списковъ этихъ видно, что награды не всегда давались за успѣшность по всѣмъ предметамъ пройденнаго курса, а часто или за одну группу предметовъ (историческихъ или математичискихъ), или же за успѣхи въ одномъ какомъ либо предметѣ. Наградными книгами служили по большей части учебныя руководства, принятыя въ училищѣ, и распредѣленіе ихъ между отличившимися учениками носило совершенно случайный характеръ. Такъ, учебникъ I части ариѳметики дается ученикамъ и I и III и IV классовъ, хотя, очевидно, они и безъ того обязаны были имѣть его у себя. Часто наградная книга не соотвѣтствуетъ тому предмету, въ которомъ ученикъ отличился; напримѣръ, одному ученику IV класса, оказавшему успѣхи въ историческихъ наукахъ, данъ въ награду учебникъ механики, а ученику III класса, отличившемуся въ математическихъ наукахъ,—краткое землеописаніе Россійскаго государства. Относительное число учениковъ, удостоивавшихся наградъ, было очень велико. Правда, до насъ не сохранилось общихъ

списковъ учащихся по годамъ, то по нѣкоторымъ даннымъ можно судить, что число ихъ колебалось между 100 и 50. Между тѣмъ, число награжденныхъ учениковъ въ іюнѣ 1802 г. равняется 26, и столько же въ декабрѣ того же года. Въ іюнѣ 1803 г. награждено 38 учениковъ, въ декабрѣ—35. Въ іюнѣ 1804 г.—32 ученика. Несмотря на такое большое число учениковъ, удостоиваемыхъ награжденія, оно не влекло за собою особенно крупныхъ расходовъ. Учебники, дававшіеся въ награду, были очень дешевы, не дороже 55 к. ассиг. за экземпляръ, такъ что въ общемъ приказъ общественнаго призрѣнія тратилъ на этотъ предметъ ежегодно не болѣе 30 руб.

Учебныя руководства. 1. Краткая свящ. исторія ветхаго и новаго завѣта, изданныя для народныхъ училищъ Россійск. Имперіи, по Высоч. повелѣнію царствованія Императрицы Екатерины Вторыя. Спб. 1784 г.

2. Изъясненіе воскресныхъ и праздничныхъ евангелій, для употребленія въ нар. учил. Россійск. Имперіи, изд. по Высоч. повел. царствующія Императрицы Екатерины Вторыя. Спб. 1784 г.

3. Сокращенный катихизисъ, для обученія юношества православному закону христіанскому, изданный въ 1784 г.

4. Пространный катихизисъ съ доказательствами изъ священнаго писанія. Спб. 1784.

5. Руководство къ ариѳметикѣ, для употребленія въ народныхъ училищахъ, ч. I, 1783 г., ч. II. 1784 г.

6. Краткое землеописаніе Россійскаго государства, изданное для нар. училищъ. Спб. 1787 г.

7. Шрекова—всемірная исторія, для обученія юношества. Спб. 1787 (переводъ съ нѣмецкаго).

8. Всемірная исторія, изд. для нар. учил. ч. 1 и 2. Спб. 1787.

9. Краткое руковод. къ геометріи, изд. для нар. учил. Спб. 1786.

10. Краткое руководство къ физикѣ. Спб. 1785.

11. Начертаніе естеств. исторіи, изд. для нар. учил. Спб. 1786.

12. Кратк. Россійск. грамматика, изд. для нар. учил. Спб. 1787.

13. Кратк. Россійск. истор., изд. въ пользу нар. учил. Спб. 1799.

Открытіе гимназіи. Таковъ порядокъ, господствовавшій въ Владимірскомъ главномъ народномъ училищѣ, судя по даннымъ, сохранившимся въ нашемъ архивѣ. Какъ уже раньше можно

было замѣтить, болѣе обстоятельныя свѣдѣнія мы имѣемъ только за послѣдніе два года существованія училища, т.-е. за время непосредственно предшествующее реформѣ 1804 г.; это была пора лихорадочной дѣятельности, когда подготовлялась и расчищалась почва для предстоящаго преобразованія. Этотъ сравнительно коротнкій промежутокъ времени заслуживаетъ того, чтобы остановиться на немъ нѣсколько подробнѣе.

24-го апрѣля 1803 г. попечитель Московскаго учебнаго округа, только что вступившій въ эту должность, предписываетъ Московскому университету, въ виду предстоящей учебной реформы, собрать точныя свѣдѣнія о состояніи учебныхъ заведеній, находящихся въ его округѣ, о числѣ учениковъ, съ показаніемъ отдѣльно особенно успѣвающихъ въ какомъ-либо предметѣ, о времени ихъ ученія, обширности и состояніи училищныхъ домовъ и прочее. Немедленно же при университетѣ образованъ былъ особый комитетъ изъ профессоровъ Чеботарева, Страхова, Гейма, Панкевича и кол. ассесора Невзорова. На обязанность комитета и возложено было вѣдать всѣ дѣла по приведенію въ исполненіе учебной реформы. Вновь организованный „Комитетъ для народныхъ училищъ“, или какъ онъ потомъ именовался „Училищный комитетъ при Московскомъ университетѣ“ немедленно же приступилъ къ занятіямъ и уже 27 мая 1803 г. затребовалъ отъ директора Цвѣтаева подробныя свѣдѣнія о состояніи учебнаго дѣла во Владимірской дирекціи. Согласно этому предписанію, директоръ представилъ въ училищный комитетъ: 1) вѣдомость о состояніи народныхъ училищъ Владимірской губерніи, 2) описи книгохранилищъ, находящихся при означенныхъ училищахъ, 3) списки учениковъ, отличающихся наиболѣе въ первоначальныхъ историческихъ и математическихъ знаніяхъ, 4) планъ и фасадъ казеннаго дома Главнаго народнаго училища, 5) списокъ о службѣ директора. Къ сожалѣнію, при дѣлахъ гимназіи, кромѣ копіи съ рапорта директора отъ 28 мая 1803 г., черновыхъ списковъ всѣхъ этихъ бумагъ не сохранилось. Не довольствуясь одною перепискою, университетъ, въ началѣ слѣдующаго учебнаго года, командировалъ для ознакомленія на мѣстѣ съ состояніемъ учебнаго дѣла во Владимірской губерніи въ качествѣ „визитатора“, состоящаго въ округѣ Московскаго университета Петра Мих. Дружинина. Явившись во Владиміръ 19 августа, Дружининъ пробылъ здѣсь по

21-е число. Въ самый день своего пріѣзда, въ 9 часовъ утра, визитаторъ пригласилъ „на общее собраніе и засѣданіе" гг. директора и учителей для личнаго съ ними ознакомленія; затѣмъ осматривалъ строенія и мѣстоположеніе училищнаго дома, посѣтилъ уроки въ I и II разрядахъ, причемъ самъ задавалъ ученикамъ вопросы. Между прочимъ, онъ высказался за непремѣнное введеніе латинскаго языка и совѣтовалъ директору заранѣе пріобрѣсти всѣ нужныя для этого книги. Визитація кончилась въ 2 часа пополудни краткимъ привѣтствіемъ визитатору. На слѣдующій день 20-го августа, онъ посѣтилъ III и IV классы, гдѣ испытывалъ каждаго ученика черезъ учителей и собственные свои вопросы по всеобщей исторіи, географіи всеобщей и математической и россійской грамматикѣ, а 21-го числа—тѣхъ же учениковъ по краткому Россійскому землеописанію, естественной исторіи, 2-й части ариѳметики и геометріи. На общемъ собраніи 20-го августа, въ 8 часовъ утра, Дружининъ предложилъ директору и учителямъ высказать свои соображенія касательно нуждъ главнаго училища. Заявленія эти были формулированы въ слѣдующихъ пунктахъ:

1. Училище имѣетъ крайній недостатокъ въ учебныхъ пособіяхъ: кромѣ барометра, термометра, микроскопа, компаса и 6 геометрическихъ инструментовъ, подаренныхъ отъ г. статскаго совѣтника Владимірской губерніи прокурора Александра Родіоновича Зюзина, никакихъ другихъ пособій не имѣется.

2. Училище очень нуждается въ матеріальныхъ средствахъ, такъ какъ суммы, отпускаемыя на его нужды отъ Приказа общ. призрѣнія, крайне недостаточны, особенно по нѣкоторымъ статьямъ.

3. Число малыхъ народныхъ училищъ въ губерніи слишкомъ ограничено и не соотвѣтствуетъ потребностямъ края.

Въ заключеніе своей ревизіи, Дружининъ обратился къ ученикамъ „съ приличнымъ привѣтствіемъ, возбуждая ихъ къ усугубленію прилежанія и ревности къ усовершенствованію ихъ знаній, наградивъ отличнѣйшихъ изъ нихъ пѣснью, сочиненною на случай введенія ботика блаженныя памяти Государя Петра I въ новостроенное зданіе (въ Переславлѣ), подаренною самимъ сочинителемъ, его сіятельствомъ Владимірскимъ губернаторомъ князь Иваномъ Михайловичемъ Долгорукимъ училищу въ семъ намѣреніи." Затѣмъ визитаторъ изъявилъ свою благодарность директору и учителямъ за благоустройство училищъ и за ученическіе успѣхи.

Мысль, высказанная Дружининымъ относительно основанія латинскаго класса, не прошла даромъ. Очевидно, она была отголоскомъ того взгляда, который господствовалъ въ то время въ высшихъ учебныхъ сферахъ. Такъ, 1-го декабря 1803 г. попечитель Московскаго учебнаго округа Муравьевъ лично пишетъ директору, что, въ виду скораго преобразованія Главнаго народнаго училища въ гимназію, онъ находитъ полезнымъ заблаговременное открытіе при Владимірскомъ главномъ училищѣ латинскаго класса, для котораго и посылаетъ лично отъ себя лексиконъ Целлярія, грамматику Лебедева и христоматію Фридриха Гедике. Попечитель рекомендуетъ избрать изъ числа учениковъ нѣсколькихъ вольнаго состоянія юношей, желающихъ обучаться латинскому языку, и пріискавъ способнаго для этого языка учителя, увѣдомить его, попечителя, какъ объ имени учителя, такъ и о числѣ учениковъ латинскаго класса, съ обозначеніемъ ихъ возраста и состоянія. „Многотрудныя правила латинскаго языка, заключаетъ Муравьевъ свое письмо, не должны обременять память юношей; но слегка истолковывая значеніе словъ его въ различныхъ оборотахъ рѣченій, надлежитъ стараться непримѣтнымъ образомъ руководствовать имъ сквозь препятствія, которыя, представленныя взору, часто отвращаютъ отъ предпріятія.“ Изъ отвѣтнаго письма директора, помѣченнаго 25-мъ декабря 1803 г., узнаемъ, что, согласно предписанію г. визитатора Дружинина, при Владимірскомъ главномъ народномъ училищѣ уже съ сентября мѣсяца всѣ учители совокупными усиліями начали руководствовать учениковъ своихъ къ познанію первыхъ правилъ латинскаго языка. А какъ въ училищной библіотекѣ никакихъ латинскихъ книгъ не было, то еще въ ноябрѣ мѣсяцѣ директоръ ходатайствовалъ передъ губернаторомъ о доставленіи на счетъ Приказа общ. призрѣнія необходимымъ латинскихъ учебныхъ книгъ, а равно и лучшаго изданія латинскихъ авторовъ по 1-му экземпляру. Наконецъ директоръ заявляетъ, что объявленное имъ отъ имени г. попечителя округа всѣмъ учителямъ предложеніе склонять учениковъ вольнаго состоянія къ изученію латинскаго языка, съ обѣщаніемъ награжденій въ случаѣ успѣшности, произвело желаемое дѣйствіе. По словамъ директора, учениковъ вербовали въ латинскій классъ руководствуясь „отчасти“ желаніемъ ихъ родителей, а болѣе того — примѣченными въ нихъ способностями; такихъ учениковъ набра-

лось всего 9 человѣкъ—именно: 4 ученика изъ IV и 5 учениковъ изъ III класса. 5-го января 1804 г. попечитель въ новомъ письмѣ благодаритъ директора за „учрежденіе латинскаго класса и за стараніе объ усовершенствованіи онаго.“

Однако такая мѣра, какъ порученіе преподаванія латинскаго языка всѣмъ учителямъ, хотя бы и „съ точнымъ наблюденіемъ метода, предначертаннаго г. попечителемъ округа,“ могла быть только временной, до пріисканія особаго учителя. И дѣйствительно очень скоро Муравьевъ дѣлаетъ запросъ Цвѣтаеву (19-го января 1804), имѣетъ ли онъ успѣхъ въ пріисканіи учителя латинскаго языка? Это требованіе поставило директора въ большое затрудненіе: учителя латинскаго языка не находилось. Цвѣтаевъ обращался къ преосвященному Ксенофонту, архіепископу Владимірскому, прося его, нѣтъ ли въ его распоряженіи кого-либо изъ состоящихъ въ духовномъ вѣдомствѣ студентовъ, учителей или священниковъ, который бы согласился преподавать латинскій языкъ въ училищѣ. На это преосвященный отвѣтствовалъ, что безъ особенныхъ предписаній отъ своего начальства онъ на сію мѣру рѣшиться не можетъ. Въ февралѣ 1804 г. Цвѣтаевъ ѣздилъ по дѣламъ училища въ Москву и здѣсь дѣятельно хлопоталъ по пріисканію латинскаго учителя, но также безуспѣшно, какъ можно видѣть изъ его донесенія попечителю округа (18-го февраля), въ которомъ онъ сознается, что единственная его надежда по пріисканію учителя латинскаго языка—это обѣщанное ему въ Москвѣ содѣйствіе Училищнаго комитета.

Легче шло дѣло съ пріисканіемъ учителей новыхъ языковъ—нѣмецкаго и французскаго, которые также по личному распоряженію попечителя округа должны были ввестись заблаговременно. Въ только что приводенномъ выше донесеніи 18-го февраля Цвѣтаевъ говоритъ, что учителей новыхъ языковъ предвидится возможность найти въ самомъ Владимірѣ. И дѣйствительно, въ концѣ того же мѣсяца Цвѣтаевъ представилъ на благоусмотрѣніе Училищнаго комитета при Московскомъ университетѣ документы нѣкоего фонъ-Ферельцта, „обучавшаго новымъ языкамъ съ похвалою во многихъ здѣшнихъ дворянскихъ домахъ.“ Въ началѣ марта Ферельцтъ уже вступилъ въ отправленіе своихъ обязанностей, а Приказъ обществ. призрѣнія ассигновалъ ему къ отпуску жалованье въ размѣрѣ 300 руб ассигн. въ годъ, пока только за одинъ

французскій языкъ, потому что губернаторъ, съ своей стороны, отнесся уже къ ректору Московскаго университета съ просьбой объ опредѣленіи во Владимірское училище особаго учителя нѣмецкаго языка.

Другой важной заботой для директора было пополненіе библіотеки и пріобрѣтеніе необходимыхъ для будущей гимназіи учебныхъ пособій. Еще въ концѣ 1802 г. директоръ жалуется Приказу обществ. призрѣнія на то, что училище не имѣетъ библіотеки, кромѣ небольшаго склада книгъ для продажи учащимся, ни учебныхъ пособій, кромѣ нѣсколькихъ географическихъ картъ и глобусовъ. Директоръ указываетъ на то, что по штату, сверхъ жалованья учителямъ, на прочія потребности Главнаго народнаго училища при самомъ его основаніи положено было 900 р., тогда какъ на самомъ дѣлѣ тратилось ежегодно менѣе 300 р. ассигн. Въ уваженіе просьбы директора, приказъ ассигновалъ на покупку книгъ 82 руб. 40 коп. да на физическіе приборы 50 р. ассигн., а всего съ прогонными деньгами директору, получившему двухнедѣльный отпускъ въ Москву, 166 руб. 50 коп.

Однако ревизія Дружинина, о которой говорилось раньше, энергично подвинула впередъ этотъ вопросъ. Приказъ немедленно же ассигновалъ на вышеозначенные расходы крупную сумму 900 р. и въ февралѣ 1804 г. директоръ Цвѣтаевъ, вмѣстѣ съ учителемъ математики, ѣздилъ въ Москву для закупокъ. На всю эту сумму полностью пріобрѣтено было ими „40 физическихъ предметовъ,“ которые и легли въ основу физическаго кабинета нашей гимназіи; вотъ списокъ этихъ приборовъ:

1. Лейденская банка въ 8 вершковъ.
2. Сѣверное сіяніе.
3. Банка не сплошь выложенная оловомъ.
4. Электрометръ изъ слоновой кости.
5. Всеобщій разрядникъ.
6. Медицинскій препаратъ.
7. Колокольчики.
8. Электрическая змѣйка.
9. Свѣтящійся вензель.
10. Картинка
11. Пневматическая машина.

При ней:

12. Колоколъ въ ея величину.
13. Колоколъ для фонтана.
14. Колоколъ для паденія тѣлъ въ безвоздушномъ мѣстѣ.

15. Магдебургскія полушарія.

16. Приборъ, показывающій упругость воздуха посредствомъ пузырей и гирекъ.

17. Ртутный барометръ большой.

18. Ртутный барометръ малый.

19. Барометръ для воды.

20. Деревянный сосудецъ, сквозь который проходитъ ртуть отъ давленія атмосферы.

21. Приборъ для показанія, что пожаръ въ безвоздушномъ мѣстѣ не можетъ вспыхнуть.

22. Колокольчикъ для показанія, что тѣла въ безвоздушномъ мѣстѣ не издаютъ звука.

23. Бездонный хрустальный стаканъ.

24. Телескопъ англійскій.

25. Камера-обскура.

26. Солнечные часы.

27. Увеличительное зеркало.

28. Камера оптическая.

29. Волшебный фонарь.

30. Призма.

31. Фонтанъ нагнетательный англійскій.

32. „ Героновъ.

33. „ de commande.

34. Термометръ.

35. Пирометръ.

36. Ящикъ пневматохимическій.

37. Гальваническая машина.

38. Астролябія съ мѣднымъ колпакомъ.

39. Ватерпасъ съ цѣпью.

40. Большой циркуль.

Если прибавить сюда 10 предметовъ, цѣною въ 25 р. ас., пожертвованныхъ въ 1803 г. губернскимъ прокуроромъ Зюзинымъ (барометръ, термометръ, микроскопъ, компасъ и 6 геометрическихъ инструментовъ), и принесенную въ даръ училищу въ томъ же году Вязниковскою купеческою вдовою Прасковьей Ивановною Кашиной электрическую машину съ 10 приборами (3 лейденскихъ банки, разрядникъ съ хрустальной ручкой, приборъ для плясанія куколъ, мѣдная бадейка для электризованія воды, Вольтовъ пистолетъ, доска съ хрустальными столбиками, обложенными оловомъ по спиральной линіи, скамейка на хрустальныхъ ножкахъ и хрустальная пирамида), то и получимъ полную опись физико-математическаго кабинета училища ко времени его преобразованія въ гимназію, состоящую изъ 61 нумера.

Одновременно съ покупкою физическихъ инструментовъ, было пріобрѣтено директоромъ и разныхъ книгъ на 184 р. 10 к., также на счетъ Приказа общественнаго призрѣнія. Какъ можно видѣть изъ сохранившагося до насъ списка этихъ книгъ, главную массу ихъ составляютъ латинскіе классики:

Caesaris Julii commentarii	1 р.	70 к.
Ciceronis opera: epist. selectae	2 „	15 „
de divinatione	— „	40 „
de nat. deorum	— „	60 „
orationes selectae	— „	90 „
de oratore	— „	90 „
de officiis	— „	50 „
Tuscul. quaestiones	— „	75 „
Cato m. et de senect.	— „	50 „
Cornelius Nepos	— „	50 „
Eutropius	— „	40 „
Florus	— „	70 „
Horatii Eclogae	2 „	80 „
Justinus	— „	50 „
Juven. satirae	— „	60 „
Ovidii Heroides	— „	50 „
Metamorph.	1 „	50 „
Tristia et Epist.	2 „	15 „
Phedri fabulae	— „	30 „
Pliniii Panegiricus	— „	40 „
Epistolae	1 „	— „
Pamponius Mela	— „	40 „
Quintus Curtius	1 „	10 „
Svetonius	1 „	30 „
Terentii comediae	— „	40 „
Velleius Paterculus	— „	50 „
Virgilii opera	1 „	20 „

Кромѣ того были пріобрѣтены и другія изданія:

Bruckeri Institutiones historiae philosophicae	2 р.	80 к.
Burmanni Antiquitates romanae	— „	30 „
Cellarii chrestomatia Ciceroniana	1 „	50 „
Cours d'études par Condillac	9 „	— „
Traité de litterature par Pages	8 „	50 „
Естеств. исторія Озерецковскаго и Севергина въ 7 т.	16 „	— „
Физика Бриссона въ 3 ч.	7 „	35 „

Всѣ эти книги, цѣною въ 70 р. 60 к., легли въ основаніе „неподвижной“ (фундаментальной) библіотеки гимназіи; на остальную же сумму 113 р. 50 к. куплено было по нѣскольку

экземпляровъ разныхъ учебниковъ для подвижной библіотеки, имѣвшей цѣлью снабженіе книгами учащихся:

Латинская азбука Тростина, ц. . . .	—	р. 45 к.
Латинская хрестоматія Мельмана, ч 1.	—	„ 50 „
„ „ „ ч. 2.	—	„ 65 „
Deutsches Lesebuch	—	„ 75 „
Manuel de l'écolier	—	„ 45 „
Латинск. лексиконъ Целляріуса	1	„ 60 „
Французск. лексиконъ Татищева. . . .	15	„ — „
„ „ Целляріуса . . .	2	„ 60 „

Подобно физическому кабинету и библіотека Главнаго училища въ послѣднее время получила значительныя приращенія въ видѣ цѣлаго ряда пожертвованій со стороны частныхъ лицъ. Этимъ общество какъ бы выражало свое сочувствіе дѣлу учебной реформы. Однимъ изъ наиболѣе крупныхъ жертвователей былъ попечитель Московскаго учебнаго округа Мих. Никит. Муравьевъ, который изъ Петербурга шлетъ въ даръ будущей гимназической библіотекѣ одну партію книгъ за другою. О присылкѣ имъ нѣсколькихъ книгъ для латинскаго класса мы имѣли уже случай упомянуть. Вслѣдъ затѣмъ, при особомъ письмѣ къ директору 9-го октября 1803 г., онъ прислалъ слѣдующія книги:

Начальныя основанія Россійской грамматики Соколова.
Опытъ сокращенной реторики доктора Блера.
Краткое начертаніе физики г. Крофта.
Разсужденіе о строеніи міра.
Зерцало Россійскихъ государей.
Вопль истины противъ соблазна міра.
Эсфирь, трагедія.
Твореній г. Хераскова часть II, содержащая поэму Владиміръ.
Путешествіе младшаго Анахарзиса по Греціи, т. 1-й.
Crispi Sallustii opera cum annotationibus germanis.
Grosse und gute Handlungen Russischer Regenten, Feldherrn und Staatsbeamten.

5-го января 1804 г. Муравьевъ присылаетъ французскій лексиконъ и нѣсколько экземпляровъ французскихъ грамматикъ, 19-го января того же года—полную Естественную исторію на россійскомъ языкѣ и двѣ части новаго изданія Ломоносова.

21-го января—жизнь Агриколы и Наставленіе отца дѣтямъ.

19-го февраля—нѣмецкую грамматику Гейма, французскую грамматику въ переводѣ Теплова, нѣмецкій лексиконъ Аделунга,

французскій—Татищева и Естественную исторію, изданную академиками Озерецковскимъ и Севергинымъ.

Также и послѣ открытія гимназіи попечитель округа Муравьевъ продолжалъ отъ времени до времени присылать по нѣскольку книгъ, а въ 1805 г. гимназія наша получила отъ него 988 экземпляровъ лучшихъ сочиненій, относящихся до физики, математики, натуральной, россійской, всеобщей исторіи и географіи, наипаче же твореній знаменитѣйшихъ Россійскихъ въ прозѣ и стихахъ авторовъ.

Частныя лица изъ среды Владимірскаго общества слѣдовали достойному примѣру попечителя округа.

23-го января 1804 г. арендаторъ Владимірской губернской типографіи Матвѣй Петровичъ Пономаревъ прислалъ разныхъ учебныхъ книгъ на 200 руб., съ тѣмъ чтобы деньги, вырученныя отъ ихъ продажи учащимся, были употребляемы на умноженіе библіотеки и физическаго кабинета, по усмотрѣнію директора. Въ августѣ того же года Пономаревъ прислалъ еще на 200 р. книгъ и кромѣ того обѣщалъ доставлять въ гимназическую библіотеку безвозмездно по 1 экземпляру всѣхъ книгъ, какія только будутъ печататься въ его типографіи.

Такимъ образомъ, библіотека главнаго народнаго училища ко времени открытія гимназіи заключала въ себѣ уже 104 №№, а вмѣстѣ съ книгами назначенными для продажи и для раздачи въ награды ученикамъ—до 2,000 №№.

Къ августу 1804 г. все было готово къ открытію гимназіи, и подготовительныя мѣры были завершены присланными въ іюлѣ рисунками форменнаго мундирнаго платья для чиновниковъ Московскаго учебнаго округа, на основаніи Высочайшаго указа, даннаго въ 9-й день апрѣля 1804 г.: однобортный фракъ темносиняго сукна съ высокимъ стоячимъ воротникомъ и обшлагами малиноваго цвѣта, золотыми гладкими пуговицами и золотымъ же шитьемъ.

Наконецъ, 7-го августа 1804 г. состоялось и самое открытіе гимназіи, въ присутствіи представителя отъ Московскаго университета—профессора Михаила Никитича Снѣгирева, преосвященнаго Ксенофонта, гражданскаго губернатора князя Ивана Михаиловича Долгорукаго и многихъ почетныхъ лицъ города и другихъ ревнителей просвѣщенія. Въ гимназическомъ залѣ, украшенномъ живописными портретами Екатерины II „яко первой винов-

ницы въ Россіи начавшей вятшее просвѣщеніе," Императора Александра Павловича и Императрицы Елизаветы Алексѣевны, совершено было торжественное молебствіе съ водоосвященіемъ, послѣ чего преосвященный Ксенофонтъ окропилъ св. водою классные покои и въ нихъ учащихъ и учащихся и благословилъ ихъ иконою живописною св. Благовѣрныхъ Князей и Владимірскихъ чудотворцевъ Георгія, Андрея, Глѣба и Александра Невскаго. По окончаніи торжества, профессоръ Снѣгиревъ въ общемъ собраніи директора и учителей далъ имъ инструкцію касательно веденія дѣла въ новоустроенной гимназіи, а затѣмъ вручилъ директору письменное изложеніе того же для непремѣннаго руководства къ содѣйствію, пользѣ и благоустройству заведенія, не обременяя высшее начальство излишними и напрасными донесеніями. Учителямъ предписывается вести каждому свою особую записную книгу ученикамъ, составлять мѣсячныя вѣдомости съ отмѣтками и подавать ихъ не позже 2-го или 3-го числа каждаго мѣсяца директору при особыхъ рапортахъ. Въ отдѣльности учителю историческихъ наукъ Виноградову поручена забота о собираніи и помѣщеніи въ книгохранилищѣ естественныхъ произведеній Владимірской губерніи, особливо изъ царства растеній. Учитель физико-математическихъ наукъ Боголѣповъ долженъ всемѣрно стараться пріохочивать учениковъ къ изученію латинскаго языка и усугубить прилежаніе свое къ преподаванію онаго, не взирая на то, что нѣкогда обучать оному будетъ другой учитель; ибо при сихъ обстоятельствахъ умноженіе числа учащихся и успѣхи ихъ въ вящшую послужатъ ему честь и одобреніе и конечно обратятъ особенное вниманіе высшаго начальства. Учитель французскаго и нѣмецкаго языковъ фонъ-Ферельцтъ тѣмъ съ большею ревностью и прилежаніемъ обязанъ обучать онымъ въ гимназіи, что содержитъ частный пансіонъ. Ибо малѣйшее его въ оной нерадѣніе подастъ вѣроятный поводъ къ заключенію, что онъ, руководствуясь корыстолюбивыми видами, желаетъ ко вреду гимназіи умножить число учащихся въ своемъ пансіонѣ, черезъ что можетъ онъ лишиться не только выгодъ и преимуществъ, съ учительскимъ званіемъ сопряженныхъ, но и права содержать пансіонъ. Таковыя же слѣдствія имѣть будетъ и внезапное его намѣреніе прежде опредѣленія на мѣсто его другихъ учителей оставить нынѣшнюю должность свою въ гимназіи.

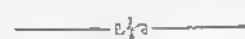
2-й періодъ (1804—1833).

Второй періодъ обнимаетъ собою время существованія Владимірской гимназіи отъ ея основанія до введенія въ дѣйствіе Устава 1828 года.

Императоръ Александръ I, одинъ изъ образованнѣйшихъ людей своего времени, былъ глубоко убѣжденнымъ ревнителемъ народнаго просвѣщенія; сознавая насущную потребность нашего отечества въ правильно организованной школѣ; онъ, по вступленіи своемъ на престолъ, поставилъ себѣ цѣлью какъ можно скорѣе удовлетворить этой потребности. 8 сентября 1802 года учреждается въ числѣ другихъ и министерство народнаго просвѣщенія; 24 января 1803 года возникаетъ шесть учебныхъ округовъ и издаются «Предварительныя правила народнаго просвѣщенія», излагающія главныя основанія предстоящей реформы. Наконецъ «Уставъ университетовъ и подвѣдомыхъ имъ учебныхъ заведеній», Высочайше утвержденный въ 5-й день ноября 1804 года, завершаетъ дѣло.

Этихъ данныхъ достаточно, чтобы судить о томъ, съ какой поразительной быстротой совершилось преобразованіе. Такая поспѣшность, безъ сомнѣнія, не могла не отразиться на внутреннемъ достоинствѣ новаго порядка и послужила причиною нѣкоторыхъ существенныхъ пробѣловъ и промаховъ. Достаточно указать на то, что самое открытіе гимназій, въ томъ числѣ и нашей, состоялось на основаніи однихъ «Предварительныхъ правилъ», за нѣсколько мѣсяцевъ до обнародованія самаго Устава.

Порядокъ учебнаго управленія. Реформа коснулась прежде всего порядка учебнаго управленія и въ эту область внесла существенныя улучшенія сравнительно съ постановкою дѣла въ предыдущую эпоху. Новый порядокъ порываетъ прежнюю зависимость школы отъ общей администраціи и выдѣляетъ

учебное дѣло въ самостоятельную отрасль государственнаго управленія, ввѣряемую особому министру (§ 1 предв. Правилъ). Главное правленіе училищъ, бывшее прежде высшей учебной инстанціей, превращается теперь, сохраняя свое прежнее названіе, въ органъ подчиненный министру, составляя нѣчто вродѣ его совѣта съ пробулевтическимъ и исполнительнымъ характеромъ. Каждый изъ членовъ этого правленія получаетъ въ непосредственное завѣдываніе всѣ учебныя заведенія опредѣленной группы смежныхъ губерній, составляющихъ учебный округъ, съ званіемъ попечителя этого округа (§§ 13 и 16 предв. Правилъ). Впрочемъ правительство сохраняетъ за собою право назначать въ члены главнаго правленія училищъ и другихъ лицъ (§ 19 предв. Пр.). Такимъ образомъ министръ народнаго просвѣщенія и Главное правленіе училищъ суть учрежденія центральныя. Мѣстное же управленіе по учебной части поручается университетамъ, которыхъ полагается по одному въ каждомъ учебномъ округѣ (§ 14 предв. Пр.). Для веденія текущихъ дѣлъ по управленію округомъ университетъ выдѣляетъ изъ себя ежегодно обновляемый выборный «Училищный комитетъ» изъ шести членовъ-профессоровъ подъ предсѣдательствомъ ректора (§§ 165—177 предв. Пр.) и подъ контролемъ общаго университетскаго совѣта по учебной и правленія университета по хозяйственной части. Во главѣ каждой дирекціи округа, обнимающей собою одну губернію, стоитъ «губернскій директоръ училищъ» —непосредственный начальникъ губернской гимназіи (§ 9 предв. Пр.), завѣдующій вмѣстѣ съ тѣмъ всѣми училищами въ губерніи, какъ правительственными, такъ и частными (§ 11 предв. Пр. и § 67 Устава).

Итакъ, выдѣленіе учебнаго дѣла въ особую государственную часть и установленіе въ ней опредѣленнаго іерархическаго порядка—вотъ двѣ существенныя черты, характеризующія порядокъ учебнаго управленія въ реформѣ 1804 года.

Обязанности директора. Въ виду цѣли настоящаго очерка, не лишнимъ будетъ нѣсколько подробнѣе остановиться на кругѣ дѣятельности губернскаго директора, имѣя въ виду какъ требованія Устава 1804 года, такъ и условія, выработанныя практикою нашей гимназіи.

Губернскій директоръ училищъ, состоящій по правамъ государственной службы въ VII классѣ (§ 3 Устава), утверж-

дается въ своей должности министромъ народнаго просвѣщенія по представленію университета (§ 64 Устава). Въ качествѣ непосредственнаго начальника гимназіи, онъ лично завѣдуетъ какъ хозяйственною, такъ и учебною частью; онъ долженъ быть свѣдущъ въ наукахъ, но не для того чтобы преподавать ихъ, а чтобы умѣть исправно судить объ искусствѣ учителей (§ 65) или замѣщать послѣднихъ въ случаѣ ихъ отсутствія (§ 73). Дабы надзоръ за учебными заведеніями не обратился въ пустую формальность и не ограничивался предѣлами одной канцелярской переписки, Уставъ требуетъ отъ директора, кромѣ ежедневнаго присутствія въ гимназіи, посѣщать не рѣже двухъ разъ въ мѣсяцъ всѣ училища губернскаго города и по крайней мѣрѣ одинъ разъ въ годъ лично обревизовать всѣ подвѣдомыя ему училища въ губерніи (§ 78 Устава). Для этой послѣдней цѣли директору полагались прогонныя деньги на три лошади (выписка изъ журн. Гл. прав. училищъ 4 іюня 1809 года), да двѣ копѣйки поверстно па непредвидѣнные расходы (министст. циркул. 31 мая 1815 г.). Потребныя для этого деньги заимствовались изъ гимназическихъ суммъ, и только въ случаѣ недостаточности этого источника привлекались къ участію въ расходахъ и другія училища губерніи. Довольно легкая въ первое время послѣ реформы, эта повинность, лежавшая на директорѣ, становилась все тяжелѣе, по мѣрѣ возрастанія числа учебныхъ заведеній. Такъ, во Владимірской губерніи въ 1805 году было всего 4 училища, кромѣ гимназіи; затѣмъ, постепенно увеличиваясь, число ихъ въ 1810 г. достигаетъ 31, въ 1815 г.—54, а въ 1827 году 115, послѣ чего эта цифра начинаетъ уменьшаться и въ 1833 году, т.-е. въ концѣ изучаемаго періода, падаетъ до 66 (8 уѣздныхъ училищъ и 58 приходскихъ). При значительности разстояній между отдѣльными училищами и плохомъ состояніи тогдашнихъ путей сообщенія, каждая поѣздка директора по губерніи бывала цѣлымъ событіемъ въ жизни гимназіи. Иногда такая поѣздка занимала мѣсяца два подрядъ и болѣе; въ 1812 г. директоръ Дмитревскій пробылъ въ отсутствіи съ конца февраля до половины мая; въ 1813 г. онъ же, отправившись изъ Владиміра въ концѣ іюня, вернулся обратно только въ сентябрѣ. Въ 1816 году Дмитревскій совершилъ обозрѣніе училищъ своей дирекціи въ два пріема— одинъ по зимнему, а другой по лѣтнему пути; въ одну изъ этихъ

поѣздокъ онъ сдѣлалъ 1,061 версту и истратилъ на это 116 р. 71 к. Особенно тяжело было посѣщеніе тѣхъ школъ, которыя стояли въ сторонѣ отъ почтовыхъ дорогъ; приходилось совершать переѣзды отъ одного села до другаго на вольныхъ, въ простой крестьянской телегѣ, платя за каждый переѣздъ нерѣдко по 10 — 15 р. ассиг. за пару лошадей. Въ 1812 году Дмитревскій удосужился высчитать, что длина однѣхъ проселочныхъ дорогъ, считая отъ ближайшихъ почтовыхъ пунктовъ, составляетъ около 1,000 верстъ. По примѣрному разсчету, сдѣланному Владимірской дирекціей на 1830 годъ, объѣздъ училищъ губерніи составляетъ болѣе 1,200 верстъ, на что потребно не менѣе 200 р. ассиг. путевыхъ издержекъ. Въ израсходованіи этихъ суммъ директоръ долженъ былъ давать подробный отчетъ въ обыкновенномъ порядкѣ, и только въ 1833 году двѣсти рублей разъѣздныхъ денегъ обращаются въ постоянную прибавку къ жалованью директора, «во избѣжаніе лишней и часто запутанной отчетности по этой статьѣ» (предп. мин. нар. пр. 23 ноября 1833).

Канцелярія при дирекціи. Чтобы завершить описаніе круга обязанностей, лежавшихъ на губернскомъ директорѣ, не говоря уже о цензурѣ всѣхъ издаваемыхъ въ предѣлахъ его дирекціи книгъ (еще въ силу Высоч. повел. отъ 19 февраля 1802), и завѣдываніи мѣстными типографіями (предп. учил. ком. 8 окт. 1806), надо упомянуть о томъ, что Уставъ совершенно игнорируетъ вопросъ о порядкѣ дѣлопроизводства по дирекціи и не опредѣляетъ никакихъ средствъ на содержаніе канцеляріи, возлагая всю эту работу на одного директора. Особое постановленіе Училищнаго комитета отъ 13 сентября 1805 г. разрѣшаетъ директору Владимірскихъ училищъ нанять въ помощь себѣ для исправленія письменныхъ дѣлъ одного писца съ жалованьемъ 60 р. ассиг. въ годъ изъ хозяйственныхъ суммъ гимназіи. Въ 1811 году писецъ при канцеляріи гимназіи уже получаетъ 100 р. ассиг. жалованья и именуется письмоводителемъ съ правами государственной службы; въ 1815 году его содержаніе увеличено до 200 р., а въ 1822 году оно уже равно 300 руб. Къ 1820 году письмоводство по дирекціи разрослось до такой степени, что директоръ съ однимъ письмоводителемъ былъ уже не въ состояніи справиться съ массою канцелярской работы. Въ первое десятилѣтіе существованія гимназіи число исходящихъ бу-

магъ за годъ не превышало 100 нумеровъ, а къ двадцатымъ годамъ оно восходитъ до 2,000. Въ рапортѣ въ училищный комитетъ 26 сентября 1820 года директоръ указываетъ на свое крайнее затрудненіе въ веденіи дѣла. На канцеляріи лежитъ составленіе циркулярныхъ предписаній по дирекціи, которыхъ приходится заготовлять иногда по 80 и болѣе экземпляровъ заразъ, составленіе и переписка періодическихъ отчетовъ — мѣсячныхъ, третныхъ, полугодовыхъ и годичныхъ въ двухъ и трехъ, а послужныхъ списковъ всѣхъ чиновниковъ дирекціи — въ 5-ти экземплярахъ; сочиненіе историческихъ записокъ по всѣмъ училищамъ, вѣдомостей объ учителяхъ и учащихся; веденіе приходорасходныхъ книгъ, реестровъ, записокъ входящихъ и исходящихъ бумагъ, описей библіотекъ и казенныхъ вещей. Одна почтовая разсылка учебныхъ книгъ во всѣ заведенія дирекціи, нерѣдко въ двадцати и болѣе кувертахъ сразу, по словамъ директора, занимаетъ до утомленія. Тотъ же письмоводитель исполнялъ и роль посыльнаго, получая съ почты и относя туда денежные и простые пакеты и посылки; онъ же завѣдывалъ продажею учебныхъ книгъ и велъ запись мелочнымъ расходамъ по гимназіи. Принимая все это во вниманіе, директоръ испрашиваетъ у высшаго начальства кредитъ въ размѣрѣ отъ 100 до 150 руб. изъ хозяйственныхъ суммъ гимназіи на наемъ вольныхъ писцовъ въ пособіе письмоводителю. Въ этой просьбѣ дирекціи было отказано, и по необходимости пришлось частнымъ образомъ прибѣгнуть къ одной мѣрѣ, которая и раньше практиковалась въ экстренныхъ случаяхъ, когда въ канцеляріи накоплялось особенно много работы: возложить часть этой работы на казеннокоштныхъ учениковъ гимназіи преимущественно старшаго класса, потому что здѣсь ученики эти числились обыкновенно неопредѣленное время, иногда нѣсколько лѣтъ, продолжая получать казенное содержаніе, въ ожиданіи свободнаго учительскаго мѣста въ какомъ либо изъ низшихъ училищъ дирекціи.

Въ концѣ 1827 года при дирекціи Владимірскихъ училищъ учреждается новая должность бухгалтера съ окладомъ въ 600 р. въ годъ, и при немъ въ качествѣ помощника — писецъ съ жалованьемъ 300 руб. Обязанность бухгалтера состоитъ въ веденіи приходорасходныхъ шнуровыхъ книгъ и въ составленіи отчетовъ по хозяйственному управленію всей дирекціи. Шнуровыя книги отъ всѣхъ училищъ вмѣстѣ съ годовымъ отчетомъ о дви-

женіи суммъ въ дирекціи отсылались раньше черезъ правленіе университета въ Государственную экспедицію для ревизіи счетовъ, а съ 1824 г. дирекція по всѣмъ денежнымъ дѣламъ была поставлена подъ контроль мѣстной Казенной палаты. Равнымъ образомъ и всѣ шнуровыя книги, присылавшіяся прежде отъ университета за его скрѣпою и печатями, теперь стали выдаваться отъ Казенной палаты.

Что касается отчетовъ собственно по учебной части, то они за весь изучаемый періодъ отсылались непосредственно въ Училищный комитетъ при Московскомъ университетѣ.

Учители. При гимназіи положено было по Уставу 8 учителей (§ 6), изъ которыхъ четверо считались старшими (учители наукъ или предметовъ) и состояли по правамъ службы въ IX классѣ; остальные же назывались младшими и состояли: три учителя языковъ въ X классѣ, а учитель рисованія—въ XII классѣ (§ 9). Въ качествѣ наставниковъ и воспитателей ввѣреннаго ихъ попеченіямъ юношества, учители обязаны были собираться однажды въ мѣсяцъ для „педагогическихъ совѣтованій“ подъ предсѣдательствомъ директора (§ 49). Цѣль ихъ—сообщеніе каждымъ примѣчаній, сдѣланныхъ въ продолженіе истекшаго мѣсяца о прилежаніи и успѣхахъ учениковъ и изложеніе мнѣній, какимъ бы образомъ сдѣлать ученіе занимательнѣе, также—разсужденія объ удобнѣйшемъ усовершеніи способа ученія. Тотъ же параграфъ прибавляетъ, что сіе взаимное сообщеніе мнѣній, сіи пренія о способѣ ученія, труднѣйшемъ изъ искусствъ, подаютъ директору случай узнать совершенно свѣдѣнія учителей, прилежаніе ихъ къ должностямъ и педагогическія способности. Въ нашей гимназіи сложился такой порядокъ, что участіе въ этихъ „совѣтованіяхъ“ принимали одни только старшіе учителя. На нихъ же была возложена обязанность участвовать въ хозяйственномъ управленіи гимназіи. Предписаніе Училищнаго комитета отъ 14-го декабря 1804 г. требуетъ немедленно составить „хозяйственный совѣтъ“ при гимназіи изъ двухъ старшихъ учителей подъ предсѣдательствомъ директора, а такое же предписаніе отъ 6-го марта 1807 г. привлекаетъ къ участію въ совѣтѣ всѣхъ четырехъ старшихъ учителей. Обязанности членовъ хозяйственнаго совѣта заключались въ наблюденіи за порядкомъ дѣлопроизводства по дирекціи и въ веденіи гимназическаго хозяйства; на ихъ же отвѣтственности ле-

жала цѣлость всѣхъ училищныхъ суммъ, которыя хранились въ денежномъ сундукѣ за замками и печатями всѣхъ членовъ совѣта; ежемѣсячно призводилась провѣрка наличныхъ суммъ, и всѣ произведенные въ теченіе мѣсяца расходы провѣрялись по оправдательнымъ документамъ. Журналъ о движеніи суммъ по дирекціи за каждый мѣсяцъ представлялся въ правленіе университета.

Помѣщеніе гимназіи. Въ первое время своего существованія наша гимназія устроилась въ прежнемъ помѣщеніи бывшаго Главнаго народнаго училища и въ немъ оставалась до 1807 г. Однако, если помѣщеніе это и удовлетворяло потребностямъ Главнаго училища, оно оказалось и тѣсно и неудобно для гимназіи. Еще въ 1803 г. визитаторъ Дружининъ, ревизовавшій училища Владимірской дирекціи, указывалъ гражданскому губернатору князю Долгорукому на настоятельную необходимость пріобрѣсти для будущей гимназіи болѣе подходящее помѣщеніе (отнош. къ губерн. 21-го августа 1803 г.). Съ этой цѣлью самъ Дружининъ осматривалъ городъ и намѣтилъ нѣсколько подходящихъ пунктовъ, удобныхъ для возведенія новаго зданія для гимназіи; таковыми оказались: пустопорожнее мѣсто, оставшееся по сломкѣ бывшаго генералъ-губернаторскаго дома; такое же пустое мѣсто между Дмитріевскимъ соборомъ, церквами Борисоглѣбской и Никольской и Рождественскимъ монастыремъ. Но въ концѣ концевъ наиболѣе цѣлесообразнымъ Дружининъ нашелъ—прикупить, если возможно, примыкающій къ старому училищному зданію съ лѣвой стороны ветхій деревянный домъ съ землею купца Лазарева и расширить старое зданіе посредствомъ пристройки.

Однако, ни одному изъ этихъ предположеній не было суждено осуществиться. Обстоятельства сложились для гимназіи какъ нельзя болѣе благопріятно, и на долю ея досталось лучшее въ городѣ зданіе въ самой центральной части, по большой Московской дорогѣ, въ приходѣ церкви Св. Великомученика Георгія, нынѣ домъ Н. Л. Философова. Этимъ гимназія наша обязана была просвѣщенному содѣйствію тогдашняго начальника губерніи, извѣстнаго Владимірскаго мецената, поэта и почетнаго члена Московскаго университета князя Ивана Михайловича Долгорукаго, который такъ много сдѣлалъ для нашей гимназіи въ первые трудные годы ея существованія въ смыслѣ и нравственной и матеріальной поддержки.

Князь самъ первый навелъ училищное начальство на мысль пріобрѣсти въ учебное вѣдомство помѣщеніе, занятое губернаторской квартирой и канцеляріей, обѣщая свое полное на то содѣйствіе. Этотъ большой 4-хъ-этажный домъ съ двумя при немъ флигелями, построенный еще въ 1787 году, былъ лично для князя слишкомъ великъ; кромѣ того, съ нимъ связаны были тяжелыя для князя воспоминанія—потеря горячо любимой супруги, княгини Евгеніи Сергѣевны, незадолго до того умершей. „Я не хотѣлъ въ немъ жить, говоритъ князь въ своихъ запискахъ, но не хотѣлъ и того, чтобы преемникъ мой, вступя въ него, располагая комнатами по произволу, могъ помѣстить въ нихъ.... кто собакъ, кто иное что, въ самомъ томъ покоѣ, въ которомъ жила Евгенія, и тѣмъ осквернить мѣсто послѣдняго ея издыханія. И для того я разсудилъ обратить этотъ домъ въ казенный навсегда. Отдавъ его подъ гимназію, я зналъ, что никакое частное лицо распоряжаться имъ и распоряжаться въ немъ по прихоти не станетъ. Храмъ наукъ удалялъ отъ этого дома всякую идею соблазна и нечистоты“. Ту же мысль развиваетъ князь въ пространномъ письмѣ къ директору Алексѣю Алексѣевичу Цвѣтаеву, помѣченномъ 15 октября 1806 г. Онъ выражаетъ свое удовольствіе, что домъ, въ которомъ жила и скончалась добродѣтельная жена его, обратившись въ общественное зданіе, не будетъ впредь зависѣть отъ личныхъ прихотей того или другаго, а будетъ такъ сказать памятникомъ той, которая провела въ немъ послѣдніе дни.

Разумѣется, Московскій университетъ не преминулъ воспользоваться удобнымъ случаемъ, и пріобрѣтеніе губернаторскаго дома за 30 тыс. руб. ассиг. состоялось очень скоро. Высочайшій указъ отъ 25 августа 1806 г. передаетъ домъ въ училищное вѣдомство, а 12 марта 1807 г., въ день восшествія на престолъ Императора Александра I, гимназія уже вступаетъ во владѣніе своимъ новымъ помѣщеніемъ, отпраздновавъ это событіе торжественнымъ актомъ. Но уступая свое помѣщеніе подъ гимназію, князь Долгорукій поставилъ университету непремѣннымъ условіемъ, чтобы комната, въ которой скончалась княгиня Евгенія Сергѣевна, была занята только одной библіотекою, для каковой цѣли князь подарилъ гимназіи всѣ свои книги и книжные шкафы. Какъ на пожертвованіе, такъ и на обращеніе въ библіотеку упомянутой комнаты сдѣланъ былъ формальный актъ, вродѣ духовнаго завѣща-

нія, оффиціально утвержденный университетомъ изъ уваженія къ чувствамъ князя. Изъявляя послѣднему свою признательность, университетское начальство предписало директору, оставя помянутый покой въ настоящемъ его видѣ, выставить въ немъ бюсты князя и княгини, сдѣлать ковчегъ для храненія акта и украсить его приличной надписью. Все это было устроено при дѣятельномъ участіи самого князя. На свой счетъ онъ воздвигъ посреди комнаты „куполъ на столбахъ", украшенный на верху гербомъ князей Долгорукихъ; подъ куполомъ на возвышенной площадкѣ поставлены были два бюста на высокихъ колоннахъ, а между ними, также на колоннѣ, вызолоченный рѣзной ларецъ, хранившій въ себѣ завѣщаніе князя и украшенный надписью:

„Евгенія была изящность естества;
„Семнадцать лѣтъ вкушалъ съ ней райскихъ дней блаженство;
„Въ чертахъ ея лица зрѣлъ міра совершенство,
„Въ чертахъ ея души зрѣлъ образъ божества!

„Тяжело очень мнѣ будетъ, пишетъ князь въ своемъ дневникѣ, если когда-либо при жизни моей упразднится этотъ памятникъ. Молю Бога, да благословитъ навсегда сіе дѣло рукъ моихъ. Но люди умѣютъ ли что нибудь цѣнить достойнымъ образомъ! Падали бронзы, сокрушались мраморы, истреблялись лики божества! И мнѣ ли смѣть надѣяться, что устоитъ противъ тли, все на свѣтѣ губящей, мавзолей безцѣнной для меня, но для свѣта едва извѣстной супруги? Tempus edax rerum!" Но не люди и не время истребили этотъ памятникъ: онъ погибъ во время пожара въ гимназіи въ 1840 году.

Новое помѣщеніе стало извѣстно подъ именемъ большаго гимназическаго дома; старое зданіе, подъ названіемъ малаго гимназическаго дома, осталось также въ училищномъ вѣдомствѣ, и въ немъ помѣщено было уѣздное училище, открытое вскорѣ послѣ гимназіи и помѣщавшееся раньше въ нижнемъ этажѣ курпуса присутственныхъ мѣстъ.

Большой гимназическій домъ состоялъ изъ 4-этажнаго зданія съ двумя при немъ флигелями, однимъ—двухъ-этажнымъ по лѣвую сторону (нынѣ домъ Славнова) и другимъ—одноэтажнымъ съ правой стороны отъ входа во дворѣ. Всѣ эти зданія—каменныя. Кромѣ того, въ глубинѣ гимназическаго двора, въ двухъэтажномъ флигелѣ, помѣщалась аптека Приказа общественнаго

призрѣнія, съ 1820 г. перешедшая въ частное владѣніе къ аптекарю Штрейтеру (нынѣ старая аптека). Такимъ образомъ теперешній проѣздъ отъ главной улицы къ старой аптекѣ, между домами Славнова и Философова, составлялъ въ прежнее время часть гимназическаго двора. Помѣщеніе аптеки внутри гимназическаго двора было, конечно, крайне стѣснительно; еще въ 1810 году возникла мысль перемѣстить аптеку и уѣздное училище—одно на мѣсто другаго, но проектъ этотъ былъ оставленъ за недостаткомъ средствъ необходимыхъ для его осуществленія.

Новыя зданія перешли во владѣніе гимназіи въ довольно ветхомъ состояніи; настоятельно необходимъ былъ капитальный ремонтъ. Профессоръ Снѣгиревъ, посѣтившій гимназію съ сентябрѣ 1808 г., подробно осматривалъ новое пріобрѣтеніе гимназіи и нашелъ его крайне неисправнымъ. Требовалось оштукатурить всѣ строенія внутри и снаружи, перекрасить крыши, фундаментально починить балконъ съ лицевой стороны большаго дома, грозящій паденіемъ, такъ какъ четыре каменныхъ столба, на которыхъ онъ покоится, сильно повреждены, а перила его полуобрушены. Внутри большаго дома необходима перекладка всѣхъ печей, перестилка и окраска половъ, равно дверей и оконницъ. Надворныя деревянныя постройки надо всѣ перебрать вновь, а оба флигеля на столько плохи, что не тронутыми въ нихъ можно оставить лишь однѣ капитальныя стѣны; притомъ малый флигель во дворѣ, гдѣ помѣщалась губернаторская кухня и жилые покои для служителей, совершенно не годится для жилья и можетъ быть обращенъ только въ сарай. Однако, недостатокъ средствъ не позволилъ гимназіи немедленно же произвести этотъ капитальный ремонтъ, такъ что пришлось ограничиться только частными поправками, нетерпящими отлагательства.

Когда въ апрѣлѣ 1829 года вступилъ въ должность директора замѣстившій Дмитревскаго Калайдовичъ, онъ прежде всего обратилъ вниманіе на необходимость полнаго обновленія всѣхъ гимназическихъ строеній. Изъ его рапорта въ училищный комитетъ видно, что рамы всѣ погнили, балконъ совсѣмъ ветхъ, полы надо перестлать, замки вездѣ поломаны, штукатурка обвалилась, кровли совершенно худыя; надворныя строенія и ворота грозятъ паденіемъ. Съ разрѣшенія университетскаго начальства, директоръ отправилъ къ губернскому архитектору (10 февраля 1830 г.)

всѣ необходимые документы для составленія смѣты предполагаемаго ремонта; оказалось, что ремонтъ этотъ обойдется не менѣе 15,161 р. 75 к. по большому гимназическому дому и 3,283 р. по малому; но такъ какъ гимназія не имѣла въ наличности такой суммы, то дѣло пришлось опять отложить до болѣе благопріятнаго времени.

Для характеристики тогдашнихъ порядковъ замѣтимъ, что у архитектора бумаги пролежали болѣе 4 лѣтъ; неоднократныя обращенія директора и къ нему лично и къ губернатору не имѣли никакого дѣйствія; также безуспѣшны были отношенія университетскаго начальства къ Владимірскому губернскому правленію, и только вмѣшательство министра народнаго просвѣщенія понудило архитектора составить требуемыя смѣты, а главное — возвратить гимназіи ея документы, настоятельно необходимые по случаю введенія Устава 1828 года.

Помѣщеніе въ гимназическихъ зданіяхъ распредѣлено было слѣдующимъ образомъ: въ большомъ домѣ нижній этажъ заключалъ въ себѣ парадныя сѣни, кухни и подвалы; во второмъ этажѣ четыре комнаты заняты были классами гимназіи и устроены двѣ квартиры для учителей, по 2 комнаты каждая. Въ бель-этажѣ, состоявшемъ также изъ 8 большихъ комнатъ, размѣщены были библіотека, канцелярія, физико-математическій и естественно-историческій кабинеты и залъ для торжественныхъ собраній. Наконецъ верхній этажъ отведенъ былъ подъ квартиры директора и другихъ учителей. Когда въ 1812 г. уѣздное училище изъ малаго гимназическаго дома было перенесено въ большой, то размѣщеніе въ этомъ послѣднемъ нѣсколько измѣнилось. Именно, въ верхній этажъ перенесены были классы гимназіи и уѣзднаго училища, и тамъ же устроено помѣщеніе для учебныхъ пособій и другихъ классическихъ принадлежностей; въ третьемъ этажѣ оставлена библіотека, кабинеты физическій и естественно-историческій и залъ для собраній, а во второй перенесены квартира директора, канцелярія, архивъ и устроено помѣщеніе для служителей. Здѣсь же отведена квартира для одного изъ учителей; остальные учители размѣщены были въ маломъ гимназическомъ домѣ и въ двухъэтажномъ флигелѣ при большомъ домѣ.

Передавая губернаторскій домъ во владѣніе гимназіи, князь Долгорукій оставилъ въ немъ нѣкоторую часть его меблировки:

нѣсколько зеркалъ въ рамахъ изъ краснаго дерева, нѣсколько бронзовыхъ люстръ, двое стѣнныхъ часовъ, и еще нѣсколько мелкихъ вещей, частью испорченныхъ. Затѣмъ, изъ году въ годъ, путемъ покупки или частныхъ пожертвованій, гимназія пополняла свою обстановку новыми предметами; такъ, въ 1809 году куплены большіе мѣдные часы въ футлярѣ изъ краснаго дерева, въ бель-этажѣ устроены двѣ гостинныхъ съ мягкой мебелью, обитой ситцемъ (мебель прикупалась по немногу съ 1809 по 1823 гг.), а стѣны украшались портретами членовъ Императорской Фамиліи.

Наблюденіе за исправностью и порядкомъ въ гимназическихъ зданіяхъ возлагалось на учителей, имѣвшихъ въ этихъ зданіяхъ казенныя квартиры (согласно § 166 Устава). До насъ сохранился ордеръ директора отъ 16 октября 1811 г., которымъ предлагается старшимъ учителямъ Боголѣпову, Воронину и Калайдовичу имѣть надзоръ за порядкомъ въ большомъ гимназическомъ домѣ, за топкою печей, которая должна производиться днемъ, а отнюдь не вечеромъ или ночью, и за освѣщеніемъ. Тѣ же учителя по очереди должны непремѣнно находиться вечеромъ при уходѣ учениковъ изъ классовъ, дабы дѣти при нихъ въ порядкѣ сошли съ лѣстницы, всѣ свѣчи изъ классовъ были вынесены и погашены, а печныя трубы—вездѣ закрыты. Тому же дежурному по дому имѣть присмотръ за свѣчею въ парадныхъ сѣняхъ, за запоромъ наружныхъ дверей и за исправностью ночнаго сторожа, отъ котораго на другой день обязанъ принять рапортъ о благосостояніи дома и съ тѣмъ же отправить его къ директору въ 8 час. утра. „Сему очередному надзору, гласитъ ордеръ, съ нынѣшняго числа заведена дневная записка, и г. дежурный за порядокъ своего дня отвѣчаетъ. Оставляется на волю держать очередь поденно, понедѣльно или помѣсячно“. Въ тревожную годину отечественной войны, нарушившей правильное теченіе всѣхъ функцій государственнаго организма и ослабившей общественную безопасность, потребовались и у насъ особыя мѣры къ усиленной охранѣ гимназіи. Въ концѣ сентября во Владимірѣ стали ходить слухи о приближеніи непріятеля; губернаторъ совѣтуетъ директору заблаговременно вывезти нужнѣйшія гимназическія вещи и письменныя дѣла, а равно и оставшихся въ городѣ учениковъ и пансіонеровъ въ болѣе безопасное мѣсто. Директоръ Дмитревскій съ большимъ трудомъ успѣлъ купить на собственный счетъ три

лошади и большую повозку за 276 руб. ас. и, уложивъ наиболѣе цѣнное гимназическое имущество и документы, приготовился къ выѣзду при первой тревогѣ. Около мѣсяца продолжалось это напряженное состояніе; съ разрѣшенія губернатора, при гимназіи учрежденъ былъ военный караулъ; учителя по очереди наблюдали, чтобы въ 8 часовъ вечера всѣ двери и ворота были заперты и огни потушены, чтобы, кромѣ наружной военной стражи, на дворѣ обязательно былъ ночной сторожъ и какъ можно чаще стучалъ въ доску. Утромъ дежурный учитель являлся къ директору съ рапортомъ о состояніи дома.

Вопросъ объ охранѣ гимназическаго дома и о наблюденіи за порядкомъ въ немъ и въ послѣдующее время составляетъ одну изъ постоянныхъ заботъ для гимназическаго начальства. Мало того, на старшихъ учителей, подъ ихъ личной отвѣтственностью, возлагается полицейское наблюденіе за всѣми живущими въ гимназическихъ зданіяхъ, съ оттѣнкомъ своеобразной цензуры нравовъ: такъ, директорскій ордеръ 20 марта 1813 г. предписываетъ старшимъ учителямъ слѣдить за людьми живущими въ гимназическихъ домахъ, и особенно въ кухняхъ; недопускать постороннихъ праздношатающихся и особливо пьяныхъ и наглыхъ; внушать старожамъ, чтобы они, какъ скоро кто посторонній войдетъ въ кухню или на дворъ, немедленно давали знать дежурному, кто именно пришелъ, къ кому и зачѣмъ.

Такого же или подобнаго этому содержанія сохранились до насъ ордеры отъ 25 октября 1822 г., 24 ноября 1823 г. и 10 марта 1829 г.

Нижнихъ служителей при гимназіи положено было по Уставу трое (§ 167). Обыкновенно для этой цѣли служили инвалиды изъ нижнихъ чиновъ гарнизона внутренней стражи, получавшіе въ нашей гимназіи въ концѣ разбираемаго нами періода 10 р. ас. въ мѣсяцъ жалованья при казенномъ помѣщеніи.

Денежная часть.

Доходы. *а) штатное назначеніе.* „Примѣрное исчисленіе суммъ на ежегодное содержаніе учебныхъ заведеній“, изданное 17 марта 1803 г., помѣщаетъ Владимірскую гимназію въ числѣ

тѣхъ, которымъ опредѣлено къ отпуску 5,750 руб. ас. по слѣдующему разсчету:

На жалованье	директору училищъ		900 р.
„ „	четыремъ старш. учителямъ. по 650 р. кажд.		2,600 „
„ „	двумъ младш. учителямъ, по 400 р. „		800 „
„ „	одному учителю рисованія		300 „
На приращеніе библіотеки и учебн. пособія			250 „
На всѣ прочіе расходы			900 „
		Итого . . .	5,750 р.

Съ введеніемъ въ дѣйствіе Устава 1804 г., штатная сумма увеличена до 6,150 р., а именно—прибавлено 400 р. на учителя латинскаго языка. Съ 1 января 1812 г. учителя этого языка были уравнены по штату съ прочими старшими учителями, вслѣдствіе чего штатная сумма увеличилась прибавкою еще 250 руб. Такимъ образомъ, съ 1812 года и вплоть до введенія новаго Устава въ 1833 г., изъ суммъ казначейства отпускалось на нашу гимназію ежегодно 6,400 руб. ас. по третямъ, за каждую треть года впередъ въ размѣрѣ 2,133 р. $33^1/_2$ к. ас.

б) Пособіе отъ Владимірскаго приказа общественнаго призрѣнія. Со времени открытія гимназіи Приказъ общественнаго призрѣнія обязался отпускать на нужды ея по 3,500 руб. въ годъ, однако эта статья доходовъ была недостаточно прочною и устойчивою. Приказъ общественнаго призрѣнія и раньше вообще не отличался исправностью въ денежныхъ разсчетахъ, а теперь еще болѣе упрочилъ за собою репутацію плохого плательщика. Въ донесеніи 28 октября 1804 г. директоръ проситъ училищный комитетъ, имѣя въ виду примѣры прошлыхъ лѣтъ, отнестись куда слѣдуетъ, (т.-е., къ начальнику губерніи), дабы вся слѣдуемая къ ежегодному отпуску сумма 3,500 р. выдавалась если не вся заразъ за годъ впередъ, то по крайней мѣрѣ по примѣру казначейства впередъ за каждую треть года по 1,166 р. $66^1/_2$ к. Въ виду того, что гимназія не въ состояніи покрывать всѣхъ своихъ текущихъ нуждъ изъ одной штатной суммы, неаккуратность Приказа общественнаго призрѣнія, по словамъ директора, можетъ повлечь за собою серьезныя затрудненія и разстройство учебнаго дѣла, особенно въ первое время послѣ преобразованія, въ виду неотложныхъ и крупныхъ расходовъ, каковы—расшире-

ніе помѣщенія, умноженіе библіотеки и физико-математическаго кабинета, заведеніе вновь натуральнаго кабинета, и многихъ другихъ.

Опасенія директора дѣйствительно оказались справедливыми. Не смотря на то, что былъ утвержденъ просимый порядокъ выдачи денежныхъ суммъ отъ Приказа общественнаго призрѣнія, послѣдній за все время, кажется, ни одного разу не уплатилъ слѣдуемыхъ съ него денегъ въ срокъ и безъ особаго каждый разъ напоминанія со стороны дирекціи гимназіи. Нерѣдко приказъ просрочиваетъ нѣсколько мѣсяцевъ; такъ, 13 января 1811 г. директоръ проситъ приказъ о доставленіи въ счетъ январской трети если не всю сумму полностью, то хотя бы 500 р., въ корыхъ гимназія имѣетъ крайнюю неотложную нужду. Не получивъ не только денегъ, но и никакого отзыва на свои неоднократныя напоминанія, директоръ въ концѣ марта обращается съ жалобой къ губернатору и только тогда достигаетъ цѣли. Въ томъ же году деньги за майскую треть получены только въ концѣ іюля, а за сентябрьскую—въ ноябрѣ, и каждый разъ по особой жалобѣ директора къ губернатору. Въ концѣ концовъ это обращеніе къ начальнику губерніи обратилось прямо въ неизбѣжную формальность, безъ которой приказъ какъ бы не считалъ себя обязаннымъ выдавать слѣдуемыя съ него деньги.

Однако, пока во главѣ губерніи стоялъ князь Ив. Мих. Долгорукій, о которомъ уже упоминалось раньше, какъ о ревнителѣ просвѣщенія, Владимірскій приказъ общественнаго призрѣнія, хотя и неаккуратно и не въ сроки, но все же уплачивалъ сполна всю требуемую сумму. Но когда въ 1812 г. князь Долгорукій вышелъ въ отставку, и его замѣстилъ въ должности губернатора Супоневъ, положеніе дѣла измѣнилось для гимназіи къ худшему. Приказъ не только не выдаетъ денегъ за сентябрьскую треть 1812 года, но и вообще отказывается отъ какихъ-бы то ни было выдачъ въ пользу гимназіи, мотивируя свой отказъ постояннымъ сокращеніемъ своихъ доходовъ и увеличеніемъ расходовъ на благотворительныя дѣла, особенно со времени войны. Въ представленіи своемъ губернатору отъ 18-го сентября директоръ доказываетъ, что на одну штатную отъ казны сумму гимназія существовать не можетъ, приводитъ рядъ цифръ въ подтвержденіе этого и прямо выражаетъ опасеніе, что въ самомъ недалекомъ

будущемъ, при постоянно возрастающей дороговизнѣ, не будетъ хватать на текущіе расходы гимназіи и той суммы, которая до сихъ поръ отпускалась отъ Приказа общественнаго призрѣнія. Дѣло это доведено было черезъ университетъ до свѣдѣнія министра народнаго просвѣщенія и кончилось на этотъ разъ въ пользу гимназіи: приказъ вынужденъ былъ продолжать свою субсидію. Но несомнѣнно, что положеніе самого приказа въ денежномъ отношеніи было очень затруднительно. Такъ, 15-го января 1823 года, на требованіе дирекціи о выдачѣ январской третной суммы, приказъ отвѣчалъ откровенно, что въ его кассѣ имѣется въ наличности всего 169 руб. 18 коп., а когда директоръ вторично обратился къ нему съ просьбою (1-го февраля) выдать въ счетъ слѣдуемой суммы эти упомянутые 169 руб., ихъ уже не оказалось въ кассѣ приказа. Однако, съ обычными хлопотами и проволочками, гимназическое начальство успѣло получить полностью и за 1823 и за 1824 годы по 3,500 руб. асс. Но въ 1825 году приказъ рѣшительно прекратилъ выдачу своего пособія гимназіи, и на этотъ разъ никакія обращенія къ губернатору не помогли; пришлось убѣдиться, что приказъ дѣйствительно не въ состояніи былъ нести этотъ расходъ, потому что „самъ по какимъ то обстоятельствамъ обнищалъ", какъ выражается директоръ въ своемъ донесеніи училищному комитету отъ 26-го іюня 1825 г. Конечно, дѣло это получило дальнѣйшій ходъ и вызвало длинную переписку между двумя министерствами — народнаго просвѣщенія и внутреннихъ дѣлъ. Послѣднее, входя въ интересы Владимірскаго приказа обществ. призрѣнія, оправдываетъ его тѣмъ, что Уставъ 1804 г., хотя и упоминаетъ о пособіяхъ въ пользу гимназій отъ Приказовъ обществ. призрѣнія и городовъ, но ничего не говоритъ объ ихъ обязательности, и потому эти пособія на законномъ основаніи могутъ быть прекращены, если по мѣстнымъ обстоятельствамъ ихъ продолженіе оказывается невозможнымъ. (Отношеніе управляющаго министерств. внутреннихъ дѣлъ Ланского отъ 25-го іюня 1825 г.). Капиталъ Владимірскаго приказа обществ. призрѣнія къ началу 1825 г. равнялся 57,500 руб., а доходовъ за 1824 г. получено было 41,642 р., тогда какъ расходовъ за то же время произведено на 46,127 р. Слѣдовательно 1824 г. оставилъ послѣ себя долгу на 4,485 р., да въ 1825 г. предстоятъ новые экстраординарные расходы на

очень крупную сумму. Принимая во вниманіе всѣ эти соображенія, Министерство внутреннихъ дѣлъ категорически отказало въ выдачѣ какого бы то ни было пособія въ пользу гимназіи.

Въ частномъ письмѣ къ тогдашнему ректору Московскаго университета Прокоповичу-Антонскому директоръ нашей гимназіи Дмитревскій горячо опровергаетъ приведенное выше толкованіе Устава Министерствомъ внутреннихъ дѣлъ, доказывая, что такой пріемъ можетъ только создать опасный прецедентъ для существованія не одной гимназіи, но и всѣхъ училищъ вообще, такъ какъ ни одно изъ нихъ не содержится исключительно на правительственныя средства, а наоборотъ—большинство не имѣетъ никакихъ штатныхъ положеній.

Какъ бы то ни было, но пособіе отъ Приказа обществ. призрѣнія было прекращено. Ущербъ, понесенный гимназіей, былъ настолько великъ, что не могъ быть покрытъ сокращеніемъ нѣкоторыхъ статей расходовъ или исключеніемъ другихъ. Надо было изыскивать новыя средства для покрытія ежегодныхъ дефицитовъ въ бюджетѣ гимназіи, которые съ этихъ поръ обратились въ постоянное, хроническое зло. Къ этому вопросу мы теперь и переходимъ.

в) Экономическія суммы. Благодаря тому, что положенныя по штату на содержаніе гимназіи суммы съ самаго начала выдавались полностью, безъ всякихъ вычетовъ, къ концу каждаго изъ первыхъ годовъ ея существованія получались болѣе или менѣе крупные остатки. То же самое надо сказать и относительно суммы, которую отпускалъ на нужды гимназіи Приказъ обществ. призрѣнія. Такимъ образомъ уже отъ 1804 г. къ началу 1805 г. гимназія располагала внушительнымъ остаткомъ въ 2,263 р. $82^1/_2$ к., который къ 1806 г. уже возросъ до 7,588 р. $3^3/_4$ к., а къ началу 1807 г. достигъ цифры 12,697 р. $22^3/_4$ коп. Эти-то остатки отъ ежегодныхъ смѣтныхъ назначеній и легли въ основу такъ называемой экономической или хозяйственной суммы, которая въ качествѣ запаснаго капитала предназначалась на экстраординарные расходы. По мѣрѣ накопленія экономическихъ суммъ долженъ былъ возникнуть вопросъ объ удобномъ и выгодномъ ихъ помѣщеніи. Еще въ январѣ 1806 г. Училищный комитетъ предписываетъ директорамъ озаботиться помѣщеніемъ свободныхъ капиталовъ всѣхъ училищъ въ одно изъ двухъ кредитныхъ учреж-

денiй—либо въ мѣстный Приказъ обществ. призрѣнiя, либо въ Сохранную казну опекунскаго совѣта при Московскомъ воспитательномъ домѣ. Директоръ Владимiрской гимназiи Цвѣтаевъ предпочелъ первое, чтобы избѣжать почтовыхъ расходовъ и хлопотъ на случай обратнаго полученiя капиталовъ, могущихъ неожиданно понадобиться на непредвидѣнные расходы.

Однако условiя, на которыхъ Приказъ обществ. призрѣнiя бралъ вклады для обращенiя ихъ въ оборотъ въ формѣ ссудъ подъ залогъ недвижимыхъ имѣнiй, оказались на дѣлѣ далеко менѣе выгодными, нежели тѣ, которыя предлагалъ Опекунскiй совѣтъ. Принимая отъ гимназiи ея капиталъ изъ 5%, приказъ далъ обѣщанiе „всячески склонять кредитующихся къ добровольному усугубленiю сверхъ установленнаго количества процентовъ;“ однако обѣщанiе это оставалось пустымъ словомъ, между тѣмъ приказъ за свое посредничество въ дѣлѣ помѣщенiя училищныхъ капиталовъ взималъ въ свою пользу „одинъ процентъ въ подаянiе и полпроцента усердныхъ,“ т. е. другими словами выплачивалъ училищамъ всего $3^1/_2$%, тогда какъ Сохранная казна выдавала по вкладамъ 5% полностью, безъ всякихъ вычетовъ. Поэтому, хотя въ февралѣ 1806 г. директоръ и внесъ изъ приращенiя процентовъ во Владимiрскiй приказъ обществ. призрѣнiя 6,000 р. гимназической экономической суммы, однако это былъ единственный въ своемъ родѣ случай, и всѣ послѣдующiе вклады дѣлались уже въ Сохранную казну. Такимъ образомъ упомянутый выше остатокъ къ началу 1807 года—12,697 руб. $22^3/_4$ коп., перечисленный въ экономическую сумму гимназiи, распредѣлился слѣдующимъ образомъ: 6,000 р.—въ Приказъ обществ. призрѣнiя. 6,500 руб.—въ Сохранную казну, да при гимназiи наличными деньгами оставлено было на всякiй случай 197 р. $22^3/_4$ коп. Благодаря этому запасному фонду, гимназiя была въ состоянiи въ сравнительно короткiй промежутокъ времени произвести очень крупную финансовую операцiю съ покупкою новаго дома въ 1807 г. Какъ уже было упомянуто раньше, губернаторскiй домъ прiобрѣтенъ былъ за 30 тыс. рублей ассигн., изъ которыхъ половина должна была быть выплачена Владимiрскому приказу общ. призрѣнiя, а другая—въ казну. Съ приказомъ гимназiя покончила всѣ разсчеты немедленно же. Въ должную ему сумму былъ зачтенъ, во-первыхъ, весь капиталъ гимназiи, обращавшiйся въ

приказѣ, вмѣстѣ съ наросшими на него процентами; кромѣ того вытребована часть денегъ, хранившихся въ Опекунскомъ совѣтѣ; обѣ эти статьи дали сумму въ 10,878 р. 28½ к.; къ этому гимназія нашла возможнымъ прибавить еще 2,955 р. 4½ коп. изъ своихъ доходовъ за 1807 г., да приказъ удержалъ слѣдуемые имъ къ уплатѣ и еще не выплаченные за январскую треть 1807 г. 1,166 р. 67 к. Другіе же 15 тыс. руб., которые гимназія оставалась должна казнѣ, были ей разсрочены на 6 лѣтъ, и въ теченіе 1808—1813 гг. гимназія вносила во Владимірское казначейство ежегодно по 2,500 руб. ассигн. Такимъ образомъ уже въ 1813 г. новый гимназическій домъ былъ совершенно чистъ отъ всякихъ долговъ.

Выбравши въ 1807 г. весь свой капиталъ изъ приказа общ. призрѣнія, гимназія перестала помѣщать туда свои сбереженія, предпочитая направлять ихъ въ Сохранную казну при Московскомъ воспитательномъ домѣ, а 26-го марта 1818 г. состоялось предписаніе Училищнаго комитета, прямо воспрещавшее помѣщеніе экономическихъ суммъ въ приказы.

Послѣ упомянутаго сейчасъ крупнаго экстраординарнаго расхода, а равно и другихъ, послѣдовавшихъ за этимъ по ремонту купленнаго зданія и его приспособленію къ помѣщенію гимназіи, цифра ежегодныхъ остатковъ значительно падаетъ, а потомъ, хотя и продолжаетъ постепенно наростать, но очень медленно, потому что гимназія по немногу приходила въ нормальный комплектъ, и потребности ея росли изъ году въ годъ.

Такъ, къ началу 1808 г. экономической суммы оказалось всего 2,265 р. 39¼ коп., изъ которыхъ въ Сохранной казнѣ обращалось 1,545 р. 42¾ к. Затѣмъ, съ постоянными и очень сильными колебаніями, эта сумма къ 1825 г., т.-е. тому времени, какъ приказъ прекратилъ свою субсидію въ пользу гимназіи, составила всего 6,792 руб. 73 коп. ассигн. Это и былъ главный источникъ, изъ котораго пришлось пополнять пробѣлы въ гимназическомъ бюджетѣ начиная съ 1825 г.

Чтобы судить вѣрнѣе о размѣрахъ постигшаго гимназію финансоваго кризиса, вызваннаго ежегоднымъ сокращеніемъ ея доходовъ на 3,500 р. вслѣдствіе прекращенія пособія отъ Приказа обществ. призрѣнія, надо разсмотрѣть, изъ какихъ источниковъ покрывались отдѣльныя статьи расходовъ по гимназіи.

Расходы. *а) Изъ штатной суммы.* Согласно штатному назначенію, сумма отпускаемая до 1812 г. изъ средствъ казначейства, въ размѣрѣ 6,150 р., распредѣлялась слѣдующимъ образомъ: на жалованье педагогическому персоналу—5,000 р., (директору—900 р., четыремъ старшимъ учителямъ—2,600 руб., учителю латинскаго языка—400 руб., 2-мъ учителямъ новыхъ языковъ— 800 р. и учителю рисованія—300 р.); на библіотеку и учебныя пособія—250 рублей и на всѣ прочіе расходы—900 р. ас.

Первая статья, самая крупная, въ первые годы существованія гимназіи, далеко не доходила до нормальной цифры. Причины этому двѣ: 1) гимназія въ первое время не располагала нормальнымъ числомъ учителей, и 2) мѣстному училищному начальству предоставлялось, если не юридически, то фактически, произвольно измѣнять размѣры окладовъ. Такъ, въ 1805 г. на означенную статью израсходовано было всего 3.866 р. 66½ к., потому что вмѣсто положенныхъ по Уставу четырехъ старшихъ учителей наша гимназія располагала въ это время тремя, точно также какъ вмѣсто двухъ учителей новыхъ языковъ былъ всего одинъ, а учителя рисованія вовсе не было. Кромѣ того, неизвѣстно почему, учитель латинскаго языка получилъ всего 300 р., вмѣсто положенныхъ ему по штату 400, а учитель нѣмецкаго языка за преподаваніе французскаго получилъ къ своему окладу добавочныхъ 200 р.; кромѣ того, съ основанія гимназіи до 10-го мая 1805 г. при гимназіи состоялъ особый, не положенный по штату учитель россійской словесности, получившій за первую треть 1805 г. 116 р. 66½ к. изъ оклада 350 р. въ годъ. По мѣрѣ пополненія состава учителей, сумма, расходуемая на жалованье, постепенно приближается къ нормѣ; въ 1807 г. она равна 4,245 р. 42½ к., а въ 1812 г. достигаетъ цифры 5,208 р. 95¾ к. Съ этихъ поръ эта цифра держится съ небольшими колебаніями на одной приблизительно высотѣ, давая ежегодный остатокъ въ нѣсколько сотъ рублей.

Другая крупная статья расходовъ, покрывавшаяся также изъ штатныхъ назначеній—это 900 р., положенные на содержаніе дома и прочія хозяйственныя нужды гимназіи. Вначалѣ этой суммы хватало съ избыткомъ. Въ 1805 г. на этотъ предметъ израсходовано было всего 646 р. 64 к., въ 1806 г.—835 р. 29¼ к., въ 1807 г.—889 р. 67 к. Затѣмъ, быстро возро-

стая изъ году въ годъ, эта цифра въ 1811 г. уже далеко переступаетъ за предѣлы нормы, достигая 1,498 р. 38½ к.; въ 1816 г. на этотъ предметъ израсходовано 4,728 р. 29¾ к., а въ 1820 г.—5,728 р. 33 к. Итакъ, очень рано, уже около 1810 г., штатная сумма на хозяйственныя нужды гимназіи перестаетъ удовлетворять потребностямъ заведенія. Чтобы покрыть ежегодно повторявшіеся крупные недочеты по этой статьѣ, гимназическое начальство, при отсутствіи строгой отчетности по финансовой части, обыкновенно пользовалось для этой цѣли остатками отъ суммы положенной на жалованье педагогическому персоналу, а также сокращало до послѣдней возможности расходы на библіотеку и учебныя пособія; наконецъ, когда и этихъ источниковъ оказалось недостаточно, а дефицитъ въ штатномъ бюджетѣ все увеличивался, пришлось для пополненія его прибѣгнуть къ суммѣ, отпускаемой въ пособіе гимназіи отъ Приказа обществ. призрѣнія.

б) Изъ суммы отъ Приказа общ. призр. отпускаемой. Сумма эта предназначалась на выдачу свѣчныхъ и дровяныхъ денегъ учителямъ, на канцелярскіе расходы, на прогонныя деньги директору при ревизіи училищъ, и на снабженіе гимназіи учебными книгами для продажи ученикамъ. Изъ того же источника покрывались и другіе расходы, какъ напр. жалованье учителю музыки по 200 р. въ годъ (съ 1814 по 1824 г.), законоучителю по 150 р. въ годъ (съ 1820 по 1833 г.), казенно-коштнымъ ученикамъ (отъ 60 до 100 р. въ годъ каждому), а также производились экстраординарные расходы, каковы ремонтъ зданій, покупка мебели и прочее. Однако сумма 3,500 руб., которую отпускалъ Приказъ общественнаго призрѣнія на этотъ предметъ, не только покрывала всѣ переименованные расходы, но давала еще ежегодно значительный остатокъ, перечислявшійся въ экономическую сумму.

Когда въ 1811 году, какъ уже выше было указано, штатная сумма оказалась далеко недостаточной для покрытія соотвѣтствующихъ расходовъ, и штатный бюджетъ грозилъ крупнымъ дефицитомъ, директоръ обращается въ училищный комитетъ съ рапортомъ (31 октября 1811 г.), въ которомъ, указывая на крайнюю недостаточность штатной суммы, проситъ, въ силу §§ 160, 161 и 170 Устава, разрѣшить ему дополнить недостающую сумму изъ средствъ, отпускаемыхъ на гимназію Приказомъ обществ.

призрѣнія. Директоръ доказываетъ, что дефицитъ 1811 года не есть явленіе случайное, но вызывается непомѣрно растущей дороговизной на всѣ предметы и опредѣляетъ приблизительно цифру возможныхъ ежегодно въ штатномъ бюджетѣ дефицитовъ въ 600 р. Перваго февраля 1812 г. послѣдовало разрѣшеніе попечителя округа, за недостаткомъ штатныхъ суммъ, издерживать на штатные расходы по Владимірской гимназіи еще до 600 р. изъ суммъ, отпускаемыхъ Приказомъ обществ. призрѣнія. Такимъ образомъ на хозяйственныя нужды гимназія могла тратить всего до 1,500 р. въ годъ (900 р. по штату и 600 р. добавочныхъ). Однако скоро и этой суммы оказалось недостаточно. Уже 24 февраля 1814 г. директоръ проситъ Училищный комитетъ разрѣшить ему употреблять остатки отъ нештатныхъ суммъ на хозяйственныя нужды гимназіи безъ ограниченія. Изъ приложенной при этомъ записки видно, что одно отопленіе гимназическихъ зданій, имѣющихъ 42 печи, обошлось въ 1813 году въ 1,350 р., освѣщеніе—450 р. (20 пуд. сальн. свѣчей по 25 р. за пудъ) и мелкій ремонтъ — 400 р., да на классныя принадлежности (чернила, мѣлъ, губки и др. мелочные расходы) вышло 150 р., итого израсходовано 2,350 р. Между тѣмъ изъ приказной суммы за то же время истрачено: на жалованье сторожамъ 280 р., на дрова и свѣчи учителямъ 535 р. и на канцелярію 375 р., итого 1,190 р. Однако Училищный комитетъ (предп. 26 мая 1814) не разрѣшилъ директору его просьбы, рекомендуя относительно обыкновенныхъ расходовъ не выходить изъ положенныхъ предѣловъ, а въ случаѣ передержекъ каждый разъ входить съ особымъ представленіемъ. 9 октября 1814 г., въ виду скораго окончанія отчетнаго года, директоръ снова проситъ въ дополненіе къ прежде опредѣленной на хозяйственныя нужды суммѣ прибавить еще 400 р. изъ приказной суммы. Едва разрѣшена была эта прибавка, какъ 26 августа 1816 года сдѣлана новая въ 500 р. ежегодно, а 13 декабря 1819 г.—еще 900 р. изъ того же источника.

Такимъ образомъ, начиная съ 1820 года гимназія наша на свои хозяйственныя нужды тратила 900 руб. штатныхъ да 2,400 руб. изъ суммы, отпускаемой отъ Приказа общественнаго призрѣнія.

Этихъ данныхъ достаточно для того чтобы судить о размѣрахъ того затрудненія, въ которое поставлена была наша гимна-

зія въ 1825 году, вслѣдствіе прекращенія пособія отъ Приказа общественнаго призрѣнія. Вопросъ о томъ, изъ какого источника восполнить этотъ ущербъ, требовалъ немедленнаго разрѣшенія. Уменьшить расходы оказывалось невозможнымъ, потому что всѣ они были существенно необходимы и производились съ строгой бережливостью; остатки отъ суммъ, положенныхъ по штату на библіотеку и на жалованье учителямъ, оказывались настолько ничтожными, что не могли нисколько помочь дѣлу. Поэтому въ рапортѣ въ Училищный комитетъ 20-го августа 1825 года директоръ видитъ единственный исходъ въ томъ, чтобы заимствовать недостающія суммы изъ экономическихъ средствъ гимназіи, обращающихся въ Сохранной казнѣ въ количествѣ 6,792 руб. 73 коп. съ процентами. Не получая никакого отвѣта, директоръ въ новомъ донесеніи отъ 3-го сентября извѣщаетъ университетское начальство, что въ кассѣ гимназіи въ наличности остается всего 383 руб. 33½ коп., и никакихъ доходовъ до конца года не предвидится, тогда какъ расходовъ на сентябрьскую треть предстоитъ по крайнему разсчету не менѣе 1,786 руб. 34 коп. Тогда Училищный комитетъ извѣстилъ директора (7-го октября 1825 года), что университетъ вошелъ съ докладомъ по этому вопросу къ попечителю округа, но въ тоже время предписалъ директору принять всевозможныя мѣры къ сокращенію издержекъ по гимназіи, прекративъ учителямъ выдачу свѣчного и дровяного довольствія и воздерживаясь впредь отъ выписки журналовъ и газетъ. Сдѣлавъ новый разсчетъ, согласно этому предписанію, дирекція гимназіи сократила дефицитъ до крайняго минимума—677 руб. 74 коп. (рапортъ директора 10-го октября 1825 года). Съ разрѣшенія попечителя округа, на покрытіе этого дефицита былъ употребленъ весь остатокъ отъ прошлаго 1824 года, и такимъ образомъ, хотя и съ трудомъ, бюджетъ 1825 года былъ приведенъ въ равновѣсіе. Однако это еще не разрѣшало вопроса въ будущемъ. 28-го мая 1826 г. Училищный комитетъ снова дѣлаетъ запросъ, на основаніи предписанія попечителя округа отъ 18-го мая, изъ какихъ суммъ можно было бы пополнить недостающее число денегъ на содержаніе гимназіи, и нельзя ли сократить нѣкоторые расходы. Въ отвѣтъ директоръ дѣлаетъ примѣрный разсчетъ расходовъ по хозяйственной части гимназіи, необходимо нужныхъ:

Жалованье письмоводителю	300 р.
Жалованье законоучителю	150 „
Дровяныя и свѣчныя деньги учителямъ	472 „
Отопленіе и освѣщеніе зданій	765 „
Мелочные канцелярскіе расходы	220 „
Жалованье тремъ сторожамъ, по 8 р. въ мѣсяцъ	288 „
Мелочныя поправки и починки	250 „
Разъѣздныя	100 „
	2595 р.

По штату на всѣ эти статьи полагается 900 руб., слѣдовательно не достаетъ 1,695 руб. Для пополненія ихъ гимназія никакихъ источниковъ не имѣетъ, кромѣ экономической суммы. Директоръ предлагаетъ обратить на хозяйственныя нужды гимназіи процентныя деньги съ общаго всѣмъ учебнымъ заведеніямъ дирекціи капитала, обращающагося въ Сохранной казнѣ Московскаго опекунскаго совѣта и состоящаго изъ 70 тыс. руб. приблизительно. Съ разрѣшенія университета, начиная съ 1827 года, такъ и дѣлалось: проценты съ капиталовъ всѣхъ училищъ Владимірской дирекціи обращались ежегодно въ дополненіе къ штатной суммѣ на содержаніе гимназіи. Въ 1827 году эта дополнительная сумма равнялась 1684 руб. 94 к., а въ 1828 году—2147 р. $19^1/_4$ к.

За послѣдній 1832 г. существованія старыхъ штатовъ бюджетъ гимназіи представляется въ такомъ видѣ:

Остатокъ отъ 1831 года	1734 р.	$29^1/_2$ к.
Вновь поступило	13037 „	89 „
Итого въ приходѣ	14772 р.	$18^1/_2$ к.
Расходовъ произведено на	13000 „	$23^1/_4$ „
Въ остаткѣ къ 1-му января 1833 года	1771 „	$95^1/_4$ „
Кромѣ того въ Сохранной казнѣ	11189 „	41 „

Новые штаты введены въ нашей гимназіи съ сентябрьской трети 1833 года, но приходо-расходныхъ вѣдомостей за первыя двѣ трети этого года до насъ не сохранилось.

Плата за ученіе. Характерная черта нашей школы въ XVIII вѣкѣ—это ея полная безплатность; нуждаясь въ образованныхъ людяхъ, правительство, наоборотъ, старалось поощрять

и привлекать учащихся денежными пособіями. По Уставу 1804 г. всѣ учебныя заведенія также безплатны. Мысль о введеніи платы за ученіе возникла въ правительственныхъ сферахъ въ 1817 г. по иниціативѣ тогдашняго попечителя С.-Петербургскаго учебнаго округа графа Уварова.

23-го іюня 1817 года Училищный комитетъ прислалъ во Владимірскую дирекцію требованіе высказать свое мнѣніе по вопросу объ установленіи платы съ учащихся въ народныхъ училищахъ. При этотъ приложена была копія съ выписки изъ журнала Главнаго правленія училищъ отъ 13-го апрѣля 1817 г., въ которой изложены мотивы въ пользу этой мѣры, представленные на разсмотрѣніе Главнаго правленія графомъ Уваровымъ. Прежде всего, введеніе платы за ученіе мотивируется желаніемъ поднять благосостояніе учителей, безъ отягощенія казны. Правительство признаетъ положеніе педагогическаго персонала крайне стѣсненнымъ, отмѣчаетъ фактъ полнаго обѣднѣнія полезныхъ служителей отечества при все возрастающей дороговизнѣ и ласкаетъ себя надеждою, что открыло способъ помочь бѣдѣ безъ малѣйшаго содѣйствія казны. Мало того, Главное правленіе старается оправдать эту мѣру и съ принципіальной точки зрѣнія: въ своемъ докладѣ графъ Уваровъ ссылается на авторитетъ европейскихъ педагоговъ—Беля и Ланкастера, де-Жирардо и Лаборда, которые признали плату за обученіе основаніемъ внутренняго благосостоянія училищъ. Плата есть необходимое условіе для усовершенствованія учебной части; она имѣетъ за себя глубокія соображенія, коренящіяся въ тайникѣ человѣческаго сердца; увѣренность въ томъ, что правительство не потребуетъ никакого возмездія за обученіе дѣтей, порождаетъ нѣкую пагубную въ родителяхъ безпечность какъ относительно аккуратнаго посѣщенія дѣтьми классовъ, такъ и относительно ихъ успѣховъ. Дѣти, отъ которыхъ родители ничего не требуютъ, подобно тому какъ и правительство отъ родителей, составляютъ послѣднее звено сей цѣпи и слѣдуютъ тому же внушенію: нерадѣніе, неисправность, лѣнь, безпечность, охлаждающіе духъ учителей,—вотъ плоды безденежнаго ученія. Если же установится самая умѣренная плата, тогда отецъ потребуетъ отъ сына отчета въ его успѣхахъ, станетъ принуждать его быть прилежнымъ, пожелаетъ отъ него получить, такъ сказать, проценты за вносимую въ училище плату.

Директоръ нашей гимназіи Дмитревскій, получивъ изъ Училищнаго комитета запросъ относительно введенія платы за ученіе, медлилъ отвѣтомъ, и только на вторичное напоминаніе 14 августа 1817 г. отвѣчалъ донесеніемъ, въ которомъ онъ въ принципѣ вполнѣ соглашается съ соображеніями, высказанными въ пользу этой мѣры попечителемъ С.-Петербургскаго учебнаго округа, однако находитъ невозможнымъ при данныхъ обстоятельствахъ введеніе платы въ училищахъ Владимірской дирекціи. По его словамъ, всѣ учебныя заведенія во Владимірской губерніи переполнены или бѣднѣйшими сиротами, или же дѣтьми такихъ родителей, которые не въ состояніи держать домашнихъ учителей, а слѣдовательно и вносить за нихъ установленную плату. „Если бы, говоритъ Дмитревскій, правительству угодно было совсѣмъ запретить обученіе юношества частнымъ учителямъ и обязать родителей всякихъ званій, дабы непремѣнно отдавали дѣтей своихъ только въ народныя школы, а не въ партикулярныя руки, то сіи были бы тогда наполнены учениками достаточныхъ отцовъ, и плата за ученіе составляла бы значительную сумму. А безъ сей обязанности и послѣдніе ученики, по установленіи платы, перезовутся къ партикулярнымъ учителямъ, которыхъ вездѣ очень много, особливо изъ церковно-служителей, кои всѣ безъ изъятія, и грамотные и безграмотные, пользуясь дозволеніемъ обучать прихожанъ, изъ корыстныхъ видовъ убѣждаютъ сихъ отдавать дѣтей къ нимъ, заводятъ свои школы, переманиваютъ туда учениковъ изъ училищъ и тѣмъ разстраиваютъ сіи заведенія“. Какъ бы то ни было, но Высочайше утвержденное въ 1-й день февраля 1819 года Положеніе комитета министровъ вводитъ плату за ученіе „по тѣмъ училищамъ, гдѣ сіе окажется нужнымъ“. 20 го ноября 1820 года Училищный комитетъ, извѣщая директора о распространеніи этого Положенія на Московскій учебный округъ, спрашиваетъ, находитъ ли директоръ возможнымъ ввести во Владимірскихъ училищахъ ту же плату, какая уже принята въ Московской губерніи, именно 12 рублей въ годъ въ гимназіи, 8 рублей—въ уѣздныхъ училищахъ и 4 рубля—въ приходскихъ. Соглашаясь съ мнѣніемъ Училищнаго комитета по вопросу о размѣрахъ платы, директоръ однако опять повторяетъ, что, по его мнѣнію, введеніе платы за обученіе уменьшитъ число учениковъ въ училищахъ и наоборотъ увеличитъ

число неаттестованныхъ учителей, составляющихъ и безъ того крупное зло.

Плата въ указанномъ выше размѣрѣ была введена въ училищахъ Владимірской губерніи начиная съ 1-го января 1821 г. Опасенія, которыя неоднократно высказывалъ директоръ Дмитревскій, въ значительной степени оправдались. Въ рапортѣ 28-го октября 1821 г. онъ жалуется на крайнюю неуспѣшность сбора съ учащихся. Привыкши получать отъ правительства образованіе даромъ, многіе сочли для себя обременительнымъ переходить къ платѣ: многіе или уклоняются отъ нея, или берутъ дѣтей изъ училищъ; иные и денегъ не платятъ и дѣтей не берутъ. Изъ 653 человѣкъ, обучающихся въ гимназіи и уѣздныхъ училищахъ губерніи, внесли плату всего 169 человѣкъ и тѣ съ ропотомъ и неудовольствіемъ; остальные же не внесли—кто по бѣдности (175 чел.), кто по упрямству (182 чел.), а 127 человѣкъ выбыло. Собственно въ гимназіи изъ 43 учениковъ внесли плату 16 человѣкъ—всего 192 р.; изъ остальныхъ по бѣдности или по сиротству не внесли 12 учениковъ, выбыли двое, да 13 человѣкъ кантонистовъ по Положенію свободны отъ платы. Въ отвѣтъ на это, Училищный комитетъ (15-го ноября 1821 года) предлагаетъ директору точно слѣдовать Высочайше утвержденному Положенію о платѣ съ учащихся, долженствующей служить не къ упадку, а къ большему поддержанію и ободренію учащихъ; отъ платы должно освобождать лишь сиротъ и недостаточныхъ учениковъ, тщательно провѣряя имущественное положеніе послѣднихъ въ сомнительныхъ случаяхъ. На новыя сѣтованія директора, въ февралѣ 1822 года училищный комитетъ указываетъ, что если ученики переходятъ къ партикулярнымъ учителямъ, то причина этого не введеніе платы за ученіе, ибо и частные учители преподаютъ не даромъ; слѣдовательно причина тому иная, и обязанность директора—ее выяснить. Во всѣхъ своихъ предписаніяхъ высшее училищное начальство не давало, однако, никакихъ указаній относительно средствъ къ обезпеченію болѣе правильнаго поступленія платы за ученіе. Поэтому обычная мѣра, къ которой прибѣгало гимназическое начальство въ этомъ случаѣ, было содѣйствіе полиціи. Такъ, 26 декабря 1821 года, директоръ обращается къ губернатору графу П. И. Апраксину съ просьбой взыскать административнымъ по-

рядкомъ, черезъ полицейское управленіе, плату за ученіе съ тѣхъ родителей учениковъ гимназіи и уѣзднаго училища, которые отказываются отъ взноса этой платы завѣдомо «изъ упрямства». И подобныя обращенія къ губернской администраціи повторяются по нѣскольку разъ ежегодно за все время до 1833 года.

Что касается употребленія суммъ, собранныхъ за ученіе, то въ первое время никакихъ опредѣленныхъ правилъ для этого не было установлено. По предписанію Училищнаго комитета отъ 17 мая и 7 іюня 1821 г., директоръ обязанъ былъ каждый разъ, по истеченіи отчетнаго года, входить съ особымъ представленіемъ по этому вопросу въ университетъ, который въ свою очередь препровождалъ его въ министерство. Такимъ путемъ 192 руб., собранные въ гимназіи за 1821 годъ, были распредѣлены слѣдующимъ образомъ: 150 р. роздано учителямъ въ награду, въ дополненіе къ дровянымъ и свѣчнымъ деньгамъ; 39 р. 90 к. употреблено на исправленіе ветхостей въ гимназическихъ домахъ, и 2 р. 10 к. заплачено за особыя шнуровыя книги для веденія этой новой статьи гимназическаго бюджета.

Въ послѣдующіе годы сумма сбора за ученіе въ гимназіи подвержена замѣтнымъ колебаніямъ; такъ, въ 1822 г. она дала всего 108 р. (внесли 9 учениковъ изъ 36), въ 1823 г.—228 р. (внесли 19 учениковъ изъ 48), въ 1824 г.—180 р. (15 учен. изъ 52). Затѣмъ эта цифра начинаетъ вдругъ падать, давши въ 1825 г. всего 58 р. (6 учениковъ изъ 48), въ 1826 г.—12 р. (1 учен. изъ 42), а въ 1827 году въ гимназіи ни одинъ изъ 42 учениковъ не внесъ ничего. Въ документахъ этой эпохи, сохранившихся въ нашемъ архивѣ, мы не находимъ никакихъ объясненій этого страннаго явленія, тѣмъ болѣе страннаго, что оно касается не одной только гимназіи, но и всѣхъ вообще училищъ Владимірской губерніи; такъ, въ 1821 г. по всей дирекціи сумма сбора за ученіе дала 1151 р. 60 к. (не считая гимназіи), а въ 1827 г.—всего 68 р. Съ 1828 г. эта цифра начинаетъ повышаться: въ гимназіи за 1828 годъ собрано 96 р., въ 1829 г.—180 р., въ 1830 г.—613 р. 76 к.

Согласно распоряженію попечителя округа отъ 12 іюня 1823 года, сумма сбора за ученіе распредѣлялась слѣдующимъ образомъ: 20% всей суммы откладывалось для приращенія процентовъ въ пользу учительскихъ вдовъ и сиротъ, а остальная

часть шла въ награду учителямъ и частью на хозяйственныя надобности гимназіи.

Когда въ 1833 году введенъ былъ въ дѣйствіе новый Уставъ 1828 года, вопросъ о взиманіи платы за ученіе въ гимназіяхъ былъ снова поставленъ на очередь. Дѣло въ томъ, что высказавшись за безплатное обученіе въ низшихъ училищахъ (§§ 13 и 69), Уставъ 1828 г. оставляетъ вопросъ о гимназіи открытымъ. Основываясь на этомъ, министерскій циркуляръ 13 іюля 1833 г. требуетъ, чтобы въ гимназіяхъ оставлена была прежняя плата; что же касается ея назначенія, то рекомендуется половину ея раздавать въ награду учителямъ, а другую часть въ свою очередь раздѣлить на двѣ доли и одну обращать въ экономическую сумму гимназіи, а другую—отсылать въ Департаментъ народнаго просвѣщенія для причисленія къ капиталу на пенсіи учителямъ. Это предписаніе было распространено и на тѣ суммы, которыя подъ названіемъ капитала учительскихъ вдовъ и сиротъ хранились въ Опекунскомъ совѣтѣ. Этихъ послѣднихъ суммъ по гимназіи съ 1823 по 1832 гг. включительно накопилось съ процентами 411 р. 25¼ к., а по всей дирекціи 3285 р. 58 к. Изъ этой суммы въ награду выдано учителю нѣмецкаго языка въ гимназіи Кноблоху 325 р. 29¾ к., и учителю Переславскаго уѣзднаго училища Аретинскому 300 р., а всего 625 р. 29¾ к. Затѣмъ 1330 р. 14 к. обращены въ экономическую сумму учебныхъ заведеній Владимірской губерніи безъ раздѣленія по училищамъ, и столько же препровождено въ Департаментъ народнаго просвѣщенія для пенсіоннаго капитала (согласно разрѣшенію учил. ком. 21 августа 1834). Суммы же, собранныя послѣ 1 іюля 1833 г., должны употребляться впредъ по точному смыслу циркуляра 13 іюля 1833 г.

Учебная часть.

Система общаго образованія по Уставу 1804 г.

Если Уставъ 1804 г. много подвинулъ впередъ разрѣшеніе вопроса объ устройствѣ училищнаго управленія, то, наоборотъ, сла-

бую сторону его составляютъ тѣ главы, которыя посвящены опредѣленію самой системы школьнаго образованія. Въ этомъ отношеніи Уставъ 1804 г. не выработалъ ничего твердаго и самостоятельнаго, ограничиваясь по большей части воспроизведеніемъ въ нѣсколько болѣе подробномъ видѣ того матеріала, который давало учебное законодательство Екатерины II.

Прежде всего, было бы интересно попытаться выяснить, какъ понималась въ разсматриваемое нами время, т.-е. въ началѣ нынѣшняго столѣтія, самая идея средняго образованія.

Мы уже раньше имѣли случай указать на то, что со времени Петра I образованіе у насъ въ Россіи отмѣчено двумя характерными признаками—сословностью и утилитарностью. Но время неизбѣжно должно было раскрыть многія неудобства привиллегированной и крайнюю недостаточность спеціальной школы. Стремленіе отрѣшиться отъ той и другой односторонности наводило естественно на мысль о всесословной и общеобразовательной школѣ. Первую слабую попытку въ этомъ направленіи дѣлаетъ Уставъ 1786 года; дальнѣйшее развитіе той же идеи находимъ въ Уставѣ 1804 года. Однако педагогическая мысль начала нынѣшняго столѣтія не успѣла у насъ возвыситься до идеи общаго образованія въ смыслѣ развитія общечеловѣческихъ свойствъ интеллектуальной и нравственной природы ребенка и юноши, независимо отъ его принадлежности къ той или другой соціальной группѣ. Уставъ постоянно имѣетъ въ виду дѣтей дворянъ, оберъ-офицеровъ, приказно-служителей, мѣщанъ и т. д., и не дѣлаетъ попытки проникнуть въ сущность, которая скрывается подъ этими внѣшними формами, не знаетъ, что такое ребенокъ или юноша вообще. Поэтому конечной цѣлью школы онъ считаетъ не столько умственное развитіе учащихся, сколько сообщеніе имъ познаній «соотвѣтственно обязанностямъ и пользамъ каждаго состоянія» (§ 2 Предв. прав.). Итакъ, школа, механически совмѣщая въ себѣ всѣ сословія, должна съ этой точки зрѣнія удовлетворять всѣмъ тѣмъ требованіямъ, которыя предъявляются отъ каждой спеціальной и привиллегированной школы въ отдѣльности. Уставъ 1804 г. дѣлитъ всѣ училища на 4 типа: университетъ, гимназія и училища уѣздное и приходское. Каждое училище низшаго типа служитъ подготовительной ступенью для ближайшаго высшаго, но въ то же время каждое въ отдѣльности должно представлять изъ

себя вполнѣ законченное цѣлое, соотвѣтствующее потребностямъ того сословія, для котораго оно предназначается. Такимъ образомъ приходское училище, какъ предназначенное для крестьянскаго сословія, имѣетъ цѣлью доставить своимъ воспитанникамъ точныя понятія о явленіяхъ природы, истреблять суевѣрія и предразсудки, дѣйствія коихъ столь вредны благополучію, здоровью и состоянію крестьянъ (§ 119 Устава). Уѣздное училище, разсчитанное на низшіе классы городскаго населенія, должно давать своимъ питомцамъ практическія знанія, полезныя для мѣстной промышленности и потребностей края (§ 84 Устава). Наконецъ гимназія, предназначенная по смыслу законовъ для высшихъ классовъ городскаго населенія — дворянства, чиновничества и купечества, должна быть истиннымъ общеобразовательнымъ учрежденіемъ, которое, давая только немногимъ избраннымъ подготовку для дальнѣйшаго усовершенствованія въ университетской наукѣ, приготовляетъ большую часть своихъ питомцевъ къ практической жизни, развертывая передъ ними кругъ знаній, необходимыхъ для каждаго благовоспитаннаго человѣка (§ 4 Устава). Такимъ образомъ училище каждаго типа предназначается преимущественно для одного извѣстнаго класса общества, или для извѣстной группы этихъ классовъ. Но этимъ повидимому вовсе не закрывается для низшихъ сословій доступъ въ училища высшихъ типовъ; Уставъ послѣдовательно проводитъ идею органической связи между учебными заведеніями разнаго рода. Курсъ каждаго училища заключаетъ въ себѣ рядъ предметовъ спеціальныхъ, разсчитанныхъ на извѣстные общественные классы, и рядъ предметовъ общихъ расположенныхъ такъ, чтобы курсъ высшаго училища составлялъ непосредственное продолженіе предыдущаго низшаго; поступленіе въ гимназію обусловлено знаніемъ курса уѣзднаго училища, и такое же отношеніе установлено между послѣднимъ и приходскимъ училищемъ. На почвѣ гимназіи законодатель хотѣлъ, повидимому, примирить лучшихъ представителей отъ всѣхъ сословій, давши каждому изъ нихъ соотвѣтствующее его общественному положенію образованіе. Но эта попытка установить компромиссъ между старыми порядками и новыми запросами времени оказалась неудачной. Съ одной стороны само правительство было, очевидно, не вполнѣ убѣждено въ цѣлесообразности всесословной средне-образовательной школы и не принимало никакихъ мѣръ для того,

чтобы облегчить лучшимъ представителямъ низшихъ классовъ доступъ въ высшія училища; достаточно упомянуть объ одномъ требованіи увольнительныхъ свидѣтельствъ, чтобы понять, съ какими трудностями приходилось иногда бороться на этомъ пути. Нѣсколько позднѣе, въ эпоху реакціи, правительство прямо принимаетъ рядъ мѣръ, клонящихся къ тому, чтобы затруднить или преградить этотъ доступъ. Характернымъ выраженіемъ тогдашняго настроенія правящихъ сферъ служитъ рѣчь министра народнаго просвѣщенія А. С. Шишкова, произнесенная въ засѣданіи Главнаго правленія училищъ 11-го сентября 1824 г. Рѣчь эта гласитъ, что науки полезны такъ же какъ и соль только тогда, когда употребляются и преподаются въ мѣру, смотря по состоянію людей и по надобности, какую всякое званіе имѣетъ; обучать грамотѣ весь народъ или несоразмѣрное числу онаго количество людей принесло бы болѣе вреда, нежели пользы. И вотъ, Высочайшій указъ отъ 19-го августа 1827 года преграждаетъ людямъ несвободныхъ состояній всякій доступъ къ среднему и высшему образованію, а съ 1828 года, прекращенъ пріемъ солдатскихъ дѣтей во всѣ учебныя заведенія министерства народнаго просвѣщенія. Такое же вліяніе на устраненіе низшихъ классовъ отъ гимназіи косвеннымъ образомъ оказало и введеніе платы за ученіе, состоявшееся въ нашей гимназіи въ 1821 г.

Если такимъ образомъ низшіе классы общества сначала фактически, а потомъ и юридически лишены были доступа къ среднему образованію, то съ другой стороны высшіе классы—дворянство—сознательно избѣгали гимназію, предпочитая или воспитывать своихъ дѣтей дома, или же помѣщать ихъ въ привиллегированныя спеціальныя учебныя заведенія, остававшіяся на прежнемъ положеніи и даже численно возросшія.

Итакъ, на практикѣ попытка создать среднеобразовательную школу на принципѣ всесословности, какъ онъ въ то время понимался, оказалась неудачной и дала только отрицательные результаты: всесословной школы все-таки не создалось, а число учащихся въ гимназіи за все изучаемое время оставалось непомѣрно мало, сократившись больше чѣмъ вдвое противъ количества учениковъ Главнаго народнаго училища въ екатерининскую эпоху. Въ этомъ отношеніи поучительны тѣ данныя, которыя открываетъ намъ архивъ нашей гимназіи.

Количество учениковъ во Владимірской гимназіи за 1804—1833 годы.

Годы.	Дворянъ.	Оберъ-офицер.	Приказно-служителей.	Купцовъ.	Мѣщанъ.	Духовн.	Солдатъ.	Дворовыхъ.	Вольноотпущен.	Крестьянъ.	Всего.
1804	5	16	15	3	6	—	—	—	—	—	45
1805	10	15	11	4	3	—	—	—	4	—	47
1806	10	13	7	10	—	—	—	1	2	—	43
1807	4	12	8	2	2	—	—	—	4	—	32
1808	8	13	6	2	3	—	—	—	4	—	36
1809	8	10	3	2	3	—	—	1	4	—	31
1810	12	10	8	2	2	—	—	1	6	—	41
1811	12	9	6	2	1	—	1	1	1	—	33
1812	23	8	2	1	2	—	1	1	—	—	38
1813	11	12	1	2	—	—	1	—	1	—	28
1814	9	19	5	2	—	—	1	—	1	—	37
1815	10	14	5	2	1	—	1	1	2	—	36
1816	7	24	4	2	1	—	1	2	1	—	42
1817	3	25	4	—	—	—	—	1	1	—	34
1818	5	28	—	1	—	—	1	—	4	—	39
1819	3	22	2	1	—	—	1	—	3	—	32
1820	8	13	—	2	—	—	1	—	1	—	25
1821	7	19	—	3	—	—	13	—	1	—	43
1822	7	15	—	1	—	—	13	—	—	—	36
1823	14	16	2	2	—	—	14	—	—	—	48
1824	13	20	—	5	—	—	12	1	1	—	52
1825	25	14	—	1	2	5	—	1	—	—	48
1826	18	16	—	2	1	3	2	—	—	—	42
1827	12	16	—	2	1	8	1	—	2	—	42
1828	17	19	—	1	2	9	1	—	—	—	49
1829	17	16	—	1	1	9	—	—	5	—	49
Всего	278	414	89	58	31	34	65	11	48	—	1028
%	27,1	40,3	8,6	5,6	3,1	3,3	6,3	1,1	4,6	—	100
1830											71
1831											68
1832											75
1833	50	25	4	2	14	15	—	—	3	—	113

Приглядываясь къ этой таблицѣ, мы можемъ сдѣлать слѣдующіе выводы: наиболѣе устойчивымъ элементомъ и вмѣстѣ съ тѣмъ наиболѣе крупнымъ въ составѣ учениковъ за все время являются оберъ-офицерскія дѣти, т.-е. представители средняго губернскаго чиновничества; вмѣстѣ съ дѣтьми приказно-служителей, т.-е. низшаго чиновничества, они составляютъ до 50% общаго числа учащихся. Если при этомъ припомнить, что гимназія, по мысли законодателя, имѣетъ цѣлью дать каждому изъ своихъ питомцевъ образованіе, соотвѣтственное его общественному положенію, то ей, при такомъ составѣ учащихся, грозитъ серьезная опасность опуститься до степени поставщицы чиновниковъ для государственной службы; этому косвенно содѣйствуетъ и Высочайшій указъ 6-го августа 1809 г., изданный подъ вліяніемъ Сперанскаго и поставившій движеніе чиновниковъ по службѣ въ зависимость отъ степени ихъ общаго образованія, независимо отъ ихъ спеціальныхъ познаній.

Второе мѣсто въ приведенной таблицѣ по числу своихъ представителей въ гимназіи занимаетъ дворянство. Однако цифра дворянскихъ дѣтей очень неустойчива и подвержена изъ году въ годъ замѣтнымъ колебаніямъ, которыя можно привести въ нѣкоторую причинную связь съ измѣненіями въ количествѣ представителей низшихъ классовъ. По крайней мѣрѣ замѣтное увеличеніе числа дворянскихъ дѣтей начиная съ 1825 г. совершается прямо на счетъ этихъ послѣднихъ, такъ какъ общая цифра учащихся нисколько не повышается сравнительно съ предшествующими годами. Были и другія причины, которыя вліяли на увеличеніе числа дворянскихъ дѣтей подъ конецъ изучаемаго періода: это—надежды, которыя возлагались на предстоявшую реформу среднеучебныхъ заведеній, и мысль объ учрежденіи при Владимірской гимназіи правильно организованнаго дворянскаго пансіона по возможности даже съ отдѣльнымъ отъ гимназическихъ классовъ преподаваніемъ.

Точно также, временное увеличеніе числа дворянскихъ дѣтей въ промежутокъ отъ 1810 по 1813 гг. было вызвано искусственной мѣрой—первой неудавшейся попыткой создать при нашей гимназіи пансіонъ для благороднаго юношества. По иниціативѣ гражданскаго губернатора князя Долгорукаго, въ 1809 г., Владимірское дворянство постановило дѣлать ежегодные взносы

въ размѣрѣ отъ 100 до 200 р.. отъ каждаго изъ 13-ти уѣздовъ губерніи на содержаніе при гимназіи въ качествѣ пансіонеровъ нѣсколькихъ бѣдныхъ дворянскихъ дѣтей. 3-го іюля 1809 г. состоялось открытіе пансіона; число воспитанниковъ равнялось восьми; надзирателемъ при нихъ назначенъ былъ учитель гимназіи Боголѣповъ, а экономомъ—Воронинъ; оба за свой безвозмездный трудъ получали обыкновенно въ концѣ учебнаго года по 100 руб. наградныхъ изъ пансіонскихъ суммъ. Помѣщенный во флигелѣ при большомъ гимназическомъ домѣ, пансіонъ началъ расти и развиваться. Средства его съ каждымъ годомъ увеличивались. Въ началѣ 1812 г. дворянство внесло на содержаніе 13-ти пансіонеровъ 2,561 р. 65 коп. и обязалось отпускать таковую же сумму въ теченіе трехъ лѣтъ. Появляются отдѣльныя пожертвованія со стороны дворянъ разныхъ уѣздовъ; так, въ 1810 г. предводители Владимірскій и Шуйскій внесли на нужды пансіона каждый по 50 руб. единовременно, а въ 1812 году надворный совѣтникъ Митьковъ пожертвовалъ для той же цѣли 200 руб. Соотвѣтственно этому растетъ и число пансіонеровъ; при открытіи пансіона было всего 8 воспитанниковъ, къ концу 1809 г. число ихъ увеличивается до 12, а къ 1812 году доходитъ уже до 16.

Однако отечественная война остановила развитіе этого учрежденія въ самомъ зародышѣ. „Адское дуновеніе злобнаго врага привело въ разстройство все общество; всѣ сословія едва не увяли и совсѣмъ не померкли," такъ выражается директоръ Дмитревскій, донося Училищному комитету о разстроенномъ состояніи училищъ губерніи. Деньги, которыя прежде дворянство вносило на содержаніе пансіонеровъ, въ трудную для отечества годину пошли на формированіе ополченій и другіе расходы, сопряженные съ военнымъ временемъ. Нѣкоторые уѣзды за весь 1813 годъ не внесли ничего, и недоимка за дворянствомъ къ концу этого года составила 1.400 р. Въ рапортѣ 28-го декабря 1813 г. директоръ признаетъ рѣшительно невозможнымъ дальнѣйшее существованіе пансіона. Училищный комитетъ на это предложилъ директору отнестись формально къ губернскому предводителю съ запросомъ, намѣрено ли дворянство продолжать свое благотвореніе неимущимъ дѣтямъ своего сословія, внушивъ ему, что какъ заведеніе сіе открыто по собственному дворянства вызову и съ соизволенія Вы-

сочайшей власти, то и закрыто не иначе быть можетъ, какъ съ вѣдона той же власти. Однако въ 1814 г. недоимка на дворянствѣ еще болѣе возросла, и пансіонъ, не будучи оффиціально закрытъ, фактически прекратилъ свое существованіе. Въ 1815 г. оставалось всего 9 своекоштныхъ пансіонеровъ, но и за тѣхъ внесено всего 450 р. за первое полугодіе; въ декабрѣ того же года продано «лишнихъ вещей бывшаго пансіона» на 521 руб. 40 коп.

Возвращаясь опять къ вышеприведенной таблицѣ, находимъ, что число учениковъ, происходящихъ изъ низшихъ классовъ общества вмѣстѣ взятыхъ, за все изучаемое время было очень незначительно, а подъ конецъ и вовсе ничтожно. Правда, цифра солдатскихъ дѣтей является сравнительно высокою въ періодъ съ 1821 по 1824 гг., но и это увеличеніе вызвано случайнымъ обстоятельствомъ — допущеніемъ въ гимназію кантонистовъ изъ мѣстнаго военно-сиротскаго отдѣленія для приготовленія ихъ къ занятію учительскихъ должностей въ военныхъ школахъ. Кантонисты были освобождены отъ платы за ученіе и получали содержаніе отъ военнаго вѣдомства. Обучались они не всѣмъ предметамъ, а лишь нѣкоторымъ, посѣщая классы какъ въ уѣздномъ училищѣ, такъ и въ гимназіи. Послѣ 1824 года кантонистовъ болѣе не обучалось въ нашей гимназіи, хотя запрещеніе принимать ихъ издано было позднѣе, 8 февраля 1828 года.

Выборъ учебныхъ предметовъ. Пониманіе Уставомъ 1804 года идеи всесословной школы въ смыслѣ не органическаго, а только механическаго соединенія сословій, отразилось неизбѣжно и на самомъ выборѣ учебныхъ предметовъ. Сообразно цѣли гимназическаго образованія, планъ ученія въ гимназіяхъ долженъ заключать въ себѣ «начальныя основанія всѣхъ наукъ, потребныхъ къ достиженію оной» (§ 5 Устава). И потому, кромѣ полныхъ курсовъ: латинскаго, нѣмецкаго и французскаго языковъ, въ гимназіи преподается дополнительный курсъ (по отношенію къ курсу уѣзднаго училища) географіи и исторіи, включая въ послѣднюю науку миѳологію (баснословіе) и древности, курсъ статистики общей и частной Россійскаго государства, начальный курсъ философіи и изящныхъ наукъ, начальныя основанія политической экономіи, курсъ математики чистой и прикладной, курсъ опытной физики

и естественной исторіи; также начальныя основанія наукъ, относящихся до торговли, основанія технологіи и рисованіе.

Приглядываясь къ этой пестрой вереницѣ предметовъ, и общихъ и спеціальныхъ, подобранныхъ безъ всякой связи и не сведенныхъ въ систему, мы напрасно будемъ искать въ ней какого-нибудь центра тяжести. Это—краткая энциклопедія наукъ, въ которой всѣ предметы равноправны и ни одинъ не выдвигается впередъ въ качествѣ основного и руководящаго начала. Учебная система, подобная этой, не можетъ быть названа ни классической, ни реальной въ современномъ смыслѣ. Языкознаніе въ ней играетъ совершенно второстепенную роль и не имѣетъ научнаго характера. Языки вездѣ противополагаются наукамъ или «предметамъ», и въ изученіи ихъ преслѣдуются только практическія цѣли. По Уставу 1804 г. учителя всѣхъ языковъ—латинскаго наравнѣ съ нѣмецкимъ и французскимъ—считаются младшими; программы для нихъ установлены совершенно одинаковыя, а въ росписаніяхъ уроковъ языки обыкновенно помѣщались въ вечерніе часы. Сознаніе важности образовательнаго значенія древнихъ языковъ лишь очень медленно проникаетъ въ учебныя сферы. Любопытно, что, хотя Предварительныя правила упоминаютъ латинскій языкъ въ числѣ учебныхъ предметовъ (§ 35), но Примѣрное исчисленіе суммъ на ежегодное содержаніе учебныхъ заведеній, изданное 17 марта 1803 г., какъ будто забываетъ опредѣлить учителю этого языка штатное содержаніе, и эта странная ошибка исправлена только въ новомъ росписаніи штатныхъ суммъ, присланномъ въ нашу гимназію 19 октября 1804 года. 7 іюля 1811 г, состоялось Высочайшее повелѣніе объ уравненіи учителей латинскаго языка со старшими учителями наукъ по правамъ службы и по содержанію. Но вотъ какими соображеніями мотивируется эта мѣра въ докладѣ министра народнаго просвѣщенія графа А. К. Разумовскаго: «знаніе латинскаго языка доказываетъ пріобрѣтеніе глубокихъ и твердыхъ свѣдѣній въ словесности вообще, въ исторіи, археологіи, миѳологіи и прочихъ подобныхъ симъ наукахъ», т. е. иными словами латинскому языку придается значеніе чисто служебное, поскольку онъ служитъ средствомъ для ознакомленія съ перечисленными выше дисциплинами. 6 мая 1824 г. Училищный комитетъ прислалъ предписаніе директору Владимірской гимназіи обратить особое вниманіе на преподаваніе латин-

скаго языка, согласно циркулярному распоряженію министерства. Въ оправданіе этой мѣры приводится плохое знаніе латинскаго языка поступающими въ Медико-хирургическую академію студентами; при этомъ признается желательнымъ, чтобы въ университетахъ и другіе факультеты кромѣ медицинскаго имѣли слушателей хорошо знакомыхъ съ этимъ языкомъ. Слѣдовательно и тутъ сквозитъ тотъ же взглядъ на значеніе латинскаго языка.

Если въ высшихъ учебныхъ сферахъ еще не опредѣлился съ достаточной ясностью вѣрный взглядъ на значеніе классическихъ языковъ, то отъ мѣстныхъ училищныхъ органовъ и подавно нельзя было требовать правильнаго отношенія къ дѣлу. Такъ, въ 1821 г. въ нашей гимназіи преподаваніе языковъ: латинскаго, нѣмецкаго и французскаго ведется по одной общей программѣ и по одному методу, ставя идеаломъ гимназическаго курса языкознанія умѣнье вести незамысловатые разговоры и сочинять краткія письма на этихъ языкахъ, объединяемыхъ общимъ названіемъ „иностранныхъ". Еще въ 1831 г. идея классицизма далеко не привилась въ нашемъ педагогическомъ мірѣ, несмотря на то, что въ эту пору уже шли приготовленія къ введенію Устава 1828 г., отъ котораго ведетъ у насъ свое начало классическая система. Такъ, на одномъ сохранившемся до насъ прошеніи о принятіи въ гимназію, въ мартѣ 1831 г., всѣ учителя сдѣлали отмѣтки, что проситель по своимъ познаніямъ достоинъ быть принятымъ во II классъ, кромѣ учителя математики Сохапскаго, который, найдя испытуемаго слабымъ по ариѳметикѣ, соглашался принять его только въ I классъ. Директоръ Калайдовичъ на томъ же прошеніи написалъ резолюцію: „поелику предметъ математики составляетъ сущность ученія гимназическаго, помѣстить просителя въ I классъ".

Такимъ образомъ принципъ общаго образованія понимается Уставомъ 1804 г. въ смыслѣ количественной „полноты предметовъ ученія, хотя бы начальныхъ по содержанію" (§ 4 Устава). Ставши разъ на такую точку зрѣнія, положивши себѣ задачею сообщить учащимся обо всемъ понемногу, трудно не увлечься и въ погонѣ за полнотою количественнаго состава программы не уронить ея качественнаго достоинства. Въ самомъ дѣлѣ, съ точки

зрѣнія Устава число учебныхъ предметовъ можетъ возрастать до безконечности. Самъ законодатель предвидитъ эту возможность и идетъ ей навстрѣчу: § 11 Устава прямо разрѣшаетъ умножать число учебныхъ предметовъ и учителей наукъ и искусствъ сверхъ штата, „когда имѣются довольные къ тому способы“. Дѣйствительно, „Предварительныя правила“ насчитываютъ въ гимназическомъ курсѣ слѣдующіе предметы (§ 35): языки латинскій, нѣмецкій и французскій, логику, чистую математику, механику, физику, естественную и гражданскую исторію, географію, политическую экономію, коммерцію и изящныя науки, а изъ искусствъ—гимнастику. Уставъ (§ 5) прибавляетъ къ этимъ предметамъ еще статистику, технологію, миѳологію, древности и философію, а изъ искусствъ—рисованіе, музыку и танцы.

Въ этой „полнотѣ предметовъ ученія“ съ перваго же взгляда странно поражаетъ отсутствіе такихъ предметовъ какъ отечественный языкъ и законъ Божій. Это тѣмъ болѣе странно, что курсъ уѣзднаго училища по этимъ предметамъ далеко не можетъ быть названъ законченнымъ: изученіе русскаго языка ограничивалось тамъ одной грамматикой да правилами слога, а законъ Божій—священной исторіей и катихизисомъ (§ 85 Устава).

Относительно русскаго языка этотъ пробѣлъ въ Уставѣ далъ себя знать на первыхъ же порахъ; уже при самомъ открытіи нашей гимназіи оказалось необходимымъ ввести въ курсъ ея преподаваніе „россійской словесности“. Съ самаго основанія гимназіи до 10 мая 1805 г. при нашей гимназіи состоялъ даже особый учитель россійскаго языка Илья Никол. Каптеревъ, получавшій 350 руб. годоваго жалованья за 16 уроковъ этого предмета. Послѣ него, съ 1805 по 1808 годъ преподаваніе россійской словесности возложено было на учителя латинскаго языка Стрѣльцова, а съ 1808 г. до конца изучаемаго періода оно входило въ кругъ обязанностей учителя философіи и изящныхъ наукъ, въ обоихъ случахъ безъ особаго вознагражденія. Однако необезпеченное положеніе этого предмета, который составлялъ лишнюю обузу для того или другаго учителя и для котораго приходилось отрывать по нѣскольку часовъ отъ другихъ предметовъ, не могло не вліять дурно на степень успѣшности въ его прохожденіи. 22 января 1807 г. директоръ въ своемъ рапортѣ Училищному комитету жалуется на невозможность удѣлить на россійскую

словесность столько времени, сколько того требуетъ важность предмета, и доказываетъ необходимость выдѣлить его въ самостоятельное положеніе въ кругу другихъ учебныхъ предметовъ, тѣмъ болѣе, что въ обществѣ все настоятельнѣе раздаются нареканія по поводу малаго знакомства учениковъ гимназіи съ отечественнымъ языкомъ. Директоръ Дмитревскій, тотчасъ по вступленіи своемъ въ должность въ 1808 г., обратилъ особое вниманіе на преподаваніе русскаго языка. Въ особой инструкціи онъ вмѣняетъ въ обязанность всѣмъ вообще учителямъ строго наблюдать, дабы учащіеся въ своихъ отвѣтахъ выражались правильно и особенно—отвыкали отъ мѣстнаго провинціальнаго, противнаго чистому россійскому языку произношенія; учителю же россійской словесности вмѣняется особо, для большаго въ семъ успѣха и для образованія юношества въ отечественной литературѣ, представлять отъ времени до времени въ общее собраніе учителей нѣсколькихъ изъ его лучшихъ учениковъ для произнесенія нѣкоторыхъ статей по его выбору изъ лучшихъ россійскихъ сочиненій въ стихахъ и въ прозѣ.

До чего плачевны были иногда результаты четырехлѣтняго изученія отечественнаго языка въ гимназіи, можно судить по одному изъ многихъ примѣровъ, взятому наудачу изъ эпохи сравнительно поздней, когда характеръ и задачи гимназическаго образованія можно было бы считать болѣе или менѣе опредѣлившимися. Въ началѣ 1830 года открылась вакансія на мѣсто учителя II класса въ Шуйскомъ уѣздномъ училищѣ. На эту должность просится окончившій курсъ Владимірской гимназіи Александръ Крыловъ, получившій отъ гимназіи одобрительный аттестатъ въ успѣхахъ и поведеніи. Затѣмъ, на спеціальномъ испытаніи въ знаніи „способа преподаванія", проситель, какъ гласитъ протоколъ этого испытанія, оказалъ достаточныя познанія, вслѣдствіе чего и получилъ свидѣтельство на искомое имъ званіе. Такимъ образомъ съ формальной стороны все, повидимому, обстоитъ благополучно. Но стоитъ бросить бѣглый взглядъ на собственноручное прошеніе Крылова, чтобы остановиться въ крайнемъ недоумѣніи. Упомянувши о своей „способности и неопреоборимой внутренней склонности къ ученой службѣ", проситель повергаетъ свое прошеніе на Высочайшее усмотрѣніе, дабы Его Императорскаго Величества Указомъ «повелено» было сіе прошеніе въ училищномъ „комитете" Императорскаго Москов-

скаго университета принять и „определить“ просителя на показанную вакансію. Подъ конецъ упоминается, что прошеніе сіе сочинялъ и „набело“ переписывалъ „ученикъ“ Александръ „Матвеевъ“ сынъ Крыловъ. Глядя на это рукописаніе, съ трудомъ вѣрится, чтобы авторъ его съ успѣхомъ кончилъ курсъ гимназіи и претендовалъ на должность учителя уѣзднаго училища. Впрочемъ, нельзя и требовать многаго отъ ученика, если одинъ изъ аттестовавшихъ Крылова учителей пишетъ, что „по екзаминѣ въ грѣческомъ языкѣ“ проситель „оказался въ поступленіи въ означенныя въ прошеніи должности очень способнымъ“!

Вскорѣ послѣ открытія гимназіи, сдѣлана была у насъ попытка восполнить и другой изъ указанныхъ выше пробѣловъ Устава, касающійся закона Божія. Заслуга въ этомъ отношеніи всецѣло принадлежитъ Дм. Ив. Дмитревскому. Еще въ ноябрѣ 1808 г. онъ пишетъ въ Училищный комитетъ цѣлую докладную записку, въ которой доказываетъ необходимость ввести въ гимназіи, какъ основу истиннаго просвѣщенія, преподаваніе закона Божія, дабы ученики, усовершенствуя свое знаніе въ истинахъ религіи и имѣя примѣръ благочестиваго законоучителя, назидались въ благонравіи и добродѣтели. Университетъ, по сношеніи съ попечителемъ округа, согласился съ мнѣніемъ директора и разрѣшилъ „катихизатору“ уѣзднаго училища соборному протоіерею Тимоѳею Ястребову безвозмездно наставлять въ истинахъ религіи также и учениковъ гимназіи (предп. 13 января 1809 г.). При этомъ не было дано никакихъ болѣе подробныхъ разъясненій относительно порядка и объема преподаванія новаго предмета. Все это пришлось вырабатывать самому директору при содѣйствіи „катихизатора“. Плодомъ ихъ совмѣстныхъ усилій и явился тотъ оригинальный порядокъ устройства новаго класса, который потомъ продолжалъ держаться довольно долгое время: онъ сложился въ формѣ „публичныхъ катихизаторскихъ лекцій“, на которыя собирались учащіеся и учители, а также допускалась и посторонняя публика. Эти лекціи происходили обыкновенно разъ въ недѣлю, по воскреснымъ днямъ, послѣ обѣдни, и состояли въ чтеніи и изъясненіи Евангелій. Въ скоромъ времени послѣ этого, классъ закона Божія введенъ былъ какъ общая мѣра во всѣхъ гимназіяхъ (минист. распор. 17 сент. 1811 г.). Но это распоряженіе не повліяло нисколько на характеръ нашихъ „катихизаторскихъ

лекцій", потому что оно не дало никакихъ спеціальныхъ инструкцій относительно организаціи дѣла и не измѣнило положенія катихизатора, который оставался сверхштатнымъ чиновникомъ и читалъ свои лекціи по доброй охотѣ, не получая за это никакого вознагражденія. Такимъ образомъ законъ Божій не былъ включенъ въ общее росписаніе учебныхъ часовъ; по прежнему чтенія происходили по воскресеньямъ и по старой программѣ. Поэтому, если, согласно вышеприведенному циркуляру 17 сентября, ежегодныя публичныя испытанія должны были всегда начинаться съ закона Божія въ присутствіи архіерея, то надо думать, что или испытаніе это носило поверхностный и условный характеръ, или же ученикамъ приходилось серьезно заниматься лишнимъ учебнымъ предметомъ по воскреснымъ днямъ. При такихъ условіяхъ систематическое веденіе занятій съ учениками было невозможно. Одно время лекціи прекратились совсѣмъ. Какъ и почему это случилось—мы не знаемъ. Сохранилось только извѣстіе, что въ сентябрѣ 1818 г., по предложенію профессора Каченовскаго, пріѣхавшаго въ качествѣ визитатора отъ университета, *возстановлено* было обученіе гимназистовъ закону Божію по воскреснымъ днямъ, причемъ обязанность эту добровольно и безвозмездно взялъ на себя вторично катихизаторъ уѣзднаго училища, протоіерей Никитской церкви Іоакимъ Смирновъ, который еще въ 1811 г. получилъ отъ университета благодарность за безмездные труды свои по гимназіи. Съ возобновленіемъ воскресныхъ лекцій, при гимназіи заведена была особая книга, куда заносились имена учениковъ, непосѣщающихъ эти лекціи, и сверхъ того отъ всѣхъ учащихся взята была подписка, которая обязывала ихъ посѣщать классъ закона Божія подъ опасеніемъ лишиться права на полученіе аттестата объ окончаніи курса.

Лишь около 1820 г. въ правительственныхъ сферахъ обращается серьезное вниманіе на правильную постановку класса закона Божія. Министерское распоряженіе 13-го августа 1819 г. включаетъ законъ Божій въ общую систему гимназическаго преподаванія, обязывая гимназіи имѣть своихъ законоучителей непремѣнно изъ духовныхъ лицъ, съ утвержденія мѣстнаго архіерея. Однако и это распоряженіе не даетъ никакихъ опредѣленныхъ указаній о томъ, изъ какихъ средствъ и въ какомъ размѣрѣ платить законоучителю жалованье, какой программы дер-

жаться въ преподаваніи этого предмета и какое число недѣльныхъ уроковъ опредѣлить на него. Выработка этихъ подробностей была предоставлена на усмотрѣніе попечителей учебныхъ округовъ. Для нашей гимназіи распоряженіе попечителя Московскаго учебнаго округа отъ 25-го октября 1819 года опредѣлило на законъ Божій 4 часа въ недѣлю, а на содержаніе законоучителя 150 р. ас. въ годъ изъ суммы, получаемой гимназіей отъ Приказа общественнаго призрѣнія. Однако, воскресныя чтенія и изъясненія Евангелія въ томъ видѣ, въ какомъ они существовали въ нашей гимназіи, не только не были прекращены, но наоборотъ оффиціально признаны въ цѣломъ рядѣ предписаній высшаго начальства (распоряж. министр. народн. просв. 7-го февраля и 31-го мая 1819 г. и предпис. попечит. Москов. учебн. окр. 21-го февраля, 2-го апрѣля и 16-го іюня 1819 г.), а программа ихъ расширена через превращеніе ихъ изъ воскресныхъ — въ ежедневныя. Въ силу этихъ распоряженій, каждый день за полчаса до начала ученія, а по воскресеньямъ за полчаса до начала службы, въ присутствіи учителей и учениковъ, законоучитель читаетъ по одной главѣ изъ Евангелія, а въ воскресные дни кромѣ того даетъ изъясненіе прочтеннаго текста.

Открытіе новаго класса закона Божія торжественно состоялось 18 января 1820 г. Утромъ директоръ, учителя и учащіеся слушали литургію въ приходской Георгіевской церкви; въ 12 часовъ въ гимназію прибылъ преосвященный Ксенофонтъ, губернаторъ Юрловъ, знатнѣйшія духовныя и гражданскія особы. „Преосвященный совершилъ водосвятіе, послѣ чего прочтены были предписанія начальства объ учрежденіи класса и представленъ планъ преподаванія сего предмета. Затѣмъ законоучитель протоіерей Смирновъ произнесъ приличную сему случаю рѣчь. Благоговѣйный архипастырь, прочитавъ молитву надъ преклонившими главы питомцами, призвалъ благословеніе Отца свѣтовъ на подвигъ ученія, умудряющаго юныя сердца во спасеніе, и окропилъ ихъ св. водою. Хоръ пѣвчихъ возгласилъ священныя пѣсни и заключилъ актъ громкимъ многолѣтіемъ Государю Императору и всей Августѣйшей Фамиліи, стократно повтореннымъ въ сердцахъ всѣхъ присутствующихъ, преисполненныхъ радости и благодаренія къ Господу Вседержителю, утверждающему всѣ заведенія просвѣщенія народнаго въ отечествѣ нашемъ на камени вѣры и закона рукою возлюбленнаго помазанника своего — Александра I.“

Говоря о предметахъ, введенныхъ въ нашей гимназіи сверхъ положенныхъ по Уставу, прибавимъ кстати, что въ 1815 году, съ разрѣшенія Училищнаго комитета, учитель философіи и изящныхъ наукъ Урываевъ открылъ необязательный классъ восточной поэзіи.

Если, такимъ образомъ, начальство нашей гимназіи съ самаго начала находило нужнымъ ввести въ гимназическій курсъ нѣкоторые предметы, которыхъ не имѣлъ въ виду Уставъ 1804 г., то съ другой стороны выполнить въ точности тѣ требованія, которыя предъявлялъ Уставъ, оказалось на первыхъ порахъ почти невозможнымъ; причиною этого главнымъ образомъ служилъ или недостатокъ въ учителяхъ, или же неподготовленность наличнаго педагогическаго персонала къ тѣмъ новымъ обязанностямъ, которыя на него возлагались. Такъ, съ самаго основанія до 1808 г. наша гимназія не имѣла особаго учителя философіи, изящныхъ наукъ и политической экономіи. Изъ этихъ дисциплинъ изящныя науки были пока совсѣмъ исключены; преподаваніе же философіи взялъ на себя учитель исторіи и географіи Воронинъ, взамѣнъ статистики, для которой онъ считалъ себя еще недостаточно подготовленнымъ; а политическая экономія перешла къ учителю естественной исторіи и технологіи Виноградову. Но и этотъ послѣдній отказался преподавать политическую экономію и технологію до изданія соотвѣтствующихъ руководствъ по этимъ предметамъ, обязавшись до времени замѣщать ихъ естественной исторіей и опытной физикой. Кромѣ того, тотъ же Виноградовъ рѣшительно отказался отъ преподаванія науки о торговлѣ, и директору послѣ долгихъ увѣщаній удалось убѣдить учителя Воронина подготовиться къ преподаванію коммерціи и особенно—мѣстной промышленности. Впрочемъ, эти послѣдніе предметы не были вовсе введены у насъ. Наконецъ, нѣмецкій и французскій языки были сосредоточены въ рукахъ одного преподавателя, а рисованіе было вовсе исключено за неимѣніемъ учителя. Такимъ образомъ, вмѣсто положенныхъ по Уставу восьми учителей, наша гимназія при своемъ открытіи располагала всего пятью. Изъ нихъ четверо перешли къ гимназіи отъ бывшаго Главнаго народнаго училища, а именно: Боголѣповъ по прежнему остался учителемъ математики и физики; учитель II класса Главнаго училища Воронинъ сдѣлался учителемъ исторіи, географіи и философіи; прежній учитель исторіи и

географіи Виноградовъ взялъ на себя натуральную исторію, технологію и политическую экономію, а Фонъ-Ферельцтъ — новые языки. Вновь назначенный учитель латинскаго языка Стрѣльцовъ, кромѣ своего предмета, упражнялъ учениковъ въ россійской словесности. Подобныя отступленія отъ Устава вызывались необходимостью, и устранить ихъ часто не бралось даже высшее начальство. Такъ, когда по поводу затрудненій при введеніи класса политической экономіи и технологіи директоръ обратился съ запросомъ въ Училищный комитетъ (рапортъ 10-го февраля 1805 года), послѣдній уклонился отъ прямого отвѣта и предложилъ директору „исподоволь приводить гимназію въ соотвѣтствіе Уставу“ (предп. 15-го марта 1805 года). Итакъ, встрѣчались случаи, гдѣ даже университетъ считалъ себя безсильнымъ и предоставлялъ разрѣшеніе сомнительныхъ случаевъ такту непосредственнаго начальника заведенія. Съ теченіемъ времени нѣкоторыя изъ указанныхъ отступленій были устранены въ нашей гимназіи: въ 1805 г., съ пріѣздомъ учителя Киселева, открытъ классъ рисованія, а въ 1808 году вновь назначенный учитель Евгеновъ взялъ на себя философію и россійскую словесность и открылъ классъ логики и риторики, а учитель исторіи и географіи Воронинъ, преподававшій до этого философію, открылъ взамѣнъ ея классъ статистики.

Былъ еще одинъ вопросъ, касавшійся выбора учебныхъ предметовъ, который на первыхъ же порахъ настоятельно требовалъ разрѣшенія, и который оставленъ былъ открытымъ въ Уставѣ. Если Уставъ въ выборѣ предметовъ руководствуется желаніемъ совмѣстить въ гимназической программѣ всѣ дисциплины, нужныя для представителей каждаго сословія въ отдѣльности, то, чтобы быть послѣдовательнымъ, надо допустить, что не всѣ предметы обязательны для всѣхъ учащихся: тѣ изъ нихъ, которые имѣютъ въ виду образованіе купца, не должны быть обязательны для дворянина, и т. д. 4-го марта 1806 г. педагогическій персоналъ нашей гимназіи въ общемъ собраніи подъ предсѣдательствомъ директора имѣлъ „ученое преніе“ о разныхъ вопросахъ, касающихся гимназіи, и между прочимъ о томъ, „могутъ ли ученики изъ класса въ классъ, судя по ихъ способностямъ, переходить и по волѣ ихъ чему хотятъ обучаться?“ Пренія по этому вопросу имѣли жаркій характеръ. Мнѣнія учителей раздѣлились. Противъ

самовольнаго перехода учениковъ изъ класса въ классъ и самовольнаго же выбора предметовъ ученія высказались учителя Воронинъ, Стрѣльцовъ и Фонъ-Ферельцтъ. Наоборотъ, за предоставленіе ученикамъ самимъ права учиться чему хотятъ по своимъ склонностямъ и переходить по своему усмотрѣнію изъ класса въ классъ высказались учителя Боголѣповъ и Виноградовъ и директоръ Цвѣтаевъ. Послѣднее мнѣніе получило перевѣсъ, благодаря голосу начальника заведенія, который только потребовалъ сдѣлать въ постановленіи общаго собранія ту оговорку, что „ежели ученикъ захочетъ, оставя какой-либо классъ, перейти въ другой, то должно сіе учиниться съ вѣдома директора“. Эта свобода въ выборѣ предметовъ ученія послужила серьезнымъ тормазомъ для правильнаго хода учебнаго дѣла и дурно отразилась на степени успѣшности учениковъ по всѣмъ предметамъ. Почти въ каждомъ годовомъ отчетѣ директору приходится жаловаться высшему начальству на малоуспѣшность и слагать вину въ этомъ на родителей учениковъ, которые „дѣтей своихъ отдаютъ въ школы и берутъ обратно по своему произволу и сами назначаютъ и перемѣняютъ предметы ученія“, какъ будто въ этомъ была виновата не сама гимназія. Зло это такъ прочно укоренилось, что мы сталкиваемся съ нимъ даже въ тридцатыхъ годахъ, т.-е. въ концѣ изучаемаго періода. Такъ, 3-го октября 1831 года ученикъ IV класса Владиміръ Алѣевъ получилъ только свидѣтельство, а не аттестатъ объ окончаніи курса, потому что „не обучался никакому языку“. 23-го августа 1832 года директоръ обращается къ ученикамъ съ ордеромъ, требующимъ отъ нихъ впредь обязательнаго и непремѣннаго посѣщенія всѣхъ преподаваемыхъ наукъ и языковъ. Въ противномъ случаѣ ученикъ лишится права получить аттестатъ. Всѣ ученики гимназіи должны были дать письменное обязательство въ исполненіи этого предписанія.

Въ 1819—20 г. академическомъ году произведены были въ нашей гимназіи существенныя измѣненія въ программѣ, на основаніи министерскаго распоряженія отъ 5-го іюня 1819 года. Эти измѣненія аналогичны тѣмъ, которыя были произведены въ С.-Петербургскомъ учебномъ округѣ его попечителемъ гр. Уваровымъ еще въ 1811 г., а въ 1819 г. они съ нѣкоторыми несущественными измѣненіями были распространены на всѣ округи.

Сущность ихъ состоитъ въ усиленіи преподаванія древнихъ языковъ черезъ увеличеніе числа уроковъ по латинскому языку и введеніе греческаго и въ исключеніи изъ програмы цѣлаго ряда специальныхъ предметовъ, вносившихъ въ нее излишнюю пестроту. Такъ, исключены были почти всѣ философскія и изящныя науки, кромѣ логики и риторики, затѣмъ—политическая экономія, коммерція и технологія, наконецъ—миѳологія и древности. Новое росписаніе предметовъ, предложенное циркуляромъ 5-го іюня, заключаетъ въ себѣ: законъ Божій, языки—латинскій, греческій, нѣмецкій и французскій, географію и исторію, статистику Россійскаго государства, логику и риторику, чистую математику и часть прикладной (статистику и начала механики), опытную физику и естественную исторію и наконецъ рисованіе. Сверхъ штата можно содержать только учителей танцованія, музыки и тѣлесныхъ упражненій. При введеніи этой программы въ нашей гимназіи встрѣтилось затрудненіе въ вопросѣ о томъ, должно ли сокращеніе числа предметовъ повлечь за собою и соотвѣтствующее уменьшеніе числа учебныхъ часовъ? Особымъ ордеромъ къ учителямъ 26-го іюля 1819 г. директоръ предложилъ имъ, впредь до особаго распоряженія отъ высшаго начальства, заниматься въ усиленномъ объемѣ одними положенными въ новомъ росписаніи предметами, сохраняя въ общемъ старое росписаніе часовъ. При этомъ каждому учителю предоставляется распредѣлять учебный матеріалъ по классамъ и по часамъ—какъ ему кажется удобнѣе.

Другое затрудненіе представилось съ введеніемъ класса греческаго языка. Правда, циркуляръ 5-го іюня вводитъ этотъ предметъ какъ необязательный, „смотря по желанію довольнаго числа учениковъ и по возможности въ отношеніи способнаго учителя.“ однако 21-го іюля 1820 г. Училищный комитетъ дѣлаетъ запросъ дирекціи нашей гимназіи, не предвидится ли возможности ввести греческій языкъ съ предстоящаго учебнаго года, и если да, то на какомъ положеніи. Директоръ отвѣчаетъ (рапортъ 6-го августа 1820 года), что учениковъ желающихъ учиться оному языку нѣтъ, а потому и открытіе класса этого языка отложено на неопредѣленное время. Только 15-го октября 1826 г. директоръ извѣщаетъ Училищный комитетъ объ открытіи греческаго класса. Учениковъ, изъявившихъ желаніе обучаться новому предмету, оказалось 13 человѣкъ; преподаваніе принялъ на себя учитель ла-

тинскаго языка Збоевъ, безъ жалованья, ибо положеніе гимназическихъ средствъ не дозволяло никакихъ лишнихъ расходовъ. Положено было на греческій языкъ 4 часа въ недѣлю, причемъ занятія въ первыхъ трехъ классахъ состояли въ изученіи грамматики, а въ IV классѣ — въ переводахъ Новаго завѣта съ греческаго языка на русскій.

Какъ особенность новой програмы, введенной въ 1820 г., надо замѣтить, что она не упоминаетъ объ отечественномъ языкѣ. Продолжались ли въ нашей гимназіи занятія имъ — неизвѣстно. Между тѣмъ министерское распоряженіе 12-го декабря 1825 г., вводя въ гимназическій курсъ церковно-славянскій языкъ, объясняетъ эту мѣру тѣмъ, что церковно-славянскій языкъ необходимъ для усвоенія россійскаго, какъ корень послѣдняго и источникъ всѣхъ его красотъ, богатства и величія; безъ знанія славянскаго языка, гласитъ циркуляръ, нельзя ожидать отличныхъ успѣховъ и основательнаго ученія и въ русскомъ.

Слѣдовательно, приведенный циркуляръ какъ будто предполагаетъ россійскій языкъ въ числѣ предметовъ гимназическаго курса. Но соотвѣтствовала ли дѣйствительность этому предположенію — мы не знаемъ.

Росписаніе уроковъ. Выше было указано, что постановка учебнаго дѣла въ Уставѣ 1804 года страдаетъ крупнымъ недостаткомъ — случайностью выбора предметовъ ученія, отсутствіемъ строго и ясно проведенной системы. При такомъ положеніи дѣла трудно было уяснить себѣ взаимное отношеніе предметовъ и расположить ихъ по классамъ въ порядкѣ ихъ относительной трудности. На практикѣ это приводило къ крупнымъ и иногда очень страннымъ уклоненіямъ отъ Устава. При малѣйшемъ, напримѣръ, затрудненіи въ составленіи росписанія учебныхъ предметовъ въ нашей гимназіи, дирекція нисколько не затруднялась переставлять предметы изъ одного класса въ другой, замѣнять одинъ другимъ и т. д. Въ сохранившемся до насъ росписаніи, составленномъ 15 февраля 1805 г., мы наталкиваемся на цѣлый рядъ самаго произвольнаго отношенія къ требованіямъ Устава. Приведемъ для наглядности параллельныя мѣста изъ того и другого:

Предметы.	Классы.								Всего.	
	I		II		III		IV			
	Число уроковъ.									
	Устав.	Росп. 1805 г.	Устав.	Росп. 1805 г.	Устав.	Росп. 1805 г.	Устав.	Росп. 1805 г.	Устав.	Росп. 1805 г.
Математика	6	4	6	6	6	6	—	—	18	16
Исторія и географія .	6	6	6	6	4	4	2	—	18	16
Изящныя науки	4	—	4	—	4	2	8	—	20	2
Латинскій языкъ . . .	6	4	6	4	4	8	—	—	16	16
Нѣмецкій языкъ. . . .	4	8	4	6	4	4	4	—	16	18
Французскій языкъ . .	4	8	4	6	4	4	4	—	16	18
Естеств. исторія, политич. экономія и технол.	—	6	—	4	4	8	12	—	16	18
Россійская словесность	—	4	—	8	—	4	—	—	—	16
Рисованіе	2	4	2	4	2	4	2	—	8	12
Всего . . .	32	44	32	44	32	44	32	—	128	132

Сравнивая эти двѣ таблицы, мы замѣчаемъ слѣдующее: 1) отсутствіе IV класса, который въ нашей гимназіи былъ открытъ только въ 1811 году. Въ годичныхъ отчетахъ это объяснялось обыкновенно малымъ количествомъ учениковъ гимназіи вообще и недостаточной ихъ подготовленностью для слушанія курса IV класса. 2) Произвольное увеличеніе числа уроковъ во всѣхъ трехъ классахъ съ 32 на 44, что въ общемъ даетъ 36 уроковъ лишнихъ противъ Устава. Это увеличеніе получилось вслѣдствіе введенія во всѣхъ классахъ неположеннаго по Уставу предмета—россійской словесности. Затѣмъ—вслѣдствіе распредѣленія естественной исторіи между всѣми классами, тогда какъ по Уставу этотъ предметъ отнесенъ только въ два старшихъ класса. При этомъ въ III кл. число уроковъ по этой группѣ предметовъ увеличилось вдвое, вслѣдствіе прибавки политической экономіи и технологіи, заимствованныхъ изъ программы IV класса; однако эти два предмета въ свою очередь, до изданія соотвѣтствующихъ руководствъ, должны были замѣщаться отчасти натуральной исторіей, отчасти физикой. 3) Усиленіе преподаванія

новыхъ языковъ въ I и II классахъ, въ ущербъ латинскому языку, число уроковъ котораго въ III классѣ увеличено за то вдвое; но такъ какъ при распредѣленіи предметовъ по часамъ дня оказалось неизбѣжнымъ во всѣ дни недѣли кромѣ среды совпаденіе классовъ французскаго и нѣмецкаго языковъ, то директоръ предполагалъ пожертвовать въ такихъ случаяхъ французскимъ языкомъ и замѣщать его классомъ россійской словесности. Наконецъ, 4) число уроковъ рисованія въ каждомъ классѣ удвоено, вслѣдствіе того, что до 1815 года всѣ классы занимались рисованіемъ вмѣстѣ и притомъ однажды въ недѣлю четыре сплошныхъ часа, тогда какъ по Уставу ученики должны быть раздѣлены на 2 группы и каждая—заниматься 1 разъ въ недѣлю по два часа.

Произвольное увеличеніе числа учебныхъ часовъ дѣлалось, повидимому, безъ всякаго соображенія съ силами учащихся. 32 еженедѣльныхъ часа, положенные по Уставу въ каждомъ классѣ, должны были распредѣляться слѣдующимъ образомъ: 4 дня въ недѣлю—съ 8 до 12 час. утра и съ 2 до 4 часовъ пополудни, т. е. по 6 часовъ ежедневно; и 2 дня (по средамъ и субботамъ) одинъ разъ 5 уроковъ и одинъ же разъ—3 урока (§ 20). Въ росписаніи же 1805 года при 44 недѣльныхъ урокахъ въ каждомъ классѣ на каждый день падало отъ 7 до 8 учебныхъ часовъ, причемъ занятія продолжались съ 8 до 12 час. утра и съ 3 до 5 или 6 час. пополудни. Въ зимнее время этотъ порядокъ измѣнялся. Такъ, сохранилось одно распоряженіе директора, (21 октября 1809 г.), по которому въ 1809 г. съ 1 октября по 1 марта утренніе уроки въ нашей гимназіи должны были начинаться «какъ скоро настанетъ дневной свѣтъ» и продолжаться до половины 12 часа, а послѣполуденные—начинаться въ часъ дня, чтобы заканчиваться засвѣтло. Недостатокъ времени, по выраженію директора, долженъ восполняться особымъ усердіемъ и раченіемъ въ должности учителей. То же можно сказать и относительно продолжительности урока. Въ виду отсутствія соотвѣтствующихъ указаній въ Уставѣ, за норму была принята двухчасовая продолжительность урока. Но на каждомъ шагу встрѣчались отступленія отъ этой нормы. Такъ, уже было упомянуто, что урокъ рисованія въ нашей гимназіи до 1815 г. занималъ 4 часа подрядъ; точно также на россійскую словесность въ рос-

писаніи уроковъ 1805 года приходится почти ежедневно по 4 сплошныхъ часа. На другіе предметы падаетъ по 3 и по 2 часа, и только въ рѣдкихъ случаяхъ на второстепенные предметы оставляется по 1 часу въ день. О росписаніи уроковъ въ позднѣйшее время до насъ не сохранилось, къ сожалѣнію, никакихъ свѣдѣній.

Объемъ и методы преподаванія. Въ Уставѣ мы напрасно стали бы искать какихъ либо указаній по этимъ вопросамъ. Онъ ограничивается лишь тѣмъ, что рекомендуетъ въ преподаваніи держаться учебныхъ книгъ, изданныхъ или имѣющихъ быть изданными отъ Главнаго правленія училищъ (§ 29), но допускаетъ въ то же время составленіе учениками записокъ со словъ преподавателей, которые обязаны просматривать ихъ еженедѣльно. Для этой цѣли § 59 Устава требуетъ, чтобы въ учебныхъ книгахъ у учащихся вплетены были бѣлые листы для записыванія замѣчаній и объясненій учителей. Вотъ и все, что даетъ Уставъ.

Просматривая сохранившіеся до насъ за нѣсколько лѣтъ отчеты учителей о пройденномъ въ теченіи года курсѣ, мы можемъ наглядно познакомиться съ тѣми затрудненіями, которыя приходилось преодолѣвать учителямъ въ этомъ отношеніи. Разсмотримъ эти отчеты по отдѣльнымъ предметамъ.

I. Математика. По Уставу курсъ математики ограниченъ первыми тремя классами, причемъ въ I классѣ положены алгебра, геометрія и тригонометрія, во II—окончаніе чистой и начало прикладной математики и въ III классѣ—окончаніе прикладной математики и опытной физики (§ 21). Но съ самаго начала оказалось, что ученики не только I, но и II и III классовъ до того слабы въ элементахъ ариѳметики, что прохожденіе алгебры и геометріи невозможно безъ введенія ариѳметики въ гимназическій курсъ. Опытъ первыхъ лѣтъ заставилъ нашу гимназію совершенно исключить изъ курса I класса положенные въ немъ математическіе предметы и замѣнить ихъ одной ариѳметикой „по незрѣлости учениковъ.“ Этотъ порядокъ окончательно установился въ 1808 г. и продержался у насъ до 1833 г.; въ рѣдкіе годы ученикамъ I класса сообщались кромѣ ариѳметики еще начальныя основанія алгебры (напр. въ 1820 и 1823 годахъ). Вслѣдствіе этого курсъ I класса по алгебрѣ и геометріи былъ отнесенъ во II классъ, причемъ алгебра проходилась обыкновенно только до уравненій

2-й степени, а изъ геометріи—одна планиметрія. Только въ 1821 г. во II классѣ сверхъ этихъ предметовъ упоминаются начальныя основанія тригонометріи, а въ 1823 г.—физика. Кромѣ того, существенную часть курса II класса составляло повтореніе, а иногда и прохожденіе вновь нѣкоторыхъ частей ариѳметики, обыкновенно начиная съ тройныхъ правилъ. Въ III классѣ продолжалась алгебра и доводилась до извлеченія квадратныхъ корней, но чаще курсъ ея заканчивался только вторымъ классомъ (1817, 1820, 1823 гг.), а въ третьемъ—обращалось особое вниманіе на геометрію и тригонометрію „въ приложеніи ихъ къ алгебрѣ" и проходилась часть физики о всеобщихъ свойствахъ тѣлъ. Въ IV классѣ по Уставу математики не полагалось, но въ годовыхъ отчетахъ по этому предмету за 1817—1829 гг. значится, что ученики этого класса занимались совмѣстно съ третьимъ.

Руководствами служили: по ариѳметикѣ—учебникъ, изданный Главнымъ правленіемъ училищъ, замѣненный въ 1826 г. учебникомъ Перевощикова. По чистой математикѣ—учебная книга Осиповскаго въ 3-хъ частяхъ, а съ 1813 г. руководство, изданное членомъ Главнаго правленія училищъ и академикомъ Фусомъ, также въ 3-хъ частяхъ. По физикѣ—руководство Бриссона въ переводѣ проф. Страхова, а съ 1814 г.—физика Двигубскаго.

II. Исторія, географія и статистика. Уставъ опредѣляетъ проходить: въ I классѣ—древнюю исторію съ миѳологіей и древностями и древнюю географію; во II классѣ—новую исторію и географію и въ частности—отечественную. Въ III кл.—общую статистику и въ IV классѣ—статистику Россійскаго государства (§ 22).

Въ нашей гимназіи преподаваніе исторіи и географіи за все изучаемое время было распространено также и на III и IV классы, а статистика, введенная лишь въ 1808 г., всегда занимала второстепенное мѣсто въ курсѣ этихъ классовъ. Самое прохожденіе всѣхъ этихъ предметовъ отличалось крайней безпорядочностью и несистематичностью. Россійская исторія проходилась то во всѣхъ классахъ по немногу, то лишь въ старшихъ, или въ однихъ младшихъ. Древняя исторія также иногда переносилась изъ I класса въ другіе, или раздроблялась между двумя или даже тремя классами. Тоже и относительно географіи. Такъ напр. въ 1807 г. въ I классѣ по всеобщей исторіи показано пройденнымъ до 1461 г.,

а во II классѣ—древняя исторія до Римлянъ; въ III же—древняя, средняя и Россійская исторія до 3-го періода. За тотъ же годъ по географіи: въ I классѣ—математическая географія вся и всеобщая—до Индіи; во II классѣ—всеобщая географія до Турціи и Россійская—вся; въ III классѣ—всеобщая географія до Англіи, а изъ Россійской—до средней полосы губерній. А вотъ програма 1817 года: въ I классѣ—древняя исторія до Грековъ, Россійская исторія до нашествія татаръ и Россійское землеописаніе до губерній. Въ II классѣ—древняя исторія до Македонянъ, Россійская исторія до дому Романовыхъ. Географія—до Швейцаріи. Въ III классѣ исторія—до Швеціи, географія—до Италіи. Россійская статистика—до водныхъ сообщеній. Въ IV классѣ—новая исторія до 5-го періода. Всеобщая географія до Италіи. Статистика до Германіи.

Приведенныхъ примѣровъ достаточно, чтобы видѣть, какимъ громаднымъ пробѣломъ въ Уставѣ было отсутствіе опредѣленныхъ программъ, и до какихъ предѣловъ могъ доходить произволъ учителей въ опредѣленіи объема преподаваемыхъ предметовъ и распредѣленія учебнаго матеріала по классамъ.

Руководствами служили: Руководство къ всеобщей исторіи въ 3-хъ частяхъ, изданное для народныхъ училищъ, а въ двадцатыхъ годахъ преподаваніе исторіи велось по Руководству къ познанію всеобщей исторіи Кайданова, въ 3-хъ частяхъ, и его же Начертанію исторіи Россійскаго государства, а также по Всеобщей исторіи Шрекка въ 3-хъ частяхъ. Руководство къ математической географіи, изд. Главн. правл. училищъ. Всеобщее землеописаніе въ 2-хъ частяхъ, изд. Департаментомъ народнаго просвѣщенія. Краткое землеописаніе Россійской Имперіи, изд. Главнымъ правленіемъ училищъ. Статистическое описаніе Россіи Зябловскаго, изд. 1815 г. Начальныя основанія статистики Плайфера. Краткое всеобщее землеописаніе проф. Гейма, изд. 1823 г.

Что касается учебныхъ пособій по исторіи и географіи, то этотъ отдѣлъ въ нашей гимназіи былъ очень скуденъ. По исторіи не было совершенно никакихъ пособій. По географіи въ 1806 г. пріобрѣтено было въ одномъ экземплярѣ 7 картъ всѣхъ частей свѣта и Россіи, которыя и служили до самаго 1833 г. безъ обновленія.

Кромѣ того, въ описяхъ учебныхъ пособій за 1831 г. значится 6 атласовъ, 6 глобусовъ (вѣроятно продажныхъ) и 1 армиллярная сфера.

III. По философіи, изящнымъ наукамъ и политической экономіи. По Уставу положено (§ 23): въ I классѣ—логика и всеобщая грамматика. Во II классѣ—психологія и правоученіе. Въ III классѣ—эстетика и риторика, и въ IV классѣ—право естественное и народное и политическая экономія. Осуществленіе этой программы на практикѣ встрѣтило наибольшія затрудненія, вслѣдствіе слишкомъ спеціальнаго характера всѣхъ этихъ предметовъ. Поэтому въ I классѣ въ нашей гимназіи логика и всеобщая грамматика замѣнены были россійской грамматикой съ разборомъ отрывковъ изъ разныхъ авторовъ; логика же изъ I кл. перенесена была во второй, гдѣ кромѣ того ученики съ большими подробностями знакомились съ грамматикой отечественнаго языка и упражнялись въ составленіи періодовъ. Въ III классѣ проходилась риторика, и учащіеся занимались осмысленнымъ чтеніемъ стиховъ и прозы по лучшимъ образцамъ и практиковались въ писаніи сочиненій. Наконецъ изъ курса IV класса удержана была одна политическая экономія, но она была отнесена къ группѣ предметовъ естественно-историческихъ, и объ ней будетъ рѣчь въ своемъ мѣстѣ. Въ 1815 г. новый учитель изящныхъ наукъ Урываевъ попробовалъ было выполнить требованіе Устава и началъ заниматься съ учениками II класса психологіей и моралью, а III-го—эстетикой и умозрѣніемъ словесныхъ наукъ, но эта попытка оказалась неосуществимой и была оставлена.

Руководства: Логика Богдановича. Краткое начертаніе теоріи изящной словесности въ 2 частяхъ, содержащихъ піитику и риторику, изданное проф. Мерзляковымъ. Съ 1814 г. вводится постепенно серія руководствъ академика Якоба въ 4 частяхъ, подъ общимъ заглавіемъ „Курсъ философическихъ наукъ". Въ 1821 году эти руководства были отмѣнены, и логика преподавалась съ 1821 по 1824 г. по руководству Снелля, а съ 1824 г. по руководству Ивашковскаго.

IV. По естественной исторіи, технологіи и коммерческимъ наукамъ. Уставъ полагаетъ эти предметы въ III и IV классахъ (§ 24): въ III кл.—естеств. исторія, приноровленныя къ начальнымъ основаніямъ сельскаго и лѣснаго хозяйства, а въ IV кл.—продол-

женіе того же предмета и кромѣ того—технологія и наука о торговлѣ.

Въ нашей гимназіи естественныя науки распредѣлены были во всѣхъ классахъ, причемъ обыкновенно въ I классѣ проходилась минералогія, во II кл.—ботаника и сельское домоводство, въ III кл.—зоологія, а IV-й классъ предназначался для повторенія. Кромѣ того, также по частямъ, во всѣхъ классахъ проходилась технологія и политическая экономія. Всѣ эти предметы проходились въ элементарномъ объемѣ по краткимъ руководствамъ, изданнымъ для народныхъ училищъ; дополненія дѣлались учителями преимущественно по Естественной исторіи соч. Озерецковскаго и Севергина и по Технологіи Функе въ 3 частяхъ.

V. По латинскому языку Уставъ распредѣляетъ занятіе между тремя первыми классами (§ 25), полагая въ I кл. ознакомленіе учащихся съ элементами этого языка, во II кл.—изученіе какого-либо классическаго прозаическаго автора и переводы съ латинскаго языка на русскій, и въ III кл.—такое же изученіе поэта и пріобученіе къ сочиненіямъ на латинскомъ языкѣ. Однако довольно долгое время въ нашей гимназіи изученіе латинскаго языка ограничивалось во всѣхъ классахъ прохожденіемъ грамматики по руководству Тростина „Methodus facilior latine legendi“ да переводами изъ христоматіи Мельмана „Lectiones latinae“. Только въ 1816 г. впервые упоминается въ III и IV классахъ изъясненіе Цицероновыхъ твореній, а также изученіе басенъ Федра и переводы изъ Корнелія Непота. Вмѣстѣ съ тѣмъ въ старшихъ классахъ введена грамматика проф. Кошанскаго, составленная по Бредеру и изданная въ 1815 г.

VI. Новые языки. § 26 Устава даетъ по новымъ языкамъ такую же програму, какъ и по латинскому, съ той только разницей, что курсъ этихъ языковъ распространенъ на всѣ четыре класса, такъ что чтеніе прозаическаго писателя отнесено въ III кл., а поэта—въ IV-й. Въ практикѣ нашей гимназіи чтеніе авторовъ было совершенно выпущено, и дѣло ограничивалось изученіемъ грамматики, переводами изъ христоматій да заучиваніемъ разговоровъ.

Руководства: Нѣмецкая грамматика Гейма, замѣненная въ 1816 г. грамматикой Лейбрехта, Христоматія Аллера и Нѣмецкіе

разговоры Вегелина (1817). Французская грамматика Соколовскаго (1809), замѣненная въ 1816 г. грамматикой Лейбрехта, и Французскіе разговоры Вегелина.

VII. Законъ Божій. При введеніи этого предмета въ курсъ гимназическаго образованія въ 1820, не было дано никакихъ указаній о томъ, какой характеръ долженъ имѣть классъ закона Божія, какія изъ богословскихъ наукъ и въ какомъ объемѣ должны преподаваться? Поэтому законоучитель на первыхъ порахъ былъ поставленъ въ большое затрудненіе и предложилъ пока проходить во всѣхъ классахъ „Сокращенную Богословію" митр. Платона (изд. 1791); на слѣдующій годъ также во всѣхъ классахъ то же руководство изучалось съ большими подробностями и съ дополненіями преимущественно по „Богословіи Сильвестра". Въ послѣдующіе два года ученики постепенно входили въ кругъ богословскихъ знаній путемъ чтенія отрывковъ изъ Іоанна Златоуста, Дмитрія Ростовскаго, Ѳеофана Прокоповича; изучали „Драхму" архіеп. Ѳеоктиста и сочиненное Дмитревскимъ „Изъясненіе на литургію". Законоучитель при основаніи класса Закона Божія обѣщалъ также занимать учениковъ сочиненіями „изъ задаваемыхъ имъ предложеній о духовныхъ матеріяхъ".

Такимъ образомъ по этой первоначальной программѣ всѣ классы должны были проходить одинъ и тотъ же курсъ. Новый предметъ былъ введенъ сразу во всѣхъ четырехъ классахъ, слѣдовательно всѣ ученики приступали къ нему съ одинаковой неподготовленностью. Но затѣмъ предполагалось курсъ перваго года превратить въ курсъ I-го класса, курсъ 2-го года—въ курсъ II класса и т. д.

Однако скоро программа эта была измѣнена. Въ рапортѣ 31-го августа 1823 г. законоучитель Смирновъ доноситъ директору, что по его предмету ученики гимназіи раздѣлены на два отдѣленія, причемъ въ низшемъ проходится катихизисъ, а въ высшемъ—Платонова Богословія и ученіе на память воскресныхъ и праздничныхъ евангелій съ приличными нравоученіями. Въ 1826 г. Платонова Богословія помѣщена, наоборотъ, въ низшихъ классахъ, а въ высшихъ упоминается „ученіе наизусть" изъясненій на литургію и исторіи ветхаго и новаго завѣта по изданію Іоанна Гибнера.

ВѢДОМОСТЬ

о пройденномъ въ теченіи 1828—29 уч. года, на основаніи годичныхъ отчетовъ учителей.

	I классъ.	II классъ.	III классъ.	IV классъ.
По зак. Божію. Законоучитель Іоакимъ Смирновъ).	Изъ Сокращеннаго катихизиса до заключенія молитвы Господней.	Изъ Платоновой Богословіи до 6-го члена символа вѣры.	Изъ книги называемой Изъясненіе на литургію до § 208.	Изъ Богословіи Платоновой до заключенія молитвы Господней. Изъ воскресныхъ Евангелій до 3-й недѣли послѣ всѣхъ святыхъ.
По исторіи, географіи, статистикѣ, риторикѣ и логикѣ. (Ст. учитель Остроумовъ).	Рос. грамматика окончена и повторена; географія Россійская окончена безъ повторенія; изъ всеобщ. исторіи—обзоръ; изъ всемірной географіи—обзоръ Европы.	Изъ исторіи всеобщей—древнюю; изъ географіи всеобщей—обзоръ Европы; изъ исторіи Россійской до нашествія татаръ; изъ географіи—все окончено. Изъ риторики до хріи.	Изъ исторіи пройдено о среднихъ вѣкахъ, изъ Рос. исторіи окончена династія Рюрикова. Изъ географіи какъ всеобщей, такъ и Россійской—все окончено. Изъ риторики до раздѣленія слоговъ сочиненій на роды.	Все положенное по уставу пройдено.
По математикѣ и физикѣ. (Ст. учит. Соханскій).	Изъ ариѳметики до пропорцій.	Изъ Алгебры до уравненій 2-й ст.	Алгебру; изъ физики общія свойства тѣлъ; опредѣленіе удѣльнаго вѣса тѣлъ твердыхъ, жидкихъ и воздухообразныхъ. Свѣтъ и теплоту.	Тригонометрія, а изъ физики—до Гальванизма.

По латинскому языку (ст. учит. Збоевъ).	Проходили этимологическія правила по книжкѣ Methodus facilior и занимались чистописаніемъ.	Учили Синтаксисъ и занимались переводомъ съ россійск. на латинскій языкъ.	Переводили христоматію изъ грамматики Кошанскаго на рос. языкъ, а на латинскій—римскую исторію. Продолжали синтаксисъ.	Переводили Цицерона о должностяхъ на рос. языкъ. Переводили христоматію изъ грам. Кошанскаго и учили синтаксисъ.
По греческому языку (ст. учит. Збоевъ).	Учили грамматику и занимались чтеніемъ и письмомъ.			Занимались переводомъ Новаго Завѣта.
По французскому языку (Кноблохъ).	Занимались чтеніемъ, чистописаніемъ и ученіемъ разговоровъ и вокабуловъ; также начальн. правилъ этимологіи.	Проходили правила этимологіи до причастія, занимались начальн. переводами и аналезисомъ, чтеніемъ и изученіемъ разговоровъ и вокабуловъ.	Ученики одного стола проходили правила этимологіи, занимались переводами, диктованіемъ и аналезисомъ. Другіе проходили тѣже предметы, какіе въ IV отдѣленіи.	Повторяли правила этимологіи на французскомъ діалектѣ. Также проходили правила синтаксиса до употребленія предлоговъ. Занимались разными переводами и писали по диктованію съ аналезисомъ.
По нѣмецкому языку (Кноблохъ).	Занимались чтеніемъ, чистописаніемъ и ученіемъ разговоровъ и вокабуловъ, также начальными правилами этимологіи.		Ученикъ Сахаровъ проходилъ всѣ правила этимологіи, занимался начальными переводами съ аналезисомъ, а прочіе ученики проходили этимологію до возвратныхъ глаголовъ, занимались чтеніемъ, чистописаніемъ и ученіемъ разговоровъ и вокабуловъ.	Проходили правила синтаксиса до употребленія разныхъ нарѣчій. Занимались разными переводами и писали по диктованію съ аналезисомъ.

по натуральной исторіи за этотъ годъ не показано пройденнаго, но сохранилась вѣдомость за 1827—28 уч. годъ.

	I.	II.	III.	IV.
По натуральной исторіи (ст. учит. Боголѣповъ).	До металловъ	Окончена ботаника.	Читано было о простыхъ и огнедышущихъ горахъ, о рудахъ, окаменѣлостяхъ и горячихъ источникахъ. О минералахъ.	Зоологія.

Повторимъ вкратцѣ тѣ выводы, къ которымъ приводитъ насъ изученіе постановки учебнаго дѣла въ нашей гимназіи за 1804—1833 годы. 1) Требованія Устава, касающіяся объема гимназическаго курса, не были и не могли быть осуществлены. 2) Сама гимназія за все изучаемое время оказалась безсильной выработать какую бы то нибыло программу этого курса. Не установилось даже простого порядка въ размѣщеніи учебныхъ предметовъ по классамъ; за все время не найдется двухъ сходныхъ програмнъ въ одномъ и томъ же классѣ; по отдѣльнымъ предметамъ преподаются изъ году въ годъ какіе то обрывки; ни по одному предмету не встрѣчается ни разу болѣе или менѣе законченнаго курса. 3) Если не былъ выясненъ вопросъ объ объемѣ преподаванія, не могло быть рѣчи и объ его методахъ. Преподавалось что попало и какъ попало. Вопросы методическаго характера какъ-то и не возникали въ умѣ тогдашнихъ педагоговъ. Однажды въ 1806 г. директоръ въ общемъ собраніи учителей предложилъ имъ представить какія либо соображенія по вопросу о томъ, какимъ образомъ сдѣлать ученіе занимательнѣе, а также и объ удобнѣйшемъ усовершеніи способа ученія; отвѣтомъ на это предложеніе служило единодушное заявленіе учителей, что „лучшаго способа учебнаго, нежели какой Высочайше утвержденъ, никто изъ нихъ изобрѣсти не можетъ“.

Въ общемъ, картина учебныхъ порядковъ за все изучаемое время до такой степени пестра и хаотична, что въ ней нѣтъ возможности оріентироваться, отыскать руководящій принципъ, чтобы хотя отчасти уяснить себѣ смыслъ того, что тогда совершалось въ этой сферѣ. Очевидно, что тѣ лица, которыя были призваны служить исполнителями закона при его проведеніи въ жизнь, совершенно неясно представляли себѣ ту цѣль, которую думалъ осуществить законъ, а потому и дѣятельность ихъ сводится

къ непрерывному ряду однихъ промаховъ. Почти 25-ти лѣтній опытъ долженъ былъ показать, гдѣ кроются причины этого печальнаго явленія, причины, заставившія лучшую часть русскаго общества отшатнуться отъ правительственной среднеобразовательной школы. Назрѣла потребность въ новой реформѣ, и на законодателѣ лежалъ нравственный долгъ ее осуществить.

Открытыя испытанія. Учебное время въ гимназіи продолжалось съ 1-го августа по 1-е іюля, такъ что на лѣтнее вакаціонное время приходился одинъ іюль (§ 16 Устава). Каждый учебный годъ долженъ начинаться, по Уставу, открытымъ испытаніемъ (§ 60), которое служило бы повѣркою со стороны общества успѣховъ, достигнутыхъ гимназіей въ теченіе минувшаго года. Но именно вслѣдствіе такого своего характера эти испытанія не могли служить для педагогическаго персонала средствомъ провѣрки познаній учениковъ, не могли имѣть значенія испытаній въ нашемъ смыслѣ этого слова, и сохранили за собою, какъ и раньше въ Главномъ народномъ училищѣ, характеръ торжественнаго акта. Если такъ, то не было никакого серьезнаго основанія пріурочивать открытыя испытанія къ одному опредѣленному моменту учебнаго года. Не смотря на неоднократныя предписанія со стороны университетскаго начальства въ точности исполнять 16 статью Устава, въ нашей гимназіи открытыя испытанія происходили въ самое различное время, и въ началѣ, и въ срединѣ, и въ концѣ учебнаго года. Такъ, въ самый годъ открытія гимназіи они были отнесены на 18-е декабря, чтобы соединить это торжество съ торжествомъ открытія уѣзднаго училища. Въ 1807 г. испытанія происходили 19-го ноября, будучи отложены вслѣдствіе ожиданія прибытія визитатора отъ университета. Чаще всего открытыя испытанія пріурочивались къ какимъ либо торжественнымъ днямъ: въ 1809 и 1810 годахъ, напр., они происходили 15-го сентября — въ день коронаціи императора Александра I, или въ 1826 и въ 1828 гг.—25-го іюня — въ день рожденія императора Николая I. Съ 1817 года и до конца изучаемаго періода открытыя испытанія бывали обыкновенно въ концѣ учебнаго года, въ послѣднихъ числахъ іюня.

Приготовленія къ открытымъ испытаніямъ начинались обыкновенно задолго до назначеннаго срока. Приблизительно за мѣсяцъ, а иногда и больше, до окончанія учебнаго года директоръ

особымъ ордеромъ предлагалъ учителямъ озаботиться заблаговременно составленіемъ годичныхъ отчетовъ каждому по своему предмету, съ показаніемъ учениковъ, отличавшихся успѣхами и потому способныхъ къ переводу „изъ нижнихъ въ вышніе“ классы, а также заслуживающихъ награжденія. Замѣтимъ кстати, что система провѣрки познаній учениковъ, какъ въ теченіе учебнаго года, такъ и за весь годъ, рѣзко отличается отъ современной и уже по одному этому заслуживаетъ упоминанія. Поурочной оцѣнки ученическихъ отвѣтовъ совсѣмъ не было; въ мѣсячныхъ и полугодичныхъ рапортахъ, которые подавались учителями директору, на основаніи 37 § Устава, хотя и дѣлалась оцѣнка способностей, прилежанія, успѣховъ и поведенія учениковъ, но выражалась она не цифровыми отмѣтками, а словесно, въ формѣ опредѣленій очень общихъ и произвольныхъ, и притомъ различныхъ у разныхъ учителей. Способности учениковъ опредѣлялись выраженіями „тупъ“, „остръ“, „понятенъ“, прилежаніе—„нерадивъ“, „посредственъ“, „ревностенъ“, поведеніе—„добронравенъ“, „рѣзвъ“, „кротокъ“ и т. п. Какъ видно, не успѣла еще установиться единообразная терминологія, которая давала бы возможность судить объ относительныхъ успѣхахъ учащихся. Одинъ учитель аттестуетъ ученика „сколь ревностнымъ въ познаніи, столь честнымъ въ поведеніи“, другой пишетъ, что такой то ученикъ, „хотя и занимался похвально, но велъ себя такъ, что о его поведеніи рекомендовать его невозможно“, или: „успѣхи довольно нехудые, а велъ себя не безъ пристойности“, „понятливъ, но слабъ разсудкомъ“. Что же касается годичныхъ вѣдомостей, то здѣсь употреблялась система балловъ, но также довольно своеобразная. § 61 Устава предоставляетъ директору самому назначить для каждой науки извѣстное число балловъ, соразмѣрно важности и обширности каждой, причемъ полная цифра балловъ соотвѣтствуетъ наивысшей степени познаній ученика; такъ наприм., числомъ 90 можно означить степень совершенства въ алгебрѣ; если при этомъ знаніе ученика, окончившаго уже первоначальныя дѣйствія съ количествами простыми и сложными, означить числомъ 20, то для учениковъ, знающихъ рѣшеніе уравненій 1-й степени, прибавляется 10 шаровъ, 2-й степени—15 шаровъ, 3-й степени—20 шаровъ и 4-й степени—25 шаровъ или балловъ. Тоже дѣлается и во всѣхъ прочихъ предметахъ. Сумма всѣхъ балловъ, полученныхъ

ученикомъ, опредѣляетъ его мѣсто, которое онъ долженъ занимать среди своихъ товарищей. „Поелику такое мѣсто назначается посредствомъ нѣкотораго баллотированія, гласитъ § 61, то и дано симъ числамъ наименованіе шаровъ, хотя впрочемъ при семъ дѣйствіи шары не употребляются. Опытомъ дознано, что таковыя мѣры, открывая успѣхи каждаго ученика, служатъ къ возбужденію въ нихъ соревнованія". Свѣдѣнія о томъ, въ какой мѣрѣ исполнялся въ нашей гимназіи этотъ параграфъ Устава, сохранились только отъ позднѣйшаго времени. Такъ, ордеръ директора отъ 2-го іюня 1828 г. устанавливаетъ слѣдующую систему годичной аттестаціи учениковъ: „по каждому предмету прилежаніе и успѣхи оканчивающихъ курсъ въ IV классѣ достойнѣйшихъ за цѣлый годъ опредѣляется числомъ балловъ 300, принимая въ разсчетъ, что прилежнѣйшій, въ теченіе 10 учебныхъ мѣсяцевъ получая по 30 балловъ, долженъ имѣть въ концѣ года таковое количество; а по поведенію—200 въ той же соразмѣрности; итого выйдетъ въ совокупности по прилежанію и благонравію 500 балловъ, соотвѣтственно прежнему порядку, по которому опредѣленъ баллъ 50 для мѣсячныхъ рекомендацій. Точно также въ III классѣ для достойнѣйшихъ полагается число балловъ 250 по прилежанію и 200 по поведенію; во II классѣ—200 по прилежанію и 150 по поведенію и, наконецъ, въ I классѣ—150 по прилежанію и 100 по поведенію". Однако въ 1832 году эта система значительно видоизмѣнена: ордеръ директора отъ 7-го іюня 1832 года предлагаетъ учителямъ, при составленіи годичныхъ отчетовъ, руководствоваться слѣдующими максимальными цифрами для аттестаціи учащихся:

По математикѣ.	100	шаровъ.
„ физикѣ	50	„
„ исторіи.	80	„
„ географіи и статистикѣ.	70	„
„ россійской словесности	100	„
„ логикѣ.	50	„
„ естественной исторіи	40	„
„ закону Божію.	80	„
„ латинскому языку	100	„
„ нѣмецкому языку	60	„
„ французскому языку	60	„

Степень же поведенія цифрами: отлично-хорошее — 3, хорошее — 2, посредственное — 1 и худое — 0.

Въ годичныхъ отчетахъ за 1832 г. ученики дѣйствительно размѣщены по этой системѣ, въ порядкѣ общей цифры балловъ, полученныхъ каждымъ по всѣмъ предметамъ, даже безъ раздѣленія на классы. При этомъ первое мѣсто въ гимназіи занялъ ученикъ Вас. Кувшиновъ, получившій наивысшую аттестацію 615 шаровъ по успѣхамъ и 21 шаръ по поведенію; наименьшая аттестація составляетъ 45 ш. по успѣхамъ и 8 по поведенію.

Эта годичная аттестація и служила основаніемъ для перевода учениковъ изъ низшихъ классовъ въ высшіе и для ихъ награжденія, безъ всякихъ экзаменовъ. Списки учениковъ, переведенныхъ изъ класса въ классъ и удостоенныхъ награжденія, заготовлялись заранѣе и прочитывались на публичномъ испытаніи. Въ первое время списки эти составлялись самимъ директоромъ въ канцелярскомъ порядкѣ, на основаніи годичныхъ отчетовъ, представленныхъ всѣми учителями. Но въ 1821 г. учителямъ самимъ предложено было „съ общаго согласія" составить списокъ учениковъ, назначаемыхъ къ переводу и къ награжденію, а 15 іюня 1829 г. впервые встрѣчаемъ упоминаніе о засѣданіи „педагогическаго совѣта" изъ старшихъ учителей Боголѣпова, Збоева и Соханскаго подъ предсѣдательствомъ исправляющаго должность директора старшаго учителя Остроумова; совѣтъ, въ виду скораго окончанія учебнаго года, разсуждалъ о переводѣ учениковъ изъ низшихъ въ высшіе классы, принимая въ соображеніе ихъ возрастъ, успѣхи, намѣреніе ихъ родителей въ образованіи и, наконецъ, самыя ихъ дарованія, а равно и о награжденіи отличныхъ учениковъ.

Итакъ, публичныя испытанія не имѣли никакого прямаго отношенія ни къ переводамъ учениковъ изъ класса въ классъ, ни къ награжденіямъ отличныхъ. Цѣль ихъ была совершенно иная и заключалась въ томъ, чтобы по возможности заинтересовать общество въ успѣхахъ просвѣщенія. Требуя отъ учителей годичныхъ отчетовъ, ордеръ директора обыкновенно предлагаетъ каждому какъ можно лучше подготовить своихъ учениковъ къ отвѣтамъ на испытаніи изъ тѣхъ предметовъ или изъ тѣхъ отдѣловъ каждаго предмета, какіе каждый соблаговразсудитъ назначить. Для успѣшнаго достиженія этой цѣли, предписаніе директора

отъ 2 іюня 1828 г. требуетъ отъ учителей пріостановить дальнѣйшее прохожденіе предметовъ и заняться съ большею точностью повтореніемъ того, что имѣется въ виду предложить публикѣ на предстоящемъ открытомъ испытаніи. Словомъ, все сводится къ тому, чтобы устроить изъ послѣдняго интересный спектакль для посѣтителей. Ордеръ 24 мая 1821 г. требуетъ отъ учителей заранѣе назначить учениковъ, которые бы могли „съ лучшимъ успѣхомъ и для публики занимательнѣе“ подвергнуться испытанію. Слѣдовательно, не всѣ ученики, а только немногіе избранные принимали активное участіе въ испытаніи; остальные же всѣ присутствовали въ качествѣ простыхъ зрителей. Точно также, испытаніе производилось не по всѣмъ предметамъ, а только по нѣкоторымъ, и не по всему курсу того или другаго предмета, а только изъ одной какой-либо его части. Такъ наприм. учитель логики, риторики и россійской словесности Остроумовъ 26 мая 1821 года рапортуетъ директору, что хотя ученики III и IV отдѣленій по первымъ двумъ предметамъ всѣ могутъ отвѣчать на испытаніи, но какъ догматизмъ сухой мало занимателенъ, то лучше удовольствовать вниманіе посѣтителей готовыми уже сочиненіями учениковъ въ стихахъ и прозѣ. Тотъ же учитель, въ рапортѣ 24 августа 1824 г. заявляетъ, что для предстоящихъ испытаній по исторіи (Остроумовъ съ 1823 г. преподавалъ также и историческія науки) учениками будетъ разучено два любопытнѣйшихъ разсказа, одинъ по средней, другой по новой исторіи, за невозможностью ее всю представить публикѣ ради ея обширности. По той же причинѣ по классу риторики ученики не будутъ давать отвѣтовъ теоретическихъ, а прочтутъ свои сочиненія въ стихахъ и прозѣ. По логикѣ, гласитъ приводимый рапортъ, учащихся не много, а съ успѣхомъ еще менѣе, а потому лучше бы ея не выставлять на судъ публики. Въ отчетѣ о публичномъ испытаніи 30 іюня 1818 г. директоръ доноситъ Училищному комитету, что на испытаніи не были представлены успѣхи учениковъ по части естественной исторіи и коммерческихъ наукъ на томъ основаніи, что учитель сихъ предметовъ Онисимовъ, за слабыми въ нихъ успѣхами и затѣмъ, что не имѣетъ еще и мундира, да и имѣть не старается, не могъ представленъ быть публикѣ, такъ же какъ и въ прошломъ году.

Въ каждомъ предметѣ старались выбрать такой отдѣлъ, который могъ заинтересовать публику, и самое изло-

женіе заботились сдѣлать по возможности занимательнѣе, придавая ему напримѣръ діалогическую форму. Такъ, на публичномъ испытаніи 5-го сентября 1820 года ученики, подъ наблюденіемъ учителя математики, произвели рядъ физическихъ опытовъ съ объясненіями: „возводилась ртуть расширеніемъ воздуха, когда посторонній былъ вытянутъ"; сдѣланъ былъ опытъ, что „тѣла въ безвоздушномъ мѣстѣ падаютъ съ одинаковой скоростью", опытъ „давленія съ магдебургскими полушаріями и фонтаномъ подъ колоколомъ", а въ заключеніе представлено было, что „животное въ безвоздушномъ мѣстѣ жить не можетъ". При этомъ ученики „выказали необычайную ловкость и проворство въ пріемахъ и давали отвѣты и разъясненія къ вящшему любопытству и удовольствію посѣтителей". Одинъ изъ учениковъ, „представляя съ намѣреніемъ лицо смѣшного простачка, дѣлалъ товарищамъ разные вопросы, чтобы дать имъ поводъ объяснить различныя дѣйствія воздуха на тѣла". Въ заключеніе старшій изъ испытуемыхъ учениковъ, „болѣе вникавшій въ феномены стихіи, удивясь чудеснымъ свойствамъ неимовѣрной быстроты и тяжести ея, а паче— животворящей силѣ въ воскрешеніи бездыханно-лежавшаго подъ колоколомъ машины зяблика, который отъ удаленія ея умеръ, а отъ притеченія мгновенно ожилъ, въ полнотѣ сердца воскликнулъ: о Боже, сколь дивны дѣла Твои! Какая стройность, какое чудное во всемъ равновѣсіе! И есть-ли мы, можно сказать, въ сей маленькой паутинкѣ видимъ столь дивный размѣръ и порядокъ, то чтожъ должно заключить о строеніи всей вселенной! Боже! Не все ли тобою живетъ, движется и существуетъ!!" Восторгъ птенца музъ, заключаетъ директоръ свой отчетъ, повторился въ громѣ полковой музыки и отозвался въ сердцѣ внимательныхъ зрителей. Иногда такого рода собесѣдованія между учениками велись на отвлеченныя темы. Такъ, на публичномъ испытаніи 13-го декабря 1814 г. нѣсколько учениковъ произнесли діалогъ на тему „О хвалѣ Божіей въ природѣ":

Д. Такъ мы слышали, любезные товарищи, сколь полезно и нужно ученіе природы.

А. Въ самомъ дѣлѣ, этотъ классъ для меня всѣхъ лучше.

Б. Науки всѣ хороши, потому что онѣ насъ ведутъ къ познанію Творца, а ученіе природы еще болѣе. Не оно ли показываетъ намъ, что вселенная сохраняется непрерывнымъ дѣяніемъ Вседержителя. Ахъ, сколь непреложна сія святая истина, что мы въ Немъ живемъ, движемся и есмы!

Д. Природа, друзья мои, есть органъ невидимаго Божества, откровеніе славы Всемогущаго.

Б. Истинно органъ Божества; все въ ней поетъ, все прославляетъ Его благость!

А. Ахъ, какъ пріятно весною слушать въ рощицѣ птичекъ! Точно какъ концертъ онѣ поютъ!

Н. Coeli enarrant gloriam Dei, benedicunt ei omnia opera, eum cantat sol, luna et omnes stellae celebrant!

П. Schloszen und Hagel lobet den Herrn! Berge und Hügel, Brunnen, Meer und Wasserströme, alle Vögel unter dem Himmel, alle wilde Thiere und Vieh. Wallfische und alles was sich reget im Wasser, lobet den Herrn, preiset und rühmet Ihn ewiglich!

Б. A Toi est le jour, à Toi aussi est la nuit. Tu as établi la lumière et le soleil, Tu as posé tous les limites de la terre: Tu as formé l'été et l'hiver!

Д. Когда все воспѣваетъ Господа Вселенныя, умолчимъ ли мы, разумныя существа? Нѣтъ! Сердце мое горитъ, слаба гортань моя, но возвѣститъ хвалу Его! (поетъ: Коль славенъ..., ему вторитъ хоръ и оркестръ).

А. Твоя насъ слава ослѣпяетъ
Въ глубоку ночь, какъ въ ясный день;
Когда полдневный лучъ блистаетъ,
Лица мы Твоего зримъ тѣнь!
Въ свѣтаніи златой денницы
Зримъ край владычной багряницы!

Д. Зефировъ сладкое дыханье,
Чистѣйшій ѳиміамъ цвѣтовъ,
И мѣрное ручьевъ журчанье—
Все намъ поетъ Твою любовь.
Влеки насъ благостью Твоею
И нашей обладай душею!

А. О, какъ бы и мнѣ хотѣлось также спѣть стишокъ, да не умѣю.
(Всѣ кромѣ Д.) и мы тоже!

Б. Не меньше и наши сердца горятъ
Святымъ поклоненіемъ Вездѣсущему.
Любезный Аретофилъ, будь ты истолкователемъ ихъ.

Д. Охотно (поетъ). Во всемъ мы зримъ, вездѣ срѣтаемъ
Тебя, всесильный нашъ Творецъ!
Тебѣ хвалу мы возсылаемъ
Благоговѣющихъ сердецъ!
Прими днесь наше пѣснопѣнье
И даруй намъ благословенье!

К. Твоя рука живописуетъ
Въ натурѣ дивну пестроту,
И въ веществѣ изобразуетъ
Невидимую красоту.
Творецъ! Ты всѣхъ красотъ начало;
Вселенная—Твое зерцало!

Въ такомъ же родѣ, на актѣ 1-го мая 1816 года, ученики перваго класса произнесли разговоръ на тему „Красоты маія“ съ раздачею присутствующимъ какихъ-то „эмблематическихъ билетовъ“.

Въ сочиненіи такихъ діалоговъ, а равно и рѣчей, стиховъ и привѣтствій на разныхъ языкахъ изощрялись не одни только учителя, но и сами ученики; отъ этихъ литературныхъ опытовъ до насъ сохранились по большей части одни заглавія, или краткія изложенія въ отчетахъ объ испытаніяхъ, которые отправлялись въ Училищный комитетъ для припечатанія въ Московскихъ вѣдомостяхъ. Такъ, на актѣ 26-го іюня 1826 г. произнесенъ былъ діалогъ „Плачъ и утѣшеніе“, сочиненный ученикомъ IV класса Тюринымъ: одинъ изъ разговаривающихъ изъявляетъ глубокую печаль о постигшемъ Россію несчастьѣ кончиною Государя Императора Александра I, а другой утѣшаетъ радостной надеждой благоденствія подъ скипетромъ пресвѣтлѣйшаго его преемника. Чаще встрѣчаются стихотворные опыты учениковъ. Такъ, 30-го марта 1815 г. ученикъ Дмитревскій произнесъ свою „Оду Богу“, ученикъ Алексѣевъ—стихотвореніе „Лѣто“, ученикъ Парской—„Восходъ солнца“, ученикъ Виноградовъ—„Буря“, ученикъ Колпаковъ—басню „Пальма и тыква“ и ученикъ Хвориковъ—„Эпитафію Багратіону“. 5-го сентября 1820 года ученикъ Алексѣй Смирновъ прочелъ съ каѳедры сочиненный имъ „Гимнъ Богу“. „Юный поэтъ, характеризуетъ его директоръ въ отчетѣ, счастливымъ изображеніемъ мыслей и благоговѣйнымъ повсюду разлитымъ чувствованіемъ, а паче—трогательнымъ произношеніемъ, вылившимся какъ бы изъ глубины сердца, превзошелъ самого себя и ожиданія своихъ товарищей и заслужилъ лестные отзывы отъ всего собранія“.

Въ концѣ изучаемаго періода въ ученическихъ опытахъ преобладаютъ вообще религіозныя темы. Такъ. въ 1823 году ученикъ Дмитревскій представилъ для акта свой вольный пере-

водъ съ нѣмецкаго въ стихахъ „Богъ есть Творецъ всѣхъ вещей“, а въ 1828 г. для той же цѣли ученикъ Царевскій написалъ стихотвореніе „Мои мысли о величіи Божіемъ“.

Кромѣ этихъ ученическихъ упражненій, необходимою составною частью каждаго открытаго испытанія служили рѣчи, произносимыя учителями. Несомнѣнно, что эти рѣчи въ свое время имѣли серьезное общественное значеніе; ими пользовались какъ средствомъ повліять на общественное сознаніе, внушить ему извѣстныя идеи и взгляды. Для авторовъ, какъ педагоговъ по призванію, особенно близка была идея важности и необходимости народнаго просвѣщенія, и дѣйствительно, цѣлый рядъ рѣчей затрогиваетъ эту тему. На первомъ же актѣ 18-го декабря 1804 г. учитель латинскаго языка Стрѣльцовъ сказалъ рѣчь „О благодѣтельномъ вліяніи наукъ на щастіе народовъ“. 7-го сентября 1808 г. учитель изящныхъ наукъ Евгеновъ произнесъ разсужденіе „О причинахъ, побуждающихъ государей стараться о просвѣщеніи“. Такой же характеръ носятъ рѣчи: „О преимуществѣ общественнаго воспитанія передъ частнымъ“ (рѣчь Евгенова 3 декабря 1808). „О томъ, что истинное просвѣщеніе доставляетъ душевное спокойствіе и сердечное удовольствіе“ (рѣчь Калайдовича 2-го августа 1811), „Объ отечественномъ воспитаніи юношества“ (рѣчь Остроумова 26 іюня 1827), „О необходимости просвѣщенія“ (рѣчь Збоева 25 іюня 1828 г.) и другія. Нѣкоторыя рѣчи, оставаясь въ той же области, затрогиваютъ болѣе частные вопросы. Такъ, въ 1808 г. (12 декабря) учитель естественной исторіи Виноградовъ „развилъ тему“ о томъ, „Какое твореніе во всѣхъ царствахъ природы есть благороднѣйшее“; 15 сентября 1809 г. учитель латинскаго языка произнесъ латинскую рѣчь „De utilitate linguae latinae“; онъ же 15 сентября 1811 г.—„De acquirendis studiis“; 22 іюня 1825 г. учитель того же языка Збоевъ произнесъ разсужденіе „Eruditio litterarum elegantium ducit ad cognitionem naturae et religionis“. 24 мая 1829 г. учитель математики Сохансвій сказалъ рѣчь „О пользѣ, получаемой нами отъ изученія природы“. Рѣчь учителя латинскаго языка Милославова 29 іюня 1832 г. была прочитана на тему „О пользѣ преподаванія латинской словесности въ учебныхъ заведеніяхъ и о вліяніи ея на успѣхи въ прочихъ наукахъ“, а въ апрѣлѣ 1833 г. учитель исторіи Богословскій говорилъ „О вліяніи ис-

торіи на человѣка въ умственномъ, нравственномъ и гражданскомъ отношеніи". Катихизаторы не отставали отъ другихъ учителей въ этой области и пользовались случаемъ пробудить религіозную мысль въ своихъ слушателяхъ. Таковы, наприм.. рѣчи катихизатора Смирнова „О средствахъ. руководствующихъ къ истинному счастію" (15-го сентября 1809 года). „О соединеніи ученія съ добродѣтелью" (15-го сентября 1810 года). „О важнѣйшей для человѣка надобности поучаться закону Божію" (2-го августа 1811 года). Позднѣе, когда все русское общество было охвачено религіозно-мистическимъ настроеніемъ, и свѣтскіе учителя берутъ для своихъ рѣчей темы, соотвѣтствующія этому направленію. Какъ извѣстно, толчекъ въ этомъ отношеніи данъ былъ Наполеоновскими войнами; событія того времени слишкомъ близко и непосредственно затрогивали интересы каждаго, чтобы можно было обойти ихъ молчаніемъ и не сдѣлать попытки дать имъ посильную оцѣнку.

На актѣ 13 декабря 1814 г. произнесены были двѣ рѣчи, одна изъ нихъ директоромъ Дмитревскимъ, другая—учителемъ Урываевымъ—и обѣ на одну тему. „Попущеніемъ праведнаго Судіи, говорилъ Дмитревскій, сила зла, поколебавъ царства земныя, нанесла ударъ и нашему отечеству. Со всеобщимъ смятеніемъ все вышло было изъ общественнаго порядка, и опустѣли храмы наукъ. Два года не могло придти въ прежнее свое положеніе и сіе святилище музъ. Питомцы наукъ не могли досел̂ѣ дать отчета просвѣщенной публикѣ въ упражненіяхъ своихъ. Но милосердіе небесъ крѣпкою рукою несравненнаго въ монархахъ Александра оковала ярость зла, даровала вселенной миръ и привела все въ прежнее устройство. Александру предопредѣлено явить міру торжество правды надъ ложью, свѣта надъ тьмою дѣяніями неслыханными въ лѣтописяхъ міра. Почтеннѣйшіе посѣтители! Мы созерцаемъ дивное знаменіе въ мірѣ физическомъ: съ 12 декабря на нашей половинѣ земнаго шара день прибавляется, а ночь уменьшается, то-есть свѣтъ возвышается, а тьма постепенно исчезать начинаетъ. Обладатель сѣвера Александръ родился въ сей день, чтобы среди мраковъ безбожія и вольнодумства, Европу облежащихъ, возжечь свѣтильникъ свѣта, который во тьмѣ свѣтится и котораго тьма не объемлетъ. Связавъ плѣницами заточенія клевет-

ника—врага Богу и человѣкамъ, онъ водворилъ миръ на землѣ и вмѣстѣ съ тѣмъ обратилъ вниманіе умовъ на истины, возвѣщенныя вселенной неимовѣрными событіями: уже начинаютъ съ уваженіемъ читать святую Библію въ такихъ земляхъ, гдѣ годъ тому назадъ посмѣивались ей. Уже начинаютъ спрашивать себя, не въ самомъ ли дѣлѣ отъ того потряслись царства Европы, что приняли безбожную систему Галловъ? Не въ самомъ ли дѣлѣ религія составляетъ незыблемость государствъ и благоденствіе народовъ?" Такъ характеризуетъ Дмитревскій тотъ поворотъ общественнаго мнѣнія въ эпоху, непосредственно слѣдующую за наполеоновскими войнами, выраженіемъ котораго явился Священный союзъ и учрежденіе Библейскаго общества. Самъ Дмитревскій, человѣкъ отъ природы очень религіозный и немного мистикъ, всей душой отдался этому новому теченію, былъ однимъ изъ основателей и ревностныхъ членовъ отдѣленія Библейскаго общества во Владимірѣ и подъ конецъ увлекся масонствомъ.

Въ томъ же духѣ прочелъ на этомъ актѣ свою рѣчь Урываевъ, изложившій „картины прошедшихъ ужасовъ, возымѣвшихъ начало свое отъ буйства умовъ, и разлитія сего зловреднаго потока во всемъ такъ называемомъ просвѣщенномъ свѣтѣ, и съ сильными чувствами благодаренія обратился восторженно къ родившемуся въ сей день спасителю Европы, кроткому царю Россовъ, ужасы войны на миръ премѣнившему и заблудшихъ на стезю правую приведшему". То же направленіе сказывается въ рѣчи Урываева, произнесенной 30 іюня 1818 г. на тему „О вліяніи благочестія на науки", въ которой авторъ, „изложа въ разительныхъ картинахъ преимущество руководствуемаго свѣтомъ религіи предъ блуждающимъ въ сумракѣ лжемудрія, излился въ пламенѣющемъ славословіи вѣнценоснаго помазанника Божія, повсюду міръ утвердившаго и невечернимъ свѣтомъ благочестія насъ озаряющаго". Въ протоколѣ публичнаго испытанія 5 сентября 1820 года сохранилась до насъ подобная этой краткая рецензія на разсужденіе Остроумова „О любви къ отечеству", въ которомъ авторъ „имѣетъ въ предметѣ вообще назиданіе учащихся и внушеніе наипаче той истины, что только тотъ любитъ отечество, кто есть поклонникъ вѣры и ревнитель правды". Важность предмета, основательность мыслей и сила выраженій почтены были, по словамъ протокола, отъ слушателей глубокимъ вниманіемъ.

Этимъ рѣчамъ учителей само высшее учебное начальство придавало большое значеніе. Предписаніе Училищнаго комитета отъ 23 марта 1823 г. требуетъ, чтобы старшіе учители гимназій непремѣнно произносили на публичныхъ испытаніяхъ приличныя рѣчи, а циркуляръ 21 іюля 1827 г. предписываетъ доставлять эти рѣчи въ университетъ для предварительнаго разсмотрѣнія.

Порядокъ публичнаго испытанія. Послѣ того, какъ всѣ учителя доставили директору списки учениковъ, назначаемыхъ къ переводу и къ награжденію, а также очередную диссертацію, ученическія сочиненія въ стихахъ и въ прозѣ на всѣхъ языкахъ и опыты рисованія, директоръ совмѣстно съ учителями составлялъ подробную программу открытаго испытанія, которая затѣмъ и разучивалась всѣми участниками. За нѣсколько времени до акта, назначался „приватный экзаменъ" — нѣчто вродѣ генеральной репетиціи, въ присутствіи одного только педагогическаго персонала. На приватномъ экзаменѣ 24 марта 1822 года нѣкоторые особенно отличившіеся ученики получили даже въ награду книги.

Публика извѣщалась о предстоящемъ торжествѣ заранѣе посредствомъ особыхъ объявленій, которыя распространялись по городу черезъ полицію; почетныя лица общества получали нарочныя отъ директора приглашенія. Въ назначенный день, обыкновенно часовъ въ 5 пополудни, съѣзжались въ гимназію „архіерей, гражданскій губернаторъ, высшее губернское чиновничество, знатнѣйшія духовныя и свѣтскія высокородныя особы и другіе разнаго званія и состоянія посѣтители". Большая зала гимназическаго дома принимала видъ, соотвѣтствующій торжеству. По одну сторону ея располагались учащіеся и стояли двѣ „катедры" для чтенія сочиненій и произнесенія рѣчей; по другую сторону стояли скамьи для простыхъ посѣтителей, обитыя зеленымъ сукномъ, а посрединѣ залы на возвышеніи устроенъ былъ столъ для производства физическихъ экспериментовъ и мѣста для засѣданія почетнѣйшихъ посѣтителей.

Торжество открывалось привѣтствіемъ къ посѣтителямъ на русскомъ, а иногда и на какомъ-либо изъ иностранныхъ языковъ. Затѣмъ, послѣ увертюры, исполненной оркестромъ военной музыки, слѣдовало самое „испытаніе", раздѣлявшееся на нѣсколько частей музыкальными или вокальными нумерами; подъ конецъ про-

читывались имена учениковъ, удостоенныхъ перевода въ высшіе классы и награжденія, и актъ завершался краткимъ изъявленіемъ благодарности посѣтителямъ, почтившимъ своимъ присутствіемъ гимназическій праздникъ. Иногда знатнѣйшія лица приглашались директоромъ къ приличному угощенію, а гимназическій домъ иллюминовался. Въ нашей гимназіи публичныя испытанія усложнялись еще тѣмъ, что они были общими у гимназіи съ уѣзднымъ училищемъ.

Для примѣра приведемъ программы двухъ такихъ торжественныхъ актовъ, одного въ первой, а другаго во второй половинѣ изучаемаго періода.

Типичнымъ образцомъ перваго можетъ служить открытое испытаніе 12 декабря 1808 г.—первое послѣ вступленія въ должность директора Дм. Ив. Дмитревскаго.

Актъ былъ открытъ сочиненною для сего торжества музыкою. Потомъ учитель уѣзднаго училища Метловъ произнесъ на россійскомъ языкѣ разсужденіе „О вліяніи наукъ на возвышеніе народовъ“. По окончаніи онаго произведено было испытаніе учениковъ уѣзднаго училища изъ св. исторіи и книги о должностяхъ человѣка и гражданина, а учениковъ гимназіи—изъ физики о силѣ и дѣйствіяхъ холода. Господа посѣтители находили удовольствіе сами дѣлать разные воспитанникамъ вопросы о сей же матеріи.

Засимъ слѣдовало второе отдѣленіе акта. По проиграніи музыки, учитель изящныхъ наукъ Евгеновъ говорилъ рѣчь „О преимуществѣ общественнаго воспитанія передъ частнымъ“. Потомъ четыре воспитанника гимназіи имѣли предъ посѣтителями разговоръ „О благодѣяніяхъ монарха“, доставившій публикѣ особенное удовольствіе.

По сыграніи andante къ третьему отдѣленію акта, учениками говорены краткія рѣчи и стихи на латинскомъ, французскомъ и нѣмецкомъ языкахъ. Представлены посѣтителямъ ученическіе опыты чистописанія на четырехъ языкахъ, рисованія и стихотворенія.

Провозглашены имена отличившихся учениковъ, и какъ за нѣсколько дней до сего торжества его сіятельство г. губернаторъ и почетный членъ Московскаго университета (кн. Ив. Мих. Долгорукій) прислалъ къ директору училищъ небольшую серебряную

медаль съ изображеніемъ на одной сторонѣ монарха нашего, а на другой—свѣтящейся изъ-за облака звѣзды съ девизомъ Nitet latendo, просилъ отдать ее при первомъ испытаніи юношей гимназіи тому, кто болѣе прочихъ отличился въ кротости нрава и скромномъ поведеніи, то директоръ, принявъ съ благодарностью столь достойное для гимназіи приношеніе и удовлетворяя благородному желанію сего знаменитаго покровителя наукъ и благотворителя гимназіи, дабы въ учащихся возбудить соревнованіе къ усовершенствованію себя въ добрыхъ качествахъ, избралъ для полученія оной изъ отличившихся учениковъ воспитанника Александра Шумилова, признаннаго болѣе прочихъ достойнымъ сей награды за отличное его благонравіе. Почему и вручена она ему при семъ случаѣ отъ его сіятельства по поднесеніи директоромъ. А прочимъ розданы книги. (Слѣдуетъ перечень 14 учениковъ).

По окончаніи слѣдовавшей за симъ музыкальной піесы, директоръ произнесъ рѣчь о цѣли своего назначенія, съ изъявленіемъ благодаренія публикѣ за посѣщеніе, и когда въ заключеніе рѣчи выражалъ отъ лица всей гимназіи чувства глубочайшей признательности ко всеавгустѣйшему виновнику бытія ея, принося ему во хвалу и честь всѣ ея начинанія, дѣла и успѣхи, то всѣ ученики возгласили троекратное „виватъ", а пѣвческій хоръ съ полнымъ оркестромъ возгремѣлъ кантъ во славу высочайшаго покровителя наукъ, въ продолженіе котораго знаменитѣйшіе посѣтители изъявляли какъ учащимъ, такъ и учащимся свое удовольствіе и благодарность. Преосвященный Ксенофонтъ подарилъ гимназіи св. Библію на славянскомъ языкѣ въ 4 томахъ, а г. предсѣдатель Уголовной палаты статскій совѣтникъ и кавалеръ Александръ Родіоновичъ Зюзинъ—5 руб. на покупку книгъ для бѣдныхъ учениковъ.

Начавшись въ 5 часовъ пополудни, актъ кончился въ половинѣ 8 часа; въ продолженіе его посѣтителямъ было сдѣлано приличное угощеніе. Собраніе было необычайно многочисленно. Весь гимназическій домъ былъ освѣщенъ, и на балконѣ онаго выставлена была прозрачная картина съ вензеловымъ именемъ Александра I.

А вотъ краткая программа публичнаго испытанія, имѣвшаго мѣсто въ концѣ іюня 1819 г. и отличавшагося нѣсколько инымъ колоритомъ, сообразно духу времени.

1. Хоръ пѣвчихъ откроетъ актъ пѣніемъ Царю небесный.
2. Законоучитель произнесетъ разсужденіе о надобности внушать дѣтямъ съ самаго младенчества благочестіе и страхъ Божій.
3. Сдѣлается испытаніе ученикамъ въ законѣ Божіемъ.
4. Пѣснь Премудрости Наставниче.
5. Изложатся начала геометріи.
6. Скажутся переводы и рѣчи на иностранныхъ языкахъ.
7. Будетъ разсмотрѣнъ минералогическій кабинетъ.
8. Разговоръ по сему предмету.
9. Пѣснь Коль славенъ.
10. Представятся опыты чистописанія, рисованія и музыки.
11. Прочтется списокъ учениковъ, назначенныхъ къ переводу и удостоенныхъ награжденія.
12. Ода въ похвалу просвѣщенія.
13. Хоръ пѣвчихъ воспоетъ Тебѣ Бога хвалимъ.
14. Привѣтствіе посѣтителямъ.
15. Многолѣтіе государю императору.

Награжденія учениковъ. § 62 Устава гласитъ, что ученикамъ наиболѣе отличившимся раздаются награды послѣ открытаго испытанія, дабы увеличить соревнованіе. Но при этомъ остается неразъясненнымъ, въ чемъ должны состоять эти награды и какія условія требуются для ихъ полученія. На первомъ по времени публичномъ испытаніи 18-го декабря 1804 г. князь Ив. Мих. Долгорукій, примѣчая съ удовольствіемъ успѣхи учащихся, обнаружилъ оное раздачею въ награжденіе оказавшимъ превосходные успѣхи и прилежаніе по двѣ, а прочимъ отличившимся по одной книгѣ. Всѣхъ удостоенныхъ награжденія оказалось 19 человѣкъ. Нѣкоторымъ изъ нихъ награды выданы за успѣхи не по всѣмъ, а только по нѣкоторымъ предметамъ. Такъ, 4 ученика получили по двѣ книги за успѣхи оказанные ими въ четырехъ предметахъ: математикѣ, исторіи, латинскомъ и нѣмецкомъ языкахъ, а остальные 15 человѣкъ получили по одной книгѣ за успѣхи въ одномъ

какомъ-либо изъ поименованныхъ предметовъ. Въ послѣдующее время, кромѣ книгъ, въ награду давались похвальные листы, но за весь изучаемый періодъ не установилось опредѣленнаго взгляда на то, какую изъ этихъ наградъ считать высшею. Распредѣленіе ихъ по степенямъ отличалось произвольностью и мѣнялось чуть ли не ежегодно. Такъ напримѣръ въ 1817 г. установлена была у насъ такая система: ученики, получившіе отличную аттестацію отъ шести учителей, удостоиваются похвальнаго листа и книги; одобреніе отъ пяти учителей даетъ право на похвальный листъ, а отъ трехъ учителей—на книгу; наконецъ ученикамъ, оказавшимъ успѣхи въ одномъ предметѣ, выражается словесная похвала. Въ 1819 году эта система нѣсколько видоизмѣняется: одобреніе отъ 5 учителей даетъ право на похвальный листъ; такое же одобреніе отъ 3 или 2 учителей—на книгу, а рекомендація одного учителя влечетъ за собою словесную похвалу. Въ 1826 году встрѣчаемъ опять новый порядокъ распредѣленія наградъ: высшую степень составляетъ книга, похвальный листъ и внесеніе въ списокъ отличныхъ, который помѣщается въ залѣ въ золотой рамѣ за стекломъ; вторую степень—книга и третью—похвальный листъ. Въ 1827 году кромѣ вышеприведенныхъ трехъ степеней наградъ упоминается еще четвертая—„похвальные листочки въ поощреніе“. Наконецъ въ 1830 г. установлено было цѣлыхъ 5 степеней наградъ: 1-й степени—похвальный листъ и книга перваго разряда, 2-й степени—похвальный листъ и книга 2-го разряда, 3-й степени—книга 1-го разряда, 4-й степени—книга 2-го разряда и 5-й степени—книга 3-го разряда. Кромѣ книгъ и похвальныхъ листовъ за нѣкоторые годы въ числѣ наградъ упоминаются также эстампы, какъ напр. въ 1809 и 1816 гг.

При отсутствіи точныхъ правилъ, которыя бы опредѣляли условія, необходимыя для полученія наградъ, число учениковъ, ежегодно удостоивавшихся награжденія, было несоотвѣтственно велико, какъ по отношенію къ общему числу учениковъ, такъ и къ числу переведенныхъ изъ класса въ классъ. За нѣкоторые годы цифры эти поражаютъ непривычный глазъ. Приведемъ данныя за нѣкоторые годы, отъ которыхъ сохранились до насъ вполнѣ точныя свѣдѣнія.

Годы.	Обще число учениковъ.	Число переведенныхъ по классамъ.	Число удостоенныхъ награжденія.
1811.	33	13	15
1814.	37	11	8
1816.	42	13	20
1820.	25	12	14
1823.	48	16	22
1824.	52	15	22
1828.	49	23	42
1829.	49	21	30
1830.	71	19	22
1832.	75	32	19

Какъ видно изъ приведенной таблицы, въ нѣкоторые годы награды получало болѣе половины всего числа учениковъ гимназіи, и нерѣдко число получившихъ награды бывало больше числа переведенныхъ въ высшіе классы; слѣдовательно бывали случаи, что награжденія удостоивался ученикъ, оставшійся въ томъ же классѣ.

Что касается до наградныхъ книгъ, то въ первое время преобладали книги и брошюры естественно-историческаго или нравственнаго содержанія, нерѣдко также учебники; таковы: Дѣтская физика, Руководство къ познанію природы, О естественномъ нравоученіи, Общественный человѣкъ, Мысли о громѣ и молніи, О всеобщей связи въ натурѣ, христоматіи: латинская, французская, нѣмецкая, и другія учебныя книги. Занимая должность директора, Дмитревскій обыкновенно назначалъ въ награду ученикамъ брошюры религіозно-нравственнаго содержанія, которыя онъ или составлялъ самъ, или переводилъ съ иностранныхъ языковъ; таковы: Человѣкъ по физикѣ и морали, Природа—зеркало благости и премудрости Творца, Ученіе человѣческаго сердца, О безконечномъ богатствѣ натуры, Зеркало добродѣтели и благонравія, Дивный промыселъ Божій о сохраненіи тварей, и многія другія въ такомъ же родѣ. Съ 1815 г. среди наградныхъ книгъ начинаютъ рѣшительно преобладать книги религіознаго содержанія. Такъ, 29 іюня 1817 г. розданы были

въ награды слѣдующія: Quelques traits de l'église, Разговоры о православіи, Духовные отрывки, Мысли о мистикѣ.

Во всѣхъ сохранившихся до насъ спискахъ наградныхъ книгъ въ теченіе двадцатыхъ годовъ на первомъ планѣ фигурируютъ или прямо книги Св. Писанія, или такія сочиненія какъ „Надгробныя рѣчи" Боссюэта, „О подражаніи Христу" Ѳомы Кемпейскаго, „Поученіе какъ въ церкви стоять", „Краткій и легчайшій способъ молиться" и другія въ томъ же родѣ.

Для похвальныхъ листовъ не было одной опредѣленной формы, и они, хотя и одинаковые по содержанію, разнились другъ отъ друга по формѣ изложенія. Достаточно для примѣра привести два изъ нихъ.

„15 сентября 1809 года ученикъ вышняго отдѣленія наукъ Владимірской гимназіи Александръ Фрейдекеръ впродолженіе ученія своего въ оной оказывалъ отличные успѣхи, велъ себя честно и благородно, и какъ ревностью къ ученію, такъ и благонравіемъ всегда служилъ примѣромъ своимъ товарищамъ. Гимназія въ засвидѣтельствованіе столь хорошихъ качествъ своего воспитанника, при семъ публичномъ актѣ даетъ ему похвальный листъ".

„27 августа 1822 года, въ день публичнаго экзамена во Владимірской гимназіи, въ присутствіи почтеннѣйшихъ посѣтителей, ученику Алексѣю Ѳедотову по общему засвидѣтельствованію учителей о его благонравіи, скромномъ обращеніи съ товарищами, ревностномъ и успѣшномъ прохожденіи наукъ, данъ сей похвальный листъ, какъ для возбужденія въ немъ новыхъ силъ кончить съ похвалою ученіе, такъ и для укрѣпленія примѣромъ его другихъ неослабно продолжать оное".

Сохранилось до насъ еще одно краткое извѣстіе объ очень оригинальномъ способѣ поощрить успѣвающихъ учениковъ и устыдить лѣнивыхъ. На публичномъ испытаніи 8 октября 1816 г. въ самомъ началѣ всѣ ученики были выстроены въ линію, послѣ чего лѣнивые были вызваны впередъ поименно, по особому списку, и поставлены особо отъ прочихъ. Въ промежуткахъ между отдѣльными нумерами акта прилежные ученики получали сначала по горсти изюму, а потомъ—орѣховъ; лѣнивые же ничего не получили, и подъ конецъ имъ сдѣлано было приличное увѣщаніе.

Экстренныя открытыя испытанія имѣли мѣсто также и среди учебнаго года, въ случаяхъ посѣщенія гимназіи кѣмъ-либо

изъ представителей Московскаго университета въ качествѣ визитатора. Правда, такіе случаи въ нашей гимназіи были довольно рѣдки.

До насъ сохрались извѣстія о посѣщеніяхъ: профессора Прокоповича-Антонскаго въ іюнѣ 1805 года, профес. Арженевскаго въ 1806 году, профес. Снегирева—въ сентябрѣ 1808 г., попечителя Московскаго учебнаго округа князя Оболенскаго—въ маѣ 1823 г. и профессора Васильевскаго—въ августѣ 1827 г. Въ общемъ эти испытанія носили обычный характеръ, съ того только разницею, что визитаторы обыкновенно производили ученикамъ дѣйствительное, а не фиктивное испытаніе, лично задавая вопросы по всѣмъ предметамъ. Такая же экстраординарная повѣрка „классическихъ" познаній учащихся была произведена въ теченіе четырехъ дней съ 2 по 6 апрѣля 1829 г. вновь назначеннымъ на мѣсто Дмитревскаго директоромъ Калайдовичемъ. Испытаніе это было произведено въ присутствіи всего педагогическаго совѣта, и отличившимся ученикамъ розданы были въ награду книги.

Торжественныя собранія устраивались иногда по случаю посѣщенія гимназіи какимъ-либо высокопоставленнымъ лицомъ, хотя бы и не принадлежащимъ къ учебному вѣдомству. Такъ, сохранилось довольно подробное описаніе такого торжества, бывшаго въ нашей гимназіи 3 ноября 1818 года по случаю посѣщенія ея главнокомандующимъ расположенныхъ во Владимірѣ войскъ генераломъ отъ кавалеріи княземъ Д. В. Голицынымъ съ генералитетомъ и прочими воинскими чинами. Актъ этотъ пришелся въ воскресенье и совпалъ съ катехизаторской лекціей и съ ежемѣсячной экзерциціей въ словесности, а потому программа его имѣетъ двойной интересъ. Князь Голицынъ былъ встрѣченъ латинскимъ привѣтствіемъ: Serenissime Princeps, atque vos, viri spectatissimi! Quum ex visitatione vestra honorem accepimus, non ad laudem nostram litterariam pertinere censemus, sed unico erga artes liberales amore vestro et in disciplinarum alumnos indulgenti humanitate nobis concessum perlubenter credimus. Cum amplitudo virorum de patria optime merentium tenuitatem non despexerit nostram, imo favorem exhibet insignem et tutam clientelam, nihil nobis restat nisi animo devotissimo maximas referre gratias!

Затѣмъ, послѣ пѣнія „Премудрости Наставниче", прочитано было воскресное Евангеліе, и катихизаторъ далъ свое изъясненіе онаго, послѣ чего тирады на иностранныхъ языкахъ чередуются съ пѣніемъ и музыкою, чтеніемъ литературныхъ отрывковъ и стихотвореній. Одно изъ стихотвореній „О подвигахъ русскихъ героевъ", произнесенное нѣсколькими учениками въ формѣ бесѣды, сохранилось до насъ; авторъ его, какъ кажется, учитель изящныхъ наукъ Урываевъ.

Героевъ Русскихъ вождь—любитель просвѣщенья!
Прости, что юношей сердечныя стремленья
Не могутъ обрѣсти достойныхъ нынѣ словъ:
Стѣсняется полетъ предѣлами стиховъ.
Музъ кроткихъ торжество и подвиги сраженій
Какой изобразитъ въ одной картинѣ геній?
Средь тысячи громовъ, мятущихъ страхомъ духъ,
Съ улыбкой преклонять къ вѣщаньямъ мирнымъ слухъ,
Обвить побѣдный шлемъ и пальмой и оливой,
И лавры возрастить! О день, о день счастливый!
Что можно пожелать—въ себѣ ты, князь, явилъ,
Россійскій меценатъ—душа Россійскихъ силъ!
Какъ ангелъ средь гражданъ, какъ смерть врагамъ ужасенъ,
Не всякій ли пѣвецъ явится здѣсь безгласенъ?
О князь, се правды рѣчь, нельстящіе цвѣты;
Они увянутъ тамъ, гдѣ Богъ, гдѣ царь, гдѣ ты!

Какимъ трепещутъ восхищеньемъ
Невинной юности сердца;
Но кто насъ подружилъ съ отраднымъ просвѣщеньемъ,
Внимать и слѣдовать велѣніямъ Творца,
Природѣ удивляться,
Изящнымъ восхищаться,
И въ охраненьи царствъ, въ родившемся цвѣткѣ,
И въ капелькѣ росы, въ разлившейся рѣкѣ:
Не ты-ль, державный вождь, чья мышца адски строи
Любовію своихъ сыновъ превозмгла.
Герои!
Не ваши-ль се дѣла?!

Не менѣе оригинальною вышла встрѣча, устроенная нашей гимназіей посѣтившему ее въ ноябрѣ 1821 г. графу Дм. Ив. Хвостову, сенатору, почетному члену Московскаго университета и

кавалеру, извѣстному въ свое время писателю. Графъ посѣтилъ гимназію въ утреннее учебное время и прямо направился въ тотъ классъ, гдѣ преподавалась риторика и логика; учитель этихъ предметовъ Остроумовъ привѣтствовалъ „высокопочтеннѣйшаго“ гостя въ слѣдующихъ словахъ: „Сіятельнѣйшій графъ! Не удивитесь. что дѣти встрѣчаютъ васъ смѣлыми взорами и безъ малѣйшей робости. Молва предупредила ваше прибытіе. Они уже знаютъ. что въ видимой ими особѣ вельможи встрѣчаютъ они знаменитаго друга музъ и покровителя развивающихся талантовъ. Каждый изъ нихъ уже прежде чертилъ въ душѣ своей по описанію о васъ образъ вашей кротости и благоволенія къ намъ; и каждый изъ нихъ уже приготовляется разсказывать въ кругу своего семейства о счастливомъ часѣ, въ который они удостоились вашего воззрѣнія. И удивительно ли, если они, занятые въ сіе время толпою идею, возбужденныхъ въ ихъ юныхъ душахъ вашимъ присутствіемъ, не успѣютъ удовлетворить вопросамъ, кои бы вдохнуло ваше въ нихъ теперешнее участіе. Они хотѣли бы лучше спѣшить съ своею къ вамъ благодарностью, но чувствуютъ, сколь безсильны оную выразить: они учатся еще только мыслить и говорить. Слабые въ краснорѣчіи, они прибѣгаютъ къ вашему чадолюбивому сердцу и своими взглядами убѣждаютъ его быть ораторомъ, бывъ увѣрены, что любовь ваша къ ихъ возрасту привлекла васъ въ сіи мѣста; пусть же она и усладитъ трудъ, вами подъятый, пріятною мыслью, что вы своимъ посѣщеніемъ раздуете въ нѣкоторыхъ изъ сихъ зримыхъ юношей искру ума въ сильное пламя, объемлющее всѣ науки, съ желаніемъ, чтобъ стать на ряду если не съ мужами, безсмертіемъ вѣнчанными, но по крайней мѣрѣ заслужившими вниманіе современниковъ своими трудами и усердіемъ къ общественному благу. Для сихъ и имя и образъ вашего сіятельства пребудутъ звѣздою, ведущею къ желанной ими цѣли; звѣздою, лучи коей въ душахъ ихъ во всю жизнь будутъ отражаться. А когда творенія вашего ума, переживши бренное тѣло, возбудятъ въ потомкахъ желаніе узнать ваши дѣянія, тогда да не забудутъ и сей день,—тогда, собравши всѣ случаи вашей жизни, узнаютъ, сколько сердце ваше, дышащее любовію къ прекрасному, истинному и небесному, достойно раздѣлить славу вашего генія, достойно безсмертія въ будущихъ вѣкахъ; узнаютъ. что славимая вами добродѣтель на лирѣ была еще паче прослав-

лена вашими дѣяніями“. Осмотрѣвъ всѣ классы гимназіи и уѣзднаго училища, гдѣ было произнесено привѣтствіе въ стихахъ, графъ въ сопровожденіи всѣхъ учителей и учениковъ направился въ гимназическую библіотеку и здѣсь со свойственной ему кротостью бесѣдовалъ съ учителями около часа о разныхъ предметахъ и особливо о древностяхъ здѣшняго города и о средствахъ распространить просвѣщеніе. По выходѣ изъ библіотеки, всѣ направились въ залу, гдѣ гимназическій оркестръ привѣтствовалъ его сіятельство играніемъ увертюры и нѣкоторыхъ другихъ піесъ, кои благосклонно были имъ выслушаны; затѣмъ одинъ изъ гимназистовъ, восхищенный благосклонностью мецената, произнесъ въ честь ему отъ лица всѣхъ нѣсколько экспромтныхъ куплетовъ, тутъ же имъ составленныхъ, подъ заглавіемъ „Восторгъ одного изъ гимназистовъ“.

Давно ужъ лиры громкой
Твоей былъ слышанъ гласъ;
Давно ея гласъ звонкой
Уже гремѣлъ у насъ!

*
* *

Исполненны хотѣнья
Тебя чтобъ видѣть, мы
Зримъ нынѣ въ восхищеньи
На доблести твои.

*
* *

Позволь же здѣсь, о мужъ почтенный,
Тебѣ принесть отъ сердца намъ
Любови пламенемъ вскуренный
И благодарный ѳиміамъ,

*
* *

Что днесь, вельможа знаменитый,
Нося знакъ чести на себѣ,
Ты, сѣдинами весь покрытый,
Явился милостивъ ко мнѣ!

*
* *

И внялъ со многимъ снисхожденьемъ
Моимъ столь слабымъ симъ строкамъ,
Къ тебѣ, къ тебѣ-ль за то почтеньемъ
Въ насъ юнымъ не пылать сердцамъ?!

Въ заключеніе, ласковое прощаніе графа съ директоромъ, учителями и учениками увлекло на нѣсколько времени мысли и сердца вслѣдъ за его сіятельствомъ и оставило столь пріятное о семъ воспоминаніе, что „мы, говорится въ протоколѣ этого акта, сердечно желали бы еще много разъ видѣть у себя дорогаго гостя. О, когда бъ наша гимназія чаще была посѣщаема таковыми знаменитами въ отечествѣ мужами! Дѣти симъ болѣе, нежели наставленіями учителей, увѣряются въ важности наукъ, а родители—въ превосходствѣ публичнаго воспитанія.“

Измѣненіе въ характерѣ публичныхъ испытаній. Подъ конецъ изучаемаго періода открытыя испытанія измѣнили свой характеръ, приблизившись нѣсколько къ тому порядку, какой господствуетъ и въ настоящее время. Новый порядокъ заведенъ былъ директоромъ Калайдовичемъ съ 1830 года; состоялъ онъ въ томъ, что испытанія въ собственномъ смыслѣ были отдѣлены отъ торжественнаго акта, который служилъ ихъ завершеніемъ; впрочемъ, какъ самыя испытанія, такъ и актъ сохранили публичный характеръ. Въ исторической запискѣ объ учебныхъ заведеніяхъ Владимірской дирекціи за 1830 г. говорится, что открытыя испытанія учениковъ продолжались съ 20-го по 26-е августа ежедневно съ 9 до 12 часовъ утра и съ 3 до 6 часовъ пополудни; 31-го же августа происходило „торжественное годичное собраніе для раздачи наградъ“. Сохранилось самое росписаніе экзаменовъ:

УТРОМЪ.	ПОПОЛУДНИ.
20 авг.—законъ Божій.	Россійская словесность и логика.
21 авг.—исторія и географія.	Латинск. и греческ. языки.
23 авг.—математика и физика.	—
25 авг.—натуральн. исторія.	Нѣмецкій языкъ.
26 авг.—франц. языкъ и рисованіе.	—

Особенность этого росписанія составляетъ, во-первыхъ, то, что экзамены произведены были не въ концѣ учебнаго года, а въ началѣ слѣдующаго, и при томъ нѣсколько недѣль спустя послѣ начала ученія; во-вторыхъ—что въ основу его положено раздѣленіе по предметамъ, а не по классамъ, и въ-третьихъ—отсутствіе письменныхъ работъ. Однако въ 1832 г. экзамены отне-

сены были къ іюню и происходили отъ 20-го по 26-е число, а 29-го былъ торжественный актъ, тогда какъ въ 1833 г. экзамены продолжались съ 2-го по 6-е августа, а 10-го былъ торжественный актъ.

Пріемныя испытанія. Все что до сихъ поръ говорилось, имѣетъ отношеніе къ переводнымъ испытаніямъ. Что же касается до пріемныхъ, то Уставъ объ нихъ ничего не упоминаетъ. Въ теченіе всего времени до 1833 г. большую часть вновь поступающихъ въ гимназію составляли ученики уѣзднаго училища, которымъ никакихъ особыхъ испытаній не дѣлалось, и все дѣло ограничивалось тѣмъ, что на экзаменахъ въ уѣздномъ училищѣ присутствовалъ представитель отъ гимназіи въ лицѣ одного изъ учителей. Посторонніе лица не изъ учениковъ уѣздныхъ училищъ принимались по особому испытанію, но такіе случаи бывали крайне рѣдко, не болѣе 30 за все время. Никакого срока для этихъ испытаній не полагалось, и они случались во всякое время года.

Аттестаты объ окончаніи курса. Первые аттестаты, выданные въ нашей гимназіи, относятся къ 1805 году. Но аттестаты эти, вплоть до 1822 года, выдавались безразлично ученикамъ выбывающимъ какъ до, такъ и по окончаніи полнаго курса наукъ, не смотря на то, что § 63 Устава разрѣшаетъ выдачу аттестатовъ только окончившимъ совершенно теченіе наукъ, а предписаніе Главнаго правленія училищъ отъ 26 марта 1810 г. подтвердаетъ этотъ параграфъ Устава. Справедливость вышеприведеннаго положенія доказывается 1) тѣмъ, что всѣ 8 учениковъ, получившіе аттестаты за время 1805—1808 гг., отмѣчены въ общемъ спискѣ выбывшими „безъ переводу“ изъ I класса во II-й. При этомъ остается неразрѣшимымъ вопросъ, почему весьма многіе изъ другихъ учениковъ за то же время, выбывшіе также безъ переводу, не получили аттестатовъ? Видѣть ли въ этомъ канцелярскій недосмотръ, или же это имѣло какое-либо дѣйствительное основаніе?

2) Съ 1808 по 1812 годы выдано было 16 аттестатовъ, тогда какъ IV классъ былъ открытъ только въ 1811 году, и уже въ силу этого аттестованные не могли кончить полнаго курса.

3) Даже и послѣ 1812 года аттестаты нерѣдко выдавались ученикамъ пробывшимъ въ гимназіи менѣе 4 лѣтъ, при поступ-

леніи въ I классъ. Такъ. въ 1814 году получилъ аттестатъ Василій Брюховъ, пробывшій 3 года въ I классѣ и выбывшій „недождавшись переводу“. Въ 1822 г. такіе же аттестаты выданы были Платону Соколову, поступившему изъ уѣзднаго училища въ I классъ и пробывшему въ немъ 1 годъ, и Алексѣю Ратомскому, поступившему съ домашней подготовкой въ I классъ въ 1821 году. Въ 1825 г. аттестаты были выданы также ученикамъ I класса Иванову и Петру Александровскому, и II класса Александру Александровскому, Михайлову и Рюминскому. Такіе же примѣры встрѣчаются и позднѣе.

Для выдачи аттестатовъ, также вопреки ясному смыслу 63 статьи Устава, не было назначено опредѣленнаго времени въ году. Всякій желающій выбыть ученикъ заявлялъ объ этомъ директору, подвергался испытанію въ тѣхъ предметахъ, коими занимался, и получалъ аттестатъ, который такимъ образомъ скорѣе соотвѣтствуетъ современному свидѣтельству, выдаваемому до окончанія полнаго курса, нежели аттестату въ строгомъ смыслѣ этого слова. Выдавались они въ самое различное время года; для примѣра достаточно взять аттестаты за 1819 годъ: всего въ этомъ году было выдано 10 аттестатовъ, изъ которыхъ три выданы 24 января, одинъ—16 апрѣля, одинъ—28 мая, одинъ 21 іюля, три 16 октября и одинъ—5-го декабря. Только съ 1827 года замѣчается болѣе порядка въ этомъ отношеніи, и выдача аттестатовъ отнесена къ концу учебнаго года, хотя все-таки производится не на открытомъ испытаніи, какъ того требуетъ Уставъ.

Начиная съ 1822 года, благодаря неоднократнымъ напоминаніямъ со стороны университетскаго начальства (предп. Правл. унив. отъ 4 октября 1822 г. и предп. Учил. ком. отъ 11 сентября 1823 г.), въ нашей гимназіи аттестатовъ удостоиваются только кончившіе полный курсъ ученія, а ученикамъ, выбывающимъ до окончанія курса, выдаются простыя свидѣтельства за подписью одного директора.

Опредѣленной формы для аттестатовъ не существовало, и редакція ихъ, подобно похвальнымъ листамъ, мѣнялась изъ году въ годъ. Для примѣра приведемъ два аттестата:

1. Ученикъ Владимірской губернской гимназіи Василій Дубровскій, сынъ титулярнаго совѣтника Аполлона Дубровскаго, обучался въ оной ариѳметикѣ, алгебрѣ, геометріи, исторіи, геогра-

фіи, технологіи, философіи, словеснымъ наукамъ, языкамъ французскому и нѣмецкому съ хорошими успѣхами и велъ себя добропорядочно, за что при публичныхъ экзаменахъ былъ награждаемъ книгами. Въ чемъ и данъ ему сей аттестатъ за подписаніемъ директора училищъ Владимірской губерніи и учителей, съ приложеніемъ гимназической печати. Владиміръ 10 августа 1816 г.

2. Ученикъ Владимірской губернской гимназіи Павелъ Дмитревскій, поступивъ въ оную въ 1815 году, обучался положеннымъ по Уставу предметамъ и при похвальномъ прилежаніи и примѣрно-благородномъ поведеніи оказалъ успѣхи: въ ученіи закона Божія—хорошіе; въ ариѳметикѣ, алгебрѣ, геометріи и началахъ физики—наилучшіе; въ исторіи, географіи и статистикѣ—очень хорошіе; въ естественной исторіи—отличные; въ риторикѣ и логикѣ—весьма значительные; въ латинскомъ, французскомъ и нѣмецкомъ языкахъ—отличные. Въ музыкѣ и рисовальномъ искусствѣ—достаточные. За что при публичныхъ и приватныхъ экзаменахъ награждаемъ бывалъ книгами, эстампами и похвальными листами. Сверхъ сего, съ примѣрнымъ раченіемъ исправлялъ возложенную на него должность инспектора классовъ и обязанности учителей гимназіи во время ихъ отлучекъ. Въ увѣреніе чего и данъ ему сей аттестатъ за подписаніемъ директора и учителей, съ приложеніемъ гимназической печати. Марта 15 дня 1822 года.

Въ самомъ концѣ изучаемаго періода приняты были особыя мѣры къ тому, чтобы установить болѣе опредѣленный порядокъ выдачи гимназическихъ аттестатовъ. Еще циркулярное предложеніе министра народнаго просвѣщенія отъ 13 сентября 1828 г. вводитъ единообразіе въ редакцію этихъ аттестатовъ, требуя, чтобы въ нихъ по особой формѣ отмѣчалось: имя и возрастъ ученика, съ именемъ и состояніемъ его отца, время его пребыванія въ гимназіи, поведеніе въ отношеніи къ соучащимся и къ начальству, прилежаніе и познанія. Тотъ же циркуляръ устанавливаетъ три степени аттестатовъ, изъ которыхъ двѣ первыя носятъ названіе „увольнительныхъ свидѣтельствъ" I-й и II-й степени, а третья—„экзаминаціоннаго свидѣтельства". Для полученія свидѣтельства I-й степени, опредѣляющаго „безусловную способность" ученика, требуется на испытаніи оказать равно достаточныя свѣдѣнія въ греческомъ, латинскомъ, россійскомъ и нѣ-

мецкомъ языкахъ, въ географіи и исторіи, въ математическихъ и естественно-историческихъ наукахъ. Такія же свѣдѣнія въ языкахъ и посредственныя знанія въ наукахъ даютъ право на полученіе свидѣтельства II-й степени, характеризующей „условную способность“ ученика; наконецъ свидѣтельство третьей степени обозначаетъ недостаточныя познанія и совершенную неспособность. Въ нашей гимназіи эти правила введены были только въ 1832 г., въ силу особаго распоряженія попечителя Московскаго учебнаго округа (отъ 13 апрѣля 1832 г., на основаніи Высочайшаго указа отъ 9 ноября 1831 года), установившаго болѣе строгія условія пріема молодыхъ людей въ университетъ.

Въ концѣ іюня 1832 г. три ученика IV класса Василій Кувшиновъ, Николай Пузановъ и Павелъ Сахаровъ подали прошеніе директору, въ которомъ, заявляя о своемъ намѣреніи поступить въ университетъ, просятъ подвергнуть ихъ для этой цѣли испытанію. Любопытно, что эти ученики принимали участіе въ общихъ испытаніяхъ, происходившихъ въ концѣ іюня, и уже получили аттестаты объ окончаніи курса по старой формѣ; тѣмъ не менѣе имъ назначены были вновь особыя испытанія, отложенныя на 3 августа, на основаніи которыхъ Кувшиновъ получилъ свидѣтельство II-й степени, а Пузановъ и Сахаровъ—III-й. До насъ сохранились нѣкоторыя подробности этого экзамена, которыя мы и приводимъ. Единственный предметъ, по которому произведено было письменное испытаніе, была россійская словесность; абитуріентамъ задана была тема для сочиненія: „Что нужно для пріобрѣтенія въ жизни душевныхъ спокойствій, составляющихъ истинное на землѣ счастіе?“ Лучшее сочиненіе, въ смыслѣ отсутствія орѳографическихъ ошибокъ, а также по языку и мыслямъ, было представлено ученикомъ Василіемъ Кувшиновымъ; оно выше двухъ другихъ еще и въ томъ отношеніи, что въ немъ, сквозь общепринятую въ то время напыщенную риторическую форму, сквозитъ истинное чувство, нѣкоторый лирическій паѳосъ. Считаемъ умѣстнымъ привести его цѣликомъ.

„Человѣкъ, сіе столь дивное, чудное твореніе Зиждителя міровъ, сей вѣнецъ и краса произведеній десницы Его, столь многообразенъ, непостижимъ по существу своему, что самъ иногда не познаетъ себя. Сей царь, сей рабъ, сей червь, сей богъ есть самое благороднѣйшее, величественное твореніе и самое низкое,

гнусное чудовище! Умъ его не хочетъ оставаться въ той тѣсной для него сферѣ, которою Премудрый Творецъ облекъ его. Онъ хочетъ вознестись выше, выше—достигнуть даже невозможнаго. Бурныя, свирѣпыя волны необозримыхъ океановъ не удерживаютъ его честолюбія; недосягаемые хребты исполиновъ земныхъ не остановятъ кровожадной руки его; хладныя, оледенѣлыя объятія земли не устрашатъ его сребролюбія, и самое небо, есть ли бы обладало сокровищами земными, прельстило бы его. Жалкій смертный! Ты ищешь блаженства, но не находишь его; ибо ты ищешь блаженства суетнаго, и оно исчезаетъ предъ очами твоими. Заблужденіе твое велико—одно блаженство небесное, райское, должно восхищать душу твою, созданную отъ Всевышняго величественною, благородною, но преобразованную тобою. Вѣра въ Бога, надежда на Его милосердіе и любовь ближнихъ суть важнѣйшія средства къ достиженію блаженства небеснаго, а черезъ сіе и земного. Вѣра—сіе существо ангельское, божественное, прелестное, есть цѣлительный бальзамъ, напояющій милліоны сердецъ, готовыхъ вмѣстить его. Надежда на Того, по велѣнію Коего вращаются безчисленныя миріады міровъ, безъ воли Коего и власъ главы нашей не погибнетъ, есть божественная манна, насыщающая смертныхъ. Любовь ближнихъ, а посему и Бога, яко Отца нашего небеснаго, Благодѣтеля и Искупителя, есть лучъ, просвѣщающій духъ нашъ и согрѣвающій благотворной силой своею всѣ органы наши. Человѣкъ, облеченный свѣтоносной порфирою сихъ небесныхъ добродѣтелей, возвышается надъ обыкновенною сферою подобныхъ ему, блаженствуетъ на земли, и душа его недоступна горестямъ и безпокойствамъ. Его душа и вся жизнь подобна тихому, безмолвному морю, и ни одна печальная минута не отравитъ блаженной жизни его".

Учитель россійской словесности, теоріи краснорѣчія и логики Остроумовъ даетъ характеристику Кувшинова въ такихъ словахъ: „замѣчается нѣкоторая опрометчивость и скорость характера, происходящая не столько отъ легкомыслія, сколько отъ темперамента, и усиленная еще болѣе привычкою отъ семейственныхъ обстоятельствъ. Въ теоріи краснорѣчія, при охотѣ и внимательности, успѣхи посредственные, по недостатку глубокомыслія, равно и въ логикѣ. Въ сочиненіяхъ больше усматривается чувство, одушевляемое благочестіемъ и патріотизмомъ, но примѣтны недостатки въ мысляхъ и порядкѣ".

Два другихъ сочиненія, представленныя на ту же тему, по справедливымъ словамъ рецензента, отличаются „безпорядкомъ мыслей, недостаткомъ благородства въ штилѣ и яркостью орѳографическихъ ошибокъ, хотя нерѣдко и въ нихъ встрѣчаются благородныя и патріотическія чувствованія“. Такъ, ученикъ Николай Пузановъ, въ очень коротенькомъ разсужденіи, старается доказать, что душевное спокойствіе, а слѣдовательно и счастіе, дается исполненіемъ закона христіанскаго, на томъ основаніи, что истинный христіанинъ долженъ пренебрегать почестями и славою, а послѣднія именно и ввергаютъ человѣка въ бездну несчастій. Сочиненіе заканчивается такимъ примѣромъ: Александръ Македонскій не былъ христіаниномъ, поэтому стремился къ почестямъ и славѣ и не имѣлъ душевнаго спокойствія, а потому и счастія: онъ—несчастнѣйшій изъ государей. Итакъ, заключаетъ авторъ, истинное спокойствіе душевное есть необходимое условіе содѣлать человѣка счастливымъ. Другой ученикъ—Сахаровъ—въ началѣ своего сочиненія ставитъ въ сущности вѣрную мысль, что душевное спокойствіе обусловливается исполненіемъ закона Божія и просвѣщеніемъ. Но первое положеніе остается въ сочиненіи безъ доказательствъ, а на второе авторъ замѣчаетъ, что свѣтильникъ просвѣщенія возводитъ человѣка на высшую степень достоинства и славы, доставляетъ ему способы къ благополучному пути по сему коловратному міру и наконецъ содѣлываетъ его способнымъ провождать жизнь свою въ непоколебимомъ и совершенномъ счастіи. Но, заключаетъ въ концѣ концовъ неожиданно авторъ, такъ какъ желанія человѣческія не имѣютъ предѣловъ, то и полное счастіе на землѣ невозможно, а потому правъ великій повелитель Израильскаго народа, сказавшій: суета суетъ и всяческая суета.

Если ко всему этому прибавить еще перечень нѣкоторыхъ орѳографическихъ промаховъ въ обоихъ послѣднихъ сочиненіяхъ, вродѣ: пов*ѣ*деніе, б*ѣ*здна, безчисл*ѣ*нный, вступить на поприщ*ѣ*, наслажда*тся*, об*а*гатить, вызшій, сод*е*лывать, изполнять, пов*ѣ*литель, поч*и*сть, подтв*ѣ*рдить, *въ семъ* (вм. *всѣмъ*), и т. д. и т. д., то получимъ довольно полное представленіе о познаніяхъ абитуріентовъ нашей гимназіи въ 1832 г., претендовавшихъ на поступленіе въ университетъ.

По другимъ предметамъ означенные ученики получили слѣдующія аттестаціи:

	Кувшиновъ.	Пузановъ.	Сахаровъ.
По закону Божію.	Довольно искреннее прилежаніе и хорошіе успѣхи.	Нехудые успѣхи и нѣкоторая ревность.	Успѣхи нехудые.
По математикѣ.	Успѣхи посредственные.	Слабые.	Посредственные.
По латинскому языку.	Довольно значительная степень познаній.	Средняя степень познаній.	Средняя степень познаній.
По нѣмецкому и французскому языкамъ.	Достаточные успѣхи.	Недостаточные.	Посредственные.

Всѣ трое держали экзаменъ въ Московскомъ университетѣ, но принятъ былъ въ число студентовъ одинъ Кувшиновъ, получившій слѣдующія отмѣтки при 4-балльной системѣ: по закону Божію—3, по россійскому языку—2, по латинскому—2, по французскому и нѣмецкому—3, по исторіи и географіи—3 и наконецъ по математикѣ и физикѣ—2. Въ отмѣткахъ, полученныхъ по тѣмъ же предметамъ Пузановымъ и Сахаровымъ, преобладаютъ единицы и нули.

Въ 1833 г. спеціальное испытаніе въ нашей гимназіи было произведено 29 іюля двумъ ученикамъ IV класса—Гавріилу Тюрикову и Ивану Смирнову, также въ виду ихъ намѣренія поступить въ университетъ. Оба получили увольнительныя свидѣтельства I-го разряда. Приведемъ для образца свидѣтельство Смирнова:

„Владимірской губернской гимназіи ученикъ IV класса Иванъ Смирновъ, сынъ крѣпостного Его Свѣтлости князя Ник. Ив. Салтыкова человѣка Дмитрія Смирнова, отпущенный на волю, родился Юрьевскаго уѣзда въ селѣ Снѣгиревѣ 19 іюня 1815 года. *Время посѣщенія гимназіи*—всего 5 лѣтъ: одинъ годъ въ 1-мъ, два года во II классѣ и по одному году въ III и IV классахъ. *Поведеніе:* а) въ отношеніи къ соучащимся: скромнымъ, друже-

ственнымъ и сообразно лѣтамъ своимъ благоразумнымъ обращеніемъ съ товарищами пріобрѣлъ у нихъ всеобщую любовь и довѣренность. б) въ отношеніи къ начальству: во все время ученія въ гимназіи не оказывалъ ни малѣйшаго ослушанія; велъ себя въ классѣ отлично скромно, приказанія, какія ему дѣлаемы были, исполнялъ всегда съ готовностью и раченіемъ. *Прилежаніе:* при хорошихъ способностяхъ, былъ прилеженъ ко всѣмъ преподаваемымъ въ гимназіи наукамъ, а въ особенности къ рисовальному искусству; но французскимъ языкомъ занимался съ посредственнымъ прилежаніемъ. *Познанія:* по сему и успѣхи оказалъ: въ законѣ Божіемъ, ариѳметикѣ, алгебрѣ, геометріи, линейной тригонометріи, коническихъ сѣченіяхъ, физикѣ, зоологіи, всеобщей и россійской исторіи, географіи и статистикѣ — очень хорошіе; въ россійской словесности и латинскомъ языкѣ — довольно хорошіе, а въ рисовальномъ искусствѣ — превосходные, за что со стороны начальства неоднократно удостоиваемъ былъ лестнаго одобренія, а наконецъ отъ Имп. Академіи Художествъ по посланному въ оную изъ гимназіи рисунку его работы, объявлена ему справедливая похвала, съ тѣмъ, что если онъ пожелаетъ особенно посвятить себя изящнымъ художествамъ, то Академія приметъ его въ число своихъ питомцевъ на казенное содержаніе. Во франц. же языкѣ, которому Смирновъ обучался по грамматикѣ Летелье, занимаясь переводами съ онаго на русскій изъ сокращеннаго Телемака Фенелона, а также бывши въ IV отдѣленіи — переводами съ русскаго на французскій, успѣхи его посредственны. Въ удостовѣреніе чего и данъ ему, Смирнову, сей аттестатъ за подписаніемъ почетнаго гимназіи попечителя, директора и учителей гимназіи съ приложеніемъ гимназической печати. Августа 2 дня 1833 г.“ Аттестатъ, выданный Тюрикову, отличается отъ вышеприведеннаго только прибавкою, что ученикъ этотъ болѣе склоненъ къ службѣ гражданской, нежели ученой.

Отмѣтимъ въ заключеніе ту особенность, что этотъ новый порядокъ выдачи аттестатовъ въ нашей гимназіи примѣнялся лишь къ тѣмъ абитуріентамъ, которые заявляли желаніе поступить въ университетъ. Остальные же ученики, кончившіе курсъ въ 1832 и 1833 годахъ, получили аттестаты въ прежнемъ порядкѣ и по прежней формѣ.

Имена получившихъ аттестаты въ нашей гимназіи.

Годы.	Имена.	Куда поступили.
1805	Павелъ Коршуновъ.	Въ приказное званіе.
	Иванъ Бенедиктовъ.	
	Степанъ Горскій.	
	Михаилъ Яковлевъ.	
1806	Семенъ Требиновъ.	Тоже.
	Николай Никулинъ.	
	Александръ Воробьевъ.	
1807	Афанасій Соколовъ.	Тоже.
1808	Илья Виноградовъ.	Тоже.
	Николай Прожина.	Въ домъ родителей.
	Иванъ Воронинъ.	Въ статскую службу.
1809	Александръ Фрейдекеръ.	Въ Московск. университетъ.
	Измаилъ Щедритскій.	
	Илья Юферевъ.	Въ Казанск. университетъ.
	Алексѣй Семьинскій.	Въ Ярославск. Демидов. учил.
	Сергѣй Мартыновъ.	Въ приказное званіе.
1810	Александръ Шумиловъ.	Въ Московскій университетъ.
	Николай Фрейдекеръ.	
	Яковъ Романовъ.	
	Александръ Смирновъ.	Въ С.-П. Педагогич. институтъ.
1811	Николай Юферевъ.	Въ Казанск. унив.
	Александръ Воскресенскій.	Въ приказное званіе.
	Иванъ Фрейдекеръ.	Въ домъ родителей.
	Иванъ Сунгуровъ.	Въ статскую службу.
1812	Яковъ Романовъ.	
	Андрей Соколовъ.	Въ приказное званіе.
	Николай Успенскій.	
	Павелъ Хворинов.	Въ домъ родителей.
	Николай Лихаревъ.	Въ гражд. службу.
1813	Иванъ Невскій.	Въ приказное званіе.
	Николай Ермоловъ.	Въ статскую службу.
	Александръ Тургеньевъ.	Въ домъ родителей.
	Павелъ Коробовъ.	
1814	Василій Брюховъ.	Въ статскую службу.
	Павелъ Кувшиновъ.	Въ статскую службу.

Годы.	Имена.	Куда поступили.
1814	Иванъ Фрейдекеръ.	
	Петръ Бутѣевъ.	
	Платонъ Бутѣевъ.	
1815	Дмитрій Сановъ.	На собственное пропитаніе.
	Сергѣй Рышковъ.	Въ приказное званіе.
1816	Василій Дубровскій.	Въ Казанск. унив.
	Павелъ Арбузовъ.	
1817	Василій Колпаковъ.	
	Петръ Бутѣевъ.	Въ приказное званіе.
	Геннадій Ложкинъ.	Въ статск. службу.
	Дмитрій Михайловъ.	
	Иванъ Николаевъ.	
	Аркадій Дубровскій.	
	Николай Разинъ.	Въ домъ родителей.
	Иванъ Хворинковъ.	
	Александръ Горностаевъ.	
	Павелъ Хворинковъ.	
	Василій Певіандтъ.	Въ Медико-хирургич. академію.
	Дмитрій Бедрицкій.	Въ военную службу.
1818	Александръ Виноградовъ.	
1819	Павелъ Парскій.	
	Захаръ Дмитревскій.	
	Николай Ивановъ.	
	Александръ Штрейтеръ.	
	Александръ Маловъ.	
	Дмитрій Студенкинъ.	Въ гражд. службу.
	Александръ Воронинъ.	
	Гавріилъ Воробьевъ.	
	Никита Алексѣевъ.	Учит. въ Суздальск. уѣздн. уч.
	Алексѣй Корниловъ.	Учител. въ Муромск. уѣздн. уч.
1820	Никита Ларіоновъ.	
	Николай Каптеревъ.	
	Петръ Осининъ.	
	Константинъ Дмитревскій.	
1821	Евтихій Михайловъ.	
	Николай Михайловъ.	
	Михаилъ Лавровъ.	

Годы.	Имена.	Куда поступили.
1821	Петръ Соколовъ.	
	Ѳедоръ Измайловъ.	
1822	Павелъ Дмитревскій.	
	Павелъ Томасовъ.	
	Глѣбъ Корниловъ.	
	Александръ Дубровскій.	
	Николай Лызловъ.	
	Николай Сунгуровъ.	
	Платонъ Соколовъ.	
	Алексѣй Ратомскій.	
1823	Николай Виноградовъ.	
1824	Алексѣй Ѳодотовъ.	
	Гавріилъ Успенскій.	
	Александръ Коробовъ.	
	Ѳедоръ Невіандтъ.	
	Павелъ Дмитріевъ.	Кантонисты — стипендіаты Владимірскаго военно-сиротскаго отдѣленія, приготовлявшіеся къ занятію учительскихъ должностей въ школахъ военнаго вѣдомства.
	Михаилъ Кондратьевъ.	
	Иванъ Балакинъ.	
	Александръ Соколовъ.	
	Ѳедоръ Мартьяновъ.	
	Антонъ Воропаевъ.	
	Николай Симановскій.	
	Яковъ Ивановъ.	
	Василій Пашковъ.	
	Алексѣй Коротаевъ.	
	Петръ Лабутинъ.	
	Петръ Яковлевъ.	
	Павелъ Петровъ.	
	Александръ Лавровъ.	
	Николай Цвѣтаевъ.	
	Иванъ Сиротинскій.	
1825	Констанинъ Дмитревскій.	
	Ѳедоръ Ивановъ.	
	Александръ Александровскій.	
	Петръ Михайловъ.	
	Петръ Александровскій.	
	Илья Рюминскій.	
	Николай Остергаузенъ.	
1826	Петръ Памфиловъ.	Учител. въ Шуйск. уѣздн. учил.

Годы.	Имена.	Куда поступили.
1827	Александръ Лебедевъ.	Писцомъ при бухгалтеріи Владимірск. гимназіи.
	Никифоръ Аретинскій.	Учит. въ Переславск. уѣздн. уч.
	Александръ Тюринъ.	
	Алексѣй Байцуровъ.	
	Михаилъ Царевскій.	
	Николай Дубровскій.	
	Петръ Невіандтъ.	
1828	Петръ Кудиновъ.	
	Иванъ Тюринъ.	
	Иванъ Царевскій.	
	Николай Гавриловъ.	
	Никаноръ Стахіевъ.	
1829	Николай Оболдуевъ.	
	Иванъ Высиревъ.	
	Александръ Крыловъ.	
	Григорій Ивановскій.	
	Александръ Соймоновъ.	
	Николай Капацинскій.	
1830	Дмитрій Соколовъ.	
	Алексѣй Тюринъ.	
	Алексѣй Соколовъ.	
	Иванъ Соколовъ.	
	Ѳедоръ Соколовъ.	
	Иванъ Веригинъ.	
	Павелъ Воронинъ.	
	Михаилъ Игнатьевъ.	
	Николай Боголѣповъ.	
1832	Григорій Андреевскій.	
	Николай Пузановъ.	
	Василій Кувшиновъ.	Въ Московск. унив.
	Павелъ Сахаровъ.	
	Владиміръ Кудиновъ.	
	Григорій Бѣльскій.	
1833	Гавріилъ Тюриковъ.	
	Иванъ Смирновъ.	
	Михаилъ Кувшиновъ.	
	Илья Соловьевъ.	Учителемъ въ Александровское уѣздное училище.

Воспитательная часть.

Требованія устава. Предварительныя правила народнаго просвѣщенія совершенно не затрогиваютъ этого вопроса, а Уставъ 5-го ноября даетъ только самыя общія указанія въ этомъ отношеніи, ограничиваясь изложеніемъ основныхъ принциповъ школьнаго воспитанія вообще. Такъ, въ главѣ IV „объ учителяхъ“ § 41-й гласитъ, что кромѣ развитія ума и разсудка, учители должны заботиться и о томъ, чтобы дать сердцу воспитанниковъ надлежащее направленіе, положить въ нихъ твердыя основанія честности и благонравія, исправить и преодолѣть въ нихъ худыя склонности. Затѣмъ §§ 42—48 нѣсколько подробнѣе развиваютъ эту же мысль. Учителя замѣщаютъ собою родителей учениковъ, поэтому они должны держать себя по отношенію къ послѣднимъ ни чрезмѣрно сурово, ни слишкомъ мягкосердечно; за каждую вину взыскивать, но послѣ обстоятельнаго разслѣдованія дѣла (§ 42). Учитель, хотя и замѣщающій для своего воспитанника родителей, тѣмъ не менѣе не можетъ игнорировать послѣднихъ; онъ долженъ постоянно обращаться къ нимъ и совокупными усиліями рѣшать вопросы воспитанія (§ 43). Учитель долженъ стараться распознавать характеры дѣтей, дабы умѣть на нихъ влiять въ хорошую сторону какъ вѣскимъ, внушительнымъ словомъ, такъ и собственнымъ примѣромъ (§ 44); долженъ искоренять суевѣрія, заблужденія, безправственныя дѣла и разговоры (§ 47).

Вообще, эти параграфы Устава стараются внушить мысль о необходимости духовнаго общенія между учащими и учащимися, рисуютъ идеалъ хорошаго педагога и хорошаго ученика. Но при этомъ не дается никакихъ практическихъ разъясненій относительно того, какими мѣрами училище можетъ и должно стараться достигать желательныхъ результатовъ въ воспитаніи юношества. Лишь нѣкоторое указаніе въ этомъ отношеніи находимъ въ 76 § VII-й главы „о директорѣ“, которая гласитъ, что въ случаѣ неисправленія ученика по многократнымъ увѣщаніямъ, директоръ увѣдомляетъ о томъ родственниковъ съ объявленіемъ, что въ случаѣ его неисправленія исключенъ будетъ изъ училища; и если онъ послѣ того еще не перемѣнитъ своего поведенія, то директоръ исключаетъ его, донося о всѣхъ такихъ случаяхъ универ-

ситету. Что же касается такихъ проступковъ, какъ ослушаніе учителю, непочтеніе и лѣность, то они подлежатъ взысканіямъ, предписаннымъ въ Руководствѣ учителямъ части IV во 2 главѣ объ училищной строгости (§ 55 Устава). Но и это „Руководство", изданное еще въ 1783 г., характеризуетъ практическую сторону дѣла преимущественно съ отрицательной стороны, запрещая всякаго рода позорящія честь или вредныя для здоровья наказанія и совершенно исключая всякія тѣлесныя наказанія.

Вотъ и все, что по вопросу о воспитательномъ элементѣ находимъ въ оффиціальной литературѣ того времени. Какъ можно видѣть, мѣстнымъ училищнымъ властямъ предоставлено было широкое поле для дѣятельности въ этой сферѣ. Оффиціальная литература даетъ одни только принципы, возлагая выработку мѣръ для проведенія послѣднихъ въ школьную жизнь всецѣло на тѣ органы, которые призваны были къ практической педагогической дѣятельности.

Поэтому вопросъ этотъ, помимо своей абсолютной важности, имѣетъ для насъ особый интересъ и заслуживаетъ серьезнаго вниманія, тѣмъ болѣе, что тутъ мы встрѣчаемся съ замѣчательной дѣятельностью одного изъ лучшихъ начальниковъ нашей гимназіи — Дм. Ив. Дмитревскаго, пользовавшагося большимъ уваженіемъ и любовью не только среди своихъ сослуживцевъ и учениковъ, но и вообще въ здѣшнемъ обществѣ, — человѣка, авторитетное мнѣніе котораго принималось въ соображеніе и въ высшихъ сферахъ учебнаго вѣдомства.

Религіозно-нравственное развитіе учащихся. Немедленно по вступленіи своемъ въ должность директора Владимірскихъ училищъ, въ 1808 г., Дмитревскій посвящаетъ особое вниманіе на разработку вопросовъ воспитательнаго характера, привлекая къ этому и учителей. Имъ была положена прочная основа религіозно-нравственнаго и эстетическаго развитія учениковъ нашей гимназіи и выработана система правильнаго надзора за учениками какъ въ стѣнахъ заведенія, такъ и внѣ его.

Чтобы понять всю важность перваго, надо припомнить, что въ XVIII вѣкѣ религіозный элементъ въ образованіи и воспитаніи почти игнорируется, и эта же черта въ значительной мѣрѣ отражается на Уставѣ 1804 года, который въ общемъ носитъ раціоналистическую окраску прошлаго вѣка, хотя нѣсколько по-

линявшую. Этотъ существенный пробѣлъ и старается прежде всего пополнить Дмитревскій всѣми зависящими отъ него мѣрами. 18 октября 1808 года онъ обращается къ собранію учителей съ пространной рѣчью, въ которой, указывая имъ на всю важность задачъ, возложенныхъ на нихъ, какъ на руководителей ума и сердца дѣтей, онъ развиваетъ свою любимую мысль о важности религіознаго элемента въ воспитаніи. „Вы взяли на себя, гг. учители, говорилъ онъ, должность образованія юношества, должность распространителей просвѣщенія въ народѣ. Мѣра усердія и успѣховъ вашихъ опредѣлитъ мѣру благоденствія сыновъ отечества. Кому изъ васъ не драгоцѣнна цѣль сія? Кто не устремится къ достиженію ея? Мудрый строитель полагаетъ зданію своему основаніе твердое, и вамъ, какъ строителямъ храма просвѣщенія, надо то же дѣлать. Но что служитъ прочнымъ основаніемъ сему зданію? — Вѣчная премудрость говоритъ, что въ развратное сердце просвѣщеніе не входитъ; Высочайше же конфирмованный учебный уставъ вмѣняетъ воспитателямъ въ особенную должность располагать сердце воспитанниковъ къ добродѣтели, а душу—къ благонравію. Итакъ, нравственность или образованіе сердца и ума по правиламъ религіи и просвѣщеннаго разума составляетъ единственное незыблемое основаніе воспитанія и просвѣщенія.“ Въ силу этихъ соображеній Дмитревскій рекомендуетъ учителямъ: 1) на всякомъ мѣстѣ и при всякомъ случаѣ внушать дѣтямъ уваженіе и благоговѣніе къ Высочайшему Существу и къ религіи христіанской и поощрять ихъ къ исполненію правилъ и обрядовъ оной. 2) Не начинать и не оканчивать учебныхъ упражненій безъ особыхъ молитвъ. 3) Дабы назидать воспитанниковъ добрымъ примѣромъ, который болѣе всякаго краснорѣчія дѣйствуетъ на юныя сердца, надлежитъ учителямъ и всѣмъ безъ изъятія ученикамъ въ воскресные и табельные дни собираться къ обѣднѣ въ приходскую Егорьевскую церковь, что и начать съ слѣдующаго же воскресенья. 4) Учителю Стрѣльцову, какъ разумѣющему пѣніе, поручается выбрать изъ учениковъ „способные голоса“ и управлять ими на клиросахъ. 5) Ученикамъ въ праздничные дни, за нѣкоторое время до церковной службы, собираться въ гимназію и здѣсь ждать времени отправленія въ церковь, сидя по классамъ подъ присмотромъ старшихъ учителей.

Требованіе отъ учителей являться къ праздничному бого-

служенію непремѣнно въ Егорьевскую церковь оказалось для многихъ изъ нихъ обременительнымъ и вызвало ропотъ. Поэтому ордеромъ 9 мая 1809 г. директоръ установилъ для учителей очередной порядокъ присутствованія въ означенной церкви для наблюденія за порядкомъ и тишиною среди учениковъ. Для прочихъ же неочередныхъ учителей это посѣщеніе необязательно, хотя и желательно; Дмитревскій ставитъ на видъ учителямъ, что это посѣщеніе будетъ служить для него единственнымъ свидѣтельствомъ усердія къ службѣ и искренняго раченія о благѣ учениковъ.

Вмѣстѣ съ тѣмъ Дмитревскій съ самаго начала завелъ порядокъ обязательнаго говѣнія великимъ постомъ — одинаково для учениковъ и учителей. Въ бумагахъ нашего архива за многіе годы сохранились особые списки, въ которыхъ противъ каждаго имени отмѣчено, пріобщался-ли такой-то св. Таинъ, и если нѣтъ, то по какой причинѣ, а также — когда предполагаетъ исполнить свой христіанскій долгъ. Напоминанія учителямъ и ученикамъ объ аккуратномъ исполненіи религіозныхъ обязанностей повторялись почти ежегодно за все время многолѣтняго директорства Дмитревскаго.

Ту же цѣль религіозно-нравственнаго развитія учащихся имѣлъ въ виду Дмитревскій, учредивъ при гимназіи „катихизаторскія лекціи,“ о которыхъ у насъ уже было упомянуто въ своемъ мѣстѣ.

Общественное движеніе, начавшееся послѣ 1815 года и выразившееся прежде всего въ крайнемъ развитіи религіознаго направленія, встрѣчено было Дмитревскимъ съ живѣйшей радостью, какъ осуществленіе его завѣтныхъ идеаловъ. Съ полной готовностью дѣлился онъ съ начальствомъ своимъ многолѣтнимъ опытомъ. На запросъ Училищнаго комитета въ февралѣ 1819 года, онъ нарисовалъ цѣлую картину уже давно заведенныхъ имъ въ нашей гимназіи порядковъ. Ежедневно, по приходѣ учителей въ классы, каждый изъ учителей заставляетъ одного изъ старшихъ учениковъ читать внятно, раздѣльно и въ совершеннѣйшей тишинѣ по одной главѣ Новаго завѣта на славянскомъ языкѣ, а учители иностранныхъ языковъ — на соотвѣтствующемъ діалектѣ; при этомъ встрѣчающіяся темныя мѣста и невразумительныя рѣчи тутъ же по возможности разъясняются учителемъ, сообразуясь со степенью пониманія учениковъ. Порядокъ этотъ, по словамъ директора, имѣетъ

двойную полезность: „ученики и въ языкѣ натверживаются и истины выучиваютъ." Однако, на основаніи послѣдовавшихъ разъясненій Училищнаго комитета, Дмитревскій нѣсколько измѣнилъ характеръ этихъ ежедневныхъ чтеній. Именно, ученики должны собираться въ гимназію непремѣнно за полчаса до звонка. Одинъ изъ старшихъ учениковъ читаетъ псаломъ и главу изъ Евангелія. Изъ прочитаннаго законоучитель назначаетъ каждому для вытверживанія наизусть въ теченіе дня краткій текстъ, который и вписывается каждымъ ученикомъ въ особо заведенный для этой цѣли альбомъ. Послѣ вечерней молитвы каждый ученикъ сказываетъ свой стихъ и получаетъ на оный приличное объясненіе. Этимъ путемъ, по мнѣнію директора, ученики „пріобрѣтаютъ нечувствительно достаточный запасъ святѣйшихъ истинъ на всѣ шаги въ жизни. Ученіе Спасителя, укореняясь въ юной памяти неизгладимо, будетъ свѣтильникомъ стезямъ ихъ, который имъ озаритъ и темный переходъ изъ времени въ вѣчность."

Сказаннаго довольно, чтобы понять, насколько видное мѣсто принадлежитъ Дмитрію Ивановичу Дмитревскому въ дѣлѣ религіозно-нравственнаго воспитанія учениковъ нашей гимназіи. Хороши, или нѣтъ были тѣ мѣры, которыя онъ употреблялъ для достиженія цѣли, это вопросъ, который можно рѣшить только ставши на современную ему точку зрѣнія. Для насъ всего важнѣе отмѣтить то, что онъ въ своей дѣятельности выдвинулъ впередъ и поставилъ на подобающее мѣсто религіозный элементъ въ системѣ средняго образованія. Замѣтимъ, еще, что положительно всѣ мѣры, принятыя Дмитревскимъ въ этомъ направленіи, были впослѣдствіи санкціонированы правительствомъ. Такъ, въ 1808 году въ нашей гимназіи установлены были молитвы до и послѣ ученія; правительственное распоряженіе о томъ же послѣдовало только въ 1824 году, когда присланы были и образцы этихъ молитвъ: „Преблагій Господи" и „Благодаримъ Тебѣ Создателю". Въ томъ же 1808 году заведенъ былъ у насъ порядокъ обязательнаго посѣщенія церковной службы какъ учениками, такъ и учителями, а равно и ежегоднаго говѣнія; соотвѣтствующія распоряженія высшаго учебнаго начальства изданы были — первое въ 1825, а второе — въ 1827 году.

Эстетическое развитіе учащихся. Не мало было сдѣлано Дмитревскимъ и для нравственно-эстетическаго развитія

учениковъ нашей гимназіи. Такъ, благодаря его стараніямъ, при гимназіи нѣкоторое время существовалъ театръ. Когда прежній губернаторскій домъ перешелъ въ вѣдѣніе гимназіи, губернаторъ князь Ив. Мих. Долгорукій просилъ директора оставить на нѣкоторое время въ гимназическихъ сараяхъ нѣсколько вещей, для которыхъ не находилось пока мѣста въ его новомъ помѣщеніи, между прочимъ и принадлежности его домашняго театра. Директоръ изъявилъ, конечно, свое полное согласіе на это, но вмѣстѣ съ тѣмъ выпросилъ у князя разрѣшеніе пользоваться этими театральными принадлежностями для ученическихъ спектаклей. Разрѣшеніе было дано, а въ 1812 году, при выходѣ своемъ въ отставку, князь Долгорукій подарилъ свой театръ въ пользу учащихся гимназіи, также благодаря ходатайству Дмитревскаго. Никакихъ подробностей объ ученическихъ спектакляхъ до насъ не сохранилось, а съ 1814 года они совсѣмъ прекратились. Однажды въ апрѣлѣ этого года на сценѣ гимназическаго театра плѣнные французы, жившіе во Владимірѣ, разыграли трагедію „Магометъ." Дѣло дошло до свѣдѣнія попечителя Моск. учебн. округа Кутузова, а черезъ него и до министра. Не смотря на оправданія Дмитревскаго, что это было дѣло губернатора, который устроилъ все почти безъ вѣдома директора, и что ученики гимназіи на спектаклѣ не присутствовали, попечитель округа потребовалъ, чтобы каждый разъ, прежде чѣмъ ставить какую либо піесу, директоръ непремѣнно извѣщалъ его объ этомъ и ожидалъ особаго разрѣшенія. Благодаря этому стѣсненію, спектакли на сценѣ гимназическаго театра должны были прекратиться. Послѣднее упоминаніе о старыхъ кулисахъ и другихъ театральныхъ принадлежностяхъ мы встрѣчаемъ въ рапортѣ того же Дмитревскаго отъ 30 апр. 1826 г., въ спискѣ вещей негодныхъ къ употребленію; всѣ онѣ были за ветхостью исключены изъ описи, причемъ съ нѣсколькихъ болѣе сохранившихся кулисъ снята была парусина; отдавши ее вымыть и выкрасить въ синій цвѣтъ, директоръ распорядился сшить изъ нея нѣсколько паръ лѣтнихъ сюртуковъ и панталонъ, которые и были подарены семи бѣднымъ ученикамъ (рапортъ 1 сент. 1827).

Болѣе удачна была другая мѣра, принятая Дмитревскимъ,— устройство при нашей гимназіи музыкальнаго класса. Нѣкто Иванъ Фрейдекеръ подалъ 7 сентября 1809 г. прошеніе директору, въ

которомъ заявлялъ, что, разумѣя музыку и зная играть на разныхъ инструментахъ, онъ желаетъ „содѣйствовать къ пользѣ учащихся" и берется преподавать гимназистамъ 2 раза въ недѣлю музыку безвозмездно. Директоръ, въ своемъ представленіи Училищному комитету, указываетъ на великую силу и вліяніе музыки на моральное образованіе юношества и находитъ вполнѣ умѣстнымъ открыть при гимназіи музыкальный классъ. Онъ отмѣчаетъ при этомъ выгодныя условія, которыя предлагаетъ Фрейдекеръ, соглашающійся изъ любви къ искусству и къ общей пользѣ давать даровые уроки, и отзывается о немъ съ большой похвалой какъ о человѣкѣ безупречнаго поведенія и великомъ знатокѣ музыкальнаго искусства. 3 ноября 1809 г. послѣдовало разрѣшеніе отъ университета, а 17-го числа того же мѣсяца состоялось открытіе новаго класса торжественнымъ актомъ въ присутствіи многочисленной публики. При этомъ учитель Стрѣльцовъ прочелъ приличную случаю рѣчь и оду своего сочиненія. На первыхъ порахъ заявило желаніе учиться музыкѣ всего 13 учениковъ.

„Охотниковъ нашлось бы еще больше, гласитъ протоколъ акта, но многіе еще не обзавелись скрипками, или еще не получили разрѣшенія отъ своихъ родителей." Въ 1810 году супруга губернатора, графиня Аграфена Сергѣевна Долгорукая, подарила въ пользу гимназіи 8 духовыхъ инструментовъ, и будущность музыкальнаго класса была обезпечена. На актѣ въ 1814 и послѣдующихъ годахъ уже упоминается объ ученическомъ оркестрѣ, который исполненіемъ музыкальныхъ нумеровъ доставлялъ публикѣ большое удовольствіе. Въ томъ же 1814 году директоръ выхлопоталъ Фрейдекеру содержаніе въ 200 р. ас. въ годъ изъ экономическихъ суммъ гимназіи. Классъ музыки просуществовалъ до 1824 года, когда долженъ былъ прекратиться вмѣстѣ съ прекращеніемъ пособія, получаемаго гимназіей отъ Приказа обществ. призрѣнія.

Дмитревскому наша гимназія была обязана еще однимъ полезнымъ учрежденіемъ, имѣвшимъ ту же цѣль нравственно-эстетическаго развитія учащихся: мы говоримъ о нравственно-литературныхъ бесѣдахъ, которыя возникли въ 1823 году и продолжали существовать до отставки Дмитревскаго въ 1828 году. Правда, еще раньше, начиная съ 1808 г., по его же иниціативѣ, съ цѣлью развитія литературнаго вкуса у учащихся, лучшіе изъ

нихъ, по рекомендаціи учителя словесности, допускались на ежемѣсячныя общія собранія учителей для произнесенія стихотворныхъ или прозаическихъ отрывковъ. Но такіе случаи бывали, кажется, очень рѣдки, и самое дѣло не было правильно организовано. Въ сравненіи съ этимъ бесѣды, заведенныя въ 1823 году, поставлены гораздо прочнѣе и серьезнѣе. Въ нашемъ архивѣ сохранился „Проэктъ" этихъ бесѣдъ, помѣченный 2-мъ сентября 1823 г. Приводимъ его цѣликомъ:

„Дабы учащимся въ заведеніяхъ Владимірской дирекціи доставить въ свободное отъ ученія время полезныя упражненія къ усовершенію способностей и вкуса въ россійской и иностранной литературѣ и въ то же самое время чрезъ чтеніе духовно-нравственныхъ сочиненій ознакомливать съ истинами религіи; на сей предметъ учреждается нынѣ среди нашего сословія нравственно-литературная бесѣда на слѣдующемъ основаніи:

1) Распорядителемъ упражненій бесѣды будетъ гимназіи учитель словесности. Дѣйствующими лицами будутъ отличные ученики гимназіи, а всѣ прочіе—слушателями.

2) Учители гимназіи и уѣзднаго при ней училища, также и постороннія особы, которымъ угодно будетъ взять участіе въ упражненіяхъ, займутъ мѣста и названіе почетныхъ посѣтителей.

3) Предметы чтенія предполагаются: a) духовно-нравственныя разсужденія о христіанскихъ истинахъ; b) классическіе русскіе и иностранные авторы въ стихахъ и прозѣ; c) переводы древнихъ и новыхъ авторовъ; d) собственныя сочиненія и переводы учащихся и гг. посѣтителей, когда кому угодно будетъ оныя представить.

4) Засѣданіе имѣетъ быть каждаго мѣсяца въ первое воскресенье въ пять часовъ пополудни.

5) Выборъ піесъ и порядокъ чтенія предоставляется распорядителю бесѣдъ съ одобренія директора.

6) Записку занятій будетъ вести старшій изъ учениковъ, которому по сему предмету дано особое наставленіе."

А вотъ для примѣра „Программа" четвертой бесѣды, происходившей въ февралѣ 1827 года:

Стихами:

1. Преложеніе псалма XXXI, соч. Глинки, прочитаетъ учен. Кудиновъ.
2. Богу правда, сочин. Глинки, прочитаетъ учен. Игнатьевъ.

3. Преложеніе XVIII псалма, соч. учен. Тюрина I, прочитаетъ Тюринъ 3-й.
4. Обязанности человѣка въ общежитіи, вольн. переводъ изъ Томаса, сдѣлан. Писаревымъ, прочитаетъ учен. Оболдуевъ.
5. Юность, соч. Тюрина I, прочитаетъ авторъ.
6. Весенній цвѣтокъ, соч. учен. Байцурова, прочт. авторъ.
7. Зима, сочин. Тюрина I, прочт. учен. Царевскій.
8. Пѣснь Русскому Царю, Жуковскаго, прочт. Тюринъ 4-й.
9. Разговоръ: Плачь и утѣшеніе, между Кудиновымъ, Тюринымъ 3-мъ и 4-мъ, сочин. Тюрина 1-го.

Прозою.

10. Разсужденіе объ истинномъ благородствѣ, сочин. Тюрина 1-го, прочт. авторъ.
11. Начало трудно, сочин. Байцурова, прочт. авторъ.
12. О совершенствахъ витіи, соч. Царевскаго, прочт. авторъ.
13. Умѣренность есть мать здоровья, соч. учен. Невьяндта, прочт. Гавриловъ.
14. Имущему вездѣ дано будетъ, соч. Лебедева, прочт. авторъ.
15. Мысли мои при чтеніи L псалма, сочин. учен. Арстинскаго, прочт. авторъ.

Басни.

16. Чижъ и ежъ, Крылова, прочт. учен. Соколовъ 1-й.
17. Солнечные часы, соч. Петина, прочт. Тюринъ 3-й.
18. Чижикъ, соч. Капниста, прочт. учен. Боголѣповъ.
19. Рѣчи на иностранныхъ языкахъ.
20. Разговоръ на 1827-й годъ между 3 лицъ, сочин. Тюрина I, скажутъ Тюринъ 2-й, Оболдуевъ и Соколовъ.
21. Благодарственная рѣчь, скажетъ Тюринъ 1-й.

Надзоръ за учениками. Другая важная сторона дѣятельности Дмитревскаго была направлена къ установленію правильнаго надзора за учениками, такъ какъ этой стороны дѣла Уставъ 1804 года совершенно не затрогиваетъ. При отсутствіи спеціальной инспекціи, наблюденіе за учениками входило неизбѣжно въ кругъ обязанностей учителей. Но такъ какъ послѣдніе не всегда могли справиться съ этимъ дѣломъ, нуждаясь сами въ отдыхѣ послѣ двухчасовыхъ сплошныхъ уроковъ и имѣя нѣкоторые болѣе 30 недѣльныхъ часовъ занятій, то Дмитревскій, для облегченія

ихъ, съ самаго начала завелъ систему взаимнаго наблюденія учениковъ другъ за другомъ. Обыкновенно въ каждомъ классѣ назначался для этой цѣли одинъ или нѣсколько лучшихъ учениковъ, которые, съ званіемъ старшихъ учениковъ или классныхъ инспекторовъ, выполняли цѣлый рядъ обязанностей, иногда довольно сложныхъ и трудныхъ. Они должны были слѣдить за поведеніемъ своихъ товарищей и доносить директору о всѣхъ шалостяхъ и непослушаніи; они же вели каждый по своему классу дневные списки, въ которыхъ отмѣчали отсутствующихъ учениковъ и даже учителей, учениковъ неприготовившихъ урока, и вообще всѣ дневныя происшествія въ классѣ; наконецъ они же нерѣдко замѣщали по порученію директора пустые классы, занимаясь съ товарищами повтореніемъ пройденнаго. Со времени введенія платы за ученіе въ 1821 году, инспекторамъ прибавилась еще одна не легкая обязанность — представлять директору списки учениковъ не внесшихъ плату съ обстоятельнымъ изложеніемъ причинъ невзноса.

Когда въ 1829 году вступилъ въ должность преемникъ Дмитревскаго Калайдовичъ, ему оставалось только признать и подтвердить порядокъ, установленный по надзору за учащимися его предшественникомъ, исправивъ его только въ частностяхъ. Такъ, прежнее названіе классныхъ инспекторовъ было замѣнено новымъ — классныхъ надзирателей; въ каждомъ классѣ положено было по одному надзирателю и по одному же помощнику при немъ; прежніе инспекторы зависѣли непосредственно отъ директора, которому и подавали дневные рапорты; надзиратели же по всѣмъ дѣламъ должны относиться къ учителямъ, которые въ свою очередь въ важныхъ случаяхъ обращаются къ начальнику заведенія, какъ къ высшей инстанціи; наконецъ, назначеніе надзирателей и ихъ помощниковъ поставлено было въ зависимость отъ совѣта учителей, тогда какъ прежніе инспекторы назначались самимъ директоромъ.

Воспитательная дѣятельность Дмитревскаго не ограничивалась, однако, вышеизложеннымъ. Ему принадлежитъ заслуга пополненія еще одного, также очень существеннаго пункта, составляющаго слабую сторону Устава 1804 года. Это — правила поведенія для учащихся. Главы V и VI Устава объ обязанностяхъ учениковъ отличаются лаконической краткостью, отсылая учащихся къ книжкѣ правилъ, изданныхъ для этой цѣли еще бывшей Комиссіей народныхъ училищъ примѣнительно къ Уставу 1786 г. Много-

лѣтняя практика убѣдила Дмитревскаго въ недостаточности и устарѣлости этихъ правилъ, и онъ взялъ на себя трудъ пополнить и исправить ихъ. Въ началѣ 1819—20 учебн. года онъ объявилъ ученикамъ вновь составленныя „Правила поведенія“, заставилъ ихъ списать для памяти и обязалъ подпискою къ ихъ исполненію. Вотъ эти правила:

1) *При молитвѣ и въ церкви.* Стать на показанномъ мѣстѣ, читать и слушать благоговѣйно, не разговаривать и не озираться по сторонамъ, замѣчать и помнить, что читается.

2) *Въ классахъ.* Ходить въ назначенное время съ надлежащими книгами и учебными пособіями; стать на свое мѣсто и, по молитвѣ, учителю сдѣлать поклонъ. Сказывать по приказу уроки. Слушать задачи со вниманіемъ. Что не вразумительно, о томъ просить изъясненія. Безъ нужды изъ класса не выходить, съ товарищами обходиться вѣжливо и скромно. Ходить тихо, особливо по лѣстницамъ никогда не бѣгать.

3) *При столѣ.* По молитвѣ стать у своего стула. Прежде старшихъ не садиться, высшихъ мѣстъ не занимать. Разговаривать разумно, отвѣчать только на вопросы, никогда не смѣяться, не кричать и не хохотать. Блюдъ не выбирать, кушанье брать по порядку, осторожно, лишняго не накладывать, кушать опрятно, учтиво, и всегда быть довольнымъ тѣмъ, что дадутъ.

4) *При гостяхъ.* Быть въ гостинной, когда пригласятъ. Вошедши тихо, безъ шума, поклониться почтительно. Сѣсть поодаль со всею скромностью, когда прикажутъ. Къ закускамъ на столѣ безъ позволенія не прикасаться. Когда спросятъ, отвѣчать учтиво и предъ почетными особами стоя.

5) *При прогулкахъ.* Никуда изъ комнатъ безъ дозволенія не выходить. Имѣть свиданіе и обращеніе—съ кѣмъ приказано. Ходить съ приличной осанкою. Къ старшимъ имѣть почтительность, съ равными—учтивость, а къ младшимъ—ласковость. Ни съ кѣмъ не спорить, не кричать и страшиться говорить невѣжливыя, а тѣмъ паче бранныя слова. Всегда, вездѣ и во всемъ давать другимъ преимущество.

Въ началѣ 1826—27 уч. года ученики получили въ такомъ же порядкѣ нѣкоторыя дополнительныя инструкціи:

1) Приходить въ классы во всей опрятности.

2) Съ грязными ногами не входить даже и въ сѣни и на крыльца.

3) Къ стѣнамъ не прислоняться и никакъ не марать.

4) На лѣстницахъ не останавливаться и не бѣгать.

5) Изъ классовъ выходить тихо, по два въ рядъ, безъ шуму и крику, и другъ друга не толкать.

„Кто не будетъ исполнять сего приказа, гласитъ подъ конецъ инструкція, тотъ будетъ исключенъ, а кто станетъ марать стѣны, или писать на нихъ, будетъ высѣченъ розгами и выгнанъ вонъ. Такому же подвергнется наказанію и тотъ, кто о сихъ шалостяхъ будетъ знать и молчать“.

Характеръ этой инструкціи, и въ особенности запальчивый тонъ ея заключительныхъ строкъ, лучше всего показываетъ, что проступки, перечисленные по пунктамъ, слишкомъ часто имѣли мѣсто въ гимназіи, и что обычныя мѣры для ихъ пресѣченія не оказывали надлежащаго дѣйствія. Вмѣстѣ съ тѣмъ бросается въ глаза иное сравнительно съ прежнимъ отношеніе къ тѣлеснымъ наказаніямъ. Относительно послѣднихъ мы имѣли уже случай упомянуть, что Уставъ народныхъ училищъ 1786 года ихъ совершенно исключаетъ; Уставъ 1804 года, хотя и умалчиваетъ о нихъ, но очевидно держится того же взгляда, отсылая къ „Руководству учителямъ“ 1783 года и рекомендуя дѣйствовать на учениковъ мѣрами кротости (§ 42). Послѣдующія разъясненія высшаго учебнаго начальства энергически высказываются противъ всякихъ тѣлесныхъ наказаній, подъ страхомъ немедленнаго удаленія виновныхъ отъ должности (Цирк. мин. нар. пр. отъ 18 марта 1811 г. и отъ 14 февр. 1814 г., предпис. Учил. Ком. отъ 20 іюня 1814). И дѣйствительно, случаи нарушенія этихъ постановленій кѣмъ либо изъ учителей грозили серьезными непріятностями. Такъ, въ нашей гимназіи, когда однажды въ 1818 году старшій учитель Онисимовъ позволилъ себѣ въ классѣ „тѣлесно наказать“ одного ученика за „личныя грубости“, дѣло было доведено до свѣдѣнія Училищнаго комитета, который предписаніемъ 9 іюня 1818 г. поручилъ директору „сдѣлать при общемъ собраніи учителей строжайшій выговоръ“ Онисимову, объявивъ ему, чтобы онъ и впредь „ни подъ какимъ предлогомъ тѣлесныхъ наказаній не употреблялъ, подъ опасеніемъ болѣе строгаго взысканія“. Въ 1819 году имѣлъ мѣсто аналогичный случай въ

классѣ учителя рисованія Киселева. 19 марта при своемъ входѣ въ классъ, Киселевъ засталъ одного ученика играющимъ на скрипкѣ „Барыню", тогда какъ двое другихъ учениковъ „плясали подъ сію пѣсню". „За таковые неблагопристойные проступки, оскорбляющіе мѣсто своимъ развратнымъ поведеніемъ", всѣ трое поставлены были на колѣни. Другой разъ Киселевъ счелъ себя вынужденнымъ за крайнее ослушаніе „взять ученика Воронина за ухо, съ приговореніемъ словъ". Еще разъ, выведенный изъ терпѣнія шалостями и ослушаніемъ учениковъ Дубровскаго и Штрейтера, тотъ же учитель поручилъ старшему ученику Парскому „унять шалуновъ, дабы прочіе ученики не могли покуситься на таковые же поступки". Парскій слишкомъ буквально понялъ приказаніе и „подралъ шалуновъ слегка за волосы". Всѣ эти случаи сдѣлались извѣстны директору, и Киселеву былъ сдѣланъ также въ присутствіи всѣхъ учителей выговоръ съ предостереженіемъ.

Однако съ теченіемъ времени прежнее отрицательное отношеніе къ тѣлеснымъ наказаніямъ постепенно смѣняется признаніемъ ихъ цѣлесообразности въ нѣкоторыхъ случаяхъ. Интересно, что Дмитревскій, всегда очень чуткій къ тѣмъ вѣяніямъ и настроеніямъ, которыми руководились правящія сферы, предупреждаетъ ихъ и въ данномъ случаѣ. Уже въ отчетѣ по учебной части за сентябрьскую треть 1819 года онъ жалуется на недостаточность практикуемыхъ воспитательныхъ мѣръ для благотворнаго воздѣйствія на учениковъ; учителямъ запрещено наказывать тѣлесно, а ученики не имѣютъ никакого страха, уроковъ не учатъ, книгъ съ собою не носятъ, произвольно пропускаютъ классы. Подобныя жалобы затѣмъ ежегодно повторяются въ каждомъ отчетѣ. Въ 1825 г. въ нашей гимназіи заведенъ былъ порядокъ, по которому провинившійся ученикъ, при особомъ извѣщеніи отъ гимназіи, отсылался къ своему отцу „для оштрафованія" домашнимъ порядкомъ, а самый проступокъ заносился въ особую книгу. Значительное число таковыхъ записей лишало ученика права на полученіе аттестата по окончаніи курса. 6 іюня 1830 г. Училищный комитетъ предупреждаетъ директоровъ гимназій, чтобы они, во избѣжаніе могущихъ произойти недоразумѣній и непріятностей, внушили учителямъ подвѣдомыхъ имъ учебныхъ заведеній, дабы они ни въ какомъ случаѣ не исполняли словесныхъ прошеній родителей или родственниковъ учащихся касательно

наказыванія послѣднихъ въ случаѣ нужды тѣлесно, но всегда брали бы отъ нихъ письменныя на то согласія.

Въ какомъ размѣрѣ практиковались въ нашей гимназіи этого рода наказанія, мы не знаемъ, но можемъ думать, что они сдѣлались довольно обычнымъ явленіемъ школьнаго обихода. Такъ напр. 14 апр. 1833 г. госпожа Кувшинова обратилась къ директору съ просьбою наказать ея сына какъ угодно, но только „чувствительнѣйше была бы благодарна“, если бы дѣло обошлось безъ тѣлеснаго наказанія, потому что, прибавляетъ просительница, она сама можетъ своего сына высѣчь, что и исполнитъ непремѣнно.

Что касается до другихъ исправительныхъ мѣръ, практиковавшихся въ нашей гимназіи, то свѣдѣнія наши по этому вопросу болѣе чѣмъ скудны; такъ, въ отчетѣ объ испытаніяхъ за 1830 годъ упоминаются случаи лишенія награжденія книгами и похвальными листами за дурное поведеніе, причемъ два ученика исключены изъ гимназіи за грубость; точно также въ 1831 году былъ одинъ случай исключенія ученика III кл. за рѣдкое хожденіе въ классы и дурное поведеніе.

Принципъ нравственнаго воспитанія юношества въ религіозно-патріотическомъ духѣ впервые ясно и опредѣленно выраженъ былъ въ „Мѣрахъ касательно учащихся“, Высочайше утвержденныхъ въ 14 день авг. 1824 года. § 3-й II главы „По части училищнаго надзора“ требуетъ, чтобы лица, имѣющія надзоръ за учащимися, сохраняли и утверждали въ молодыхъ людяхъ страхъ Божій и повиновеніе государственной власти. Новое направленіе, выдвигая на первый планъ идею нравственнаго развитія юношества, является какъ противовѣсъ старому взгляду на задачи школьнаго образованія; но оно проводится съ такою исключительностію, что страдаетъ противоположной крайностью, оставляя въ тѣни развитіе ума и разсудка.

Выдвигая на первый планъ нравственный элементъ и основывая его на религіи, новое направленіе обращаетъ особое вниманіе на выполненіе религіозныхъ обязанностей и на чтеніе, какъ на важный элементъ духовно-нравственнаго развитія юношества. Предписаніе попечителя Моск. уч. округа Писарева отъ 16 сент. 1825 г. гласитъ между прочимъ, чтобы начальство учебныхъ заведеній принимало всѣ нужныя мѣры осторожности къ предохраненію воспитанниковъ отъ пороковъ, дурныхъ связей, непри-

личнаго обращенія и знакомства. Чтобы въ книго-хранилищахъ, назначенныхъ для употребленія учениковъ, не было книгъ, противныхъ вѣрѣ, правительству и нравственности, и чтобы подобныя сочиненія отнюдь не обращались въ рукахъ ихъ. Внушать при всякомъ удобномъ случаѣ преданностъ къ престолу и повиновеніе властямъ и укрѣплять въ юныхъ сердцахъ питомцевъ любовь къ родинѣ и ко всему отечественному.

Въ декабрѣ 1826 года, въ силу новаго предписанія, присланнаго изъ Училищн. комитета, отъ всѣхъ учениковъ гимназіи отобрана была подписка, обязывавшая ихъ не читать и не имѣть у себя противныхъ христіанской вѣрѣ и законамъ правительствъ, въ особенности же Россійскаго государства, и другихъ соблазнительныхъ книгъ, а также вообще всѣхъ тѣхъ, кои не принадлежатъ къ классамъ.

Библіотека.

Порядокъ пріобрѣтенія и храненія книгъ. *Объемъ библіотеки.* Библіотека или книгохранилище состояла съ самаго начала изъ двухъ отдѣленій: неподвижной (фундаментальной) и подвижной или продажной библіотеки. Фундаментальная библіотека при открытіи гимназіи, какъ уже раньше было указано, заключала въ себѣ 104 нумера. Въ послѣдующее время пополненіе ея шло очень медленно, по многимъ причинамъ. Во первыхъ, по штату полагалось на этотъ предметъ очень незначительная сумма— всего 250 р., включая сюда и учебныя пособія; кромѣ того, гимназическое начальство своею властью не могло выписать ни одной книги, безъ особаго каждый разъ разрѣшенія университета; такіе случаи встрѣчаются лишь въ позднѣйшее время, только какъ исключенія; такимъ образомъ библіотека пополнялась или книгами присланными отъ Главнаго правленія училищъ и университета, или же пожертвованными отъ частныхъ лицъ. Благодаря этимъ условіямъ, какъ ни мала была положенная на библіотеку штатная сумма, она, особенно въ первые годы существованія гимназіи, оставалась далеко не исчерпанной. Такъ, въ 1805 г. израсходовано по этой статьѣ всего 62 р. 49½ к., считая въ

томъ числѣ и переплеты; въ 1806 году — 58 р. 37 к.; въ послѣдующее время хотя эта цифра и растетъ, но далеко не достигаетъ положенной нормы; такъ, въ 1818 году она равняется 128 р. 35 к., въ 1824 году — 125 рублямъ. Послѣ 1825 года эта цифра начинаетъ опять падать, слѣдствіе сокращенія средствъ гимназіи, и къ концу изучаемаго періода едва достигаетъ нѣскольких десятковъ рублей. Число нумеровъ библіотеки было, поэтому, также очень не велико и возростало весьма медленно. Такъ въ 1808 г. неподвижная библіотека заключала въ себѣ всего 300 №№, а въ 1825 г. — 958 №№. Къ концу изучаемаго періода, т. е. въ 1833 году, наша библіотека состояла изъ книгъ:

1) Священнаго и духовно-нравств. содержанія	85	№№.
2) Философскаго и нравственно-литературнаго	275	„
3) Историческ., географическ. и статистическаго.	240	„
4) Физико-математическаго	107	„
5) Медицинскаго, экономическаго и художественнаго.	52	„
6) Юридическ., политическаго и коммерческаго.	69	„
7) Журналовъ и періодическихъ изданій	58	„
8) Иностранныхъ книгъ	210	„
	1096	

Изъ нихъ въ теченіе 1833 года вновь пріобрѣтено всего 7 №№.

Подвижная библіотека имѣла цѣлью снабженіе учащихся всей дирекціи необходимыми учебными книгами и пособіями. Запасъ всѣхъ необходимыхъ изданій дѣлался заблаговременно на цѣлый годъ и отпускался въ кредитъ изъ центральнаго книжнаго склада при Главномъ правленіи училищъ, которое дѣлало при этомъ для учебныхъ заведеній 20% скидки, съ тѣмъ условіемъ, чтобы гимназія, продавая книги по настоящей цѣнѣ, обращала полученную прибыль на снабженіе книгами бѣдныхъ учениковъ и на расходы по пересылкѣ и упаковкѣ книгъ. Доставка книгъ изъ Петербурга до Владиміра на подводахъ обходилась отъ 2 до 3 р. съ пуда. Оборотъ продажной библіотеки въ 1833 г. представляется въ слѣдующемъ видѣ:

Осталось отъ 1832 года 557 экземпляровъ на сумму . .	1015 р.	7½ к.
Вновь поступило въ 1833 г. 666 экз. на сумму	719 „	40½ „
Распродано за то же время 998 экз. на сумму	1226 „	30¼ „
Осталось къ 1 янв. 1834 г. 225 экз. на сумму	508 „	17¾ „

Въ 1824 г. Главное правленіе училищъ, въ виду затрудненій по прінсканію книгъ, изданныхъ частными лицами или мѣстами, положило впредь брать на себя лишь доставку или собственныхъ изданій, или же закупленныхъ въ большомъ количествѣ. Всѣ остальныя изданія могутъ быть пріобрѣтаемы отъ книгопродавцевъ самими учебными заведеніями. Еслибы такое пріобрѣтеніе состоялось безъ уступки съ продажной цѣны книгъ, учебное заведеніе могло при ихъ продажѣ учащимся дѣлать надбавку не болѣе 10% для покрытія расходовъ по пересылкѣ.

Разсчеты съ Главнымъ Правленіемъ училищъ должны были производиться частями, по мѣрѣ распродажи книгъ; но въ виду крайней неисправности этихъ поступленій, министерское распоряженіе отъ 8 авг. 1832 г. предписываетъ составить въ каждомъ училищѣ особую книжную сумму изъ свободныхъ, напр. остаточныхъ денегъ, для того чтобы производить безъ всякихъ задержекъ немедленный же разсчетъ при полученіи книгъ отъ Департамента нар. просвѣщенія. Въ гимназіяхъ эта сумма не должна превышать 500 р.

Завѣдываніе какъ неподвижною, такъ и подвижной библіотеками до 1815 года возложено было на одного изъ учителей, по назначенію отъ директора, безъ особаго вознагражденія. Послѣ 1815 года подвижная библіотека переходитъ въ вѣдѣніе канцеляріи, и этотъ порядокъ сохраняется до конца изучаемаго періода.

Помѣщеніе библіотеки. До перемѣщенія гимназіи въ новое зданіе въ 1807 году, библіотека наша была такъ мала, что вопроса объ ея помѣщеніи не могло и возникнуть; но съ перемѣщеніемъ въ новое зданіе, по мысли князя Долгорукаго, для библіотеки отдѣлена была особая комната, и въ ней размѣщены были шкафы и книги, подаренныя княземъ въ пользу гимназіи. О странномъ украшеніи этой комнаты у насъ уже упоминалось раньше. Однако какъ ни медленно пополнялась наша библіотека, съ теченіемъ времени это помѣщеніе оказалось для нея мало. Попечитель Московскаго учебнаго округа А. А. Писаревъ, посѣтившій нашу гимназію въ февралѣ 1827 года, нашелъ библіотеку очень стѣсненною и подалъ директору мысль размѣстить нѣкоторые книжные шкафы и столы съ учебными пособіями въ большой залѣ; при этомъ попечитель привелъ въ примѣръ образцовое расположеніе библіотеки и учебныхъ пособій въ Костромской гим-

назіи. Предписаніе устроить библіотеку по образцу послѣдней было повторено въ циркулярахъ попечителя отъ 29 марта и Училищнаго комитета отъ 15 апр. 1827 года. Во исполненіе этихъ требованій, директоръ Дмитревскій командировалъ учителя Остроумова въ Костромскую гимназію спеціально съ цѣлью подробнаго ознакомленія съ внутреннимъ ея порядкомъ и устройствомъ; въ особой инструкціи Остроумову поручается замѣтить не только расположеніе и убранство комнатъ, но и самые ихъ размѣры, а равно фигуры и цвѣта шкаповъ, надписей на нихъ и прочихъ принадлежностей. Остроумову вручено было Дмитревскимъ рекомендательное письмо къ Костромскому директору Бартеневу, гдѣ онъ проситъ послѣдняго „оказать патріотическое вспомоществованіе къ приведенію въ исполненіе воли начальства". По возвращеніи изъ Костромы, Остроумовъ 25 іюля 1827 г. подалъ директору пространный рапортъ, въ которомъ онъ подробно описываетъ всѣ замѣченныя имъ особенности въ устройствѣ помѣщенія Костромской гимназіи. Такъ, между прочимъ, онъ отмѣчаетъ, что ученическіе столы въ этой гимназіи сдѣланы покатыми, съ лежащей на верху ровною планкою для поставленія чернилицъ, выкрашены черной краской и покрыты лакомъ, что при чисто выбѣленныхъ стѣнахъ весьма ярко. На стѣнахъ классическихъ комнатъ развѣшаны географическія карты изданія Топографическаго депо, также—историческія карты Россіи Филлистри, которыя всѣ лакомъ покрыты, что продолжительнѣе сохраняетъ ихъ цѣлость. Для учителей въ классахъ не поставлено каѳедръ, но амвоны со столомъ и креслами. При этомъ рапортѣ приложенъ планъ зданія Костромской гимназіи, чертежъ аудиторіи и кабинета и рисунокъ шкафовъ. Въ концѣ Остроумовъ высказываетъ свои соображенія относительно устройства нашей гимназіи:

1) при нѣкоторой передѣлкѣ верхняго этажа, гдѣ помѣщаются классныя комнаты, изъ коихъ нѣкоторыя проходныя, можно было бы превзойти Костромскую гимназію, если устроить такъ, чтобы каждый классъ имѣлъ отдѣльный входъ.

2) Въ Костромск. гимназіи библіотечные шкафы помѣщены въ аудиторіи (?), а во Владимірской гимназіи для этого есть особая комната.

3) По примѣру Костр. гимназіи слѣдовало бы выставить на особой доскѣ въ залѣ для публичныхъ собраній имена благотворителей гимназіи.

4) Въ классахъ нужно передѣлать ученическіе столы.

5) Завести новое полное собраніе картъ, изданныхъ Топографич. депо, и также покрыть ихъ лакомъ, что сдѣлать бы и съ налицо находящимися картами.

6) Сдѣлать особливый шкафъ для храненія глобусовъ и картъ.

Немедленно же (30 іюля) созванъ былъ директоромъ хозяйственный совѣтъ гимназіи для обсужденія вопроса о приведеніи въ порядокъ помѣщенія гимназіи. Совѣтъ постановилъ: 1) расположить библіотеку и собранія учебныхъ пособій въ залѣ, причемъ старые шкафы выкрасить и исправить и построить нѣсколько вновь.

2) Пріобрѣсти столъ для засѣданій совѣта и заказать 14 новыхъ ученическихъ столовъ со скамьями для классовъ гимназіи и уѣзднаго училища и перекрасить классныя черныя доски. Все это постановлено было сдѣлать съ торговъ. Цѣны на торгахъ опредѣлились слѣдующія:

2 шкафа новыхъ, столъ для засѣданій и 14 ученич. столовъ со скамьями.	200 р.
Покрытіе лакомъ 9 шкафовъ и окраска 13-ти шкафовъ, 2 ящиковъ, 6 столовъ, 14 новыхъ ученич. столовъ и 7 досокъ	400 „
Постройка и выкраска въ темносинюю краску 13 дощечекъ съ надписями золотомъ	27 „
Всего . . .	627 р.

Необходимый для этого кредитъ въ указанномъ размѣрѣ былъ скоро испрошенъ у университескаго начальства, и также быстро произведены были передѣлки по этой смѣтѣ. Такимъ образомъ, когда 31 августа 1827 г. Училищный комитетъ прислалъ копію съ отношенія къ попечителю Моск. уч. округа сенатора Дурасова, ревизовавшаго Костромскую губернію и выразившаго свое особенное удовольствіе по поводу отличнаго состоянія тамошней гимназіи, директоръ Дмитревскій имѣлъ возможность отвѣтить попечителю округа, что и Владимірская гимназія приняла уже вполнѣ образцовый видъ, и что посѣтившая ее по случаю открытаго испытанія публика, особенно же начальникъ губерніи, удостоила сію новую реформу лестнаго одобренія. „Состарѣвшись въ коренныхъ правилахъ отечественнаго воспитанія, такъ заключилъ Дмитревскій свой рапортъ попечителю, я не знаю иного закона, кромѣ воли начальства, ни иной награды, кромѣ одобренія власти. Быть достойнымъ орудіемъ въ рукѣ вашей, просвѣщеннѣйшій мужъ, есть и будетъ цѣлью всѣхъ моихъ рвеній“.

Составъ библіотеки. Судить о составѣ нашей библіотеки за изучаемое нами время по даннымъ нашего архива очень трудно; не сохранилось никакихъ каталоговъ, ни хронологическихъ, ни систематическихъ, можетъ быть потому, что ихъ и не было. Шнуровыя библіотечныя книги заведены въ нашей гимназіи только съ 1 января 1834 года, т. е. уже послѣ введенія новаго Устава. При этомъ всѣ книги, пріобрѣтенныя до 1834 г., занесены были въ шнуровую хронологическую книгу безъ всякаго порядка; значитъ у лица, составлявшаго эту книгу, не было подъ руками матеріала для размѣщенія изданій въ порядкѣ ихъ поступленія. При отсутствіи хронологическихъ описей, очевидно не было и систематическихъ. Еще въ 1827 г., когда Учил. комитетъ затребовалъ отъ директора каталоги гимназической библіотеки (предп. 29 апр. 1827), послѣдній представилъ въ университетъ безпорядочную опись очевидно на скорую руку составленную не по документамъ, а прямо по наличному запасу книгъ въ шкафахъ; на замѣчаніе университета, что въ размѣщеніи книгъ по сортамъ не соблюдено порядка по содержанію, Дмитревскій не нашелъ себѣ лучшаго оправданія, какъ то, что заведеннаго имъ расположенія требовалъ необходимо форматъ: книги надобно разставлять въ одну мѣру безъ, чего въ библіотекѣ небыло бы ни стройности, ни красы (рапортъ 12 іюня 1827).

До насъ сохранилась опись библіотеки, сдѣланная 13 августа 1805 года по случаю визитаціи профессора Прокоповича-Антонскаго. Опись эта составлена безъ всякаго порядка и послѣдовательности. Разбираясь въ ней, находимъ, что наиболѣе полно представленъ отдѣлъ классическій, состоящій изъ латинскихъ авторовъ; книги эти были пріобрѣтены передъ самымъ открытіемъ гимназіи, и объ нихъ упоминалось въ своемъ мѣстѣ. Книгъ математическаго содержанія вовсе нѣтъ. Исторія представлена въ сочиненіяхъ: Стриттера „Исторія Россійская", Ѳеоф. Прокоповича „Исторія Петра Вел.", Голикова „Сказаніе Петра Вел." и Шлецера „Представленіе всеобщей исторіи". По географіи встрѣчаемъ: „Путешествіе Лепехина", „Описаніе Сибирскихъ народовъ", „Описаніе Сибирскаго царства", „Всемірный путешествователь" въ 27 т. и „Палласово путешествіе по Россіи". По изящной литературѣ: сочиненія Карамзина, Княжнина, Сумарокова, Хераскова и Ломоносова. По натуральной

исторіи: „Магазинъ натуральной исторіи, физики и химіи“ въ 10 ч. и „Ботаническій словарь“ въ 2 частяхъ. Вся же остальная масса книгъ и брошюръ — самаго разнообразнаго содержанія; здѣсь встрѣчаемъ рядомъ и „Вопль истины противъ соблазна міра“ и „Ключъ коммерціи“, и „Домашній лечебникъ“ и „Фортификацію“ Войтяховскаго, и „Правила общежитія“, и разнаго рода „Письмовники“ и многое множество подобныхъ книжекъ, которыя можно объединить только однимъ общимъ заглавіемъ смѣси.

Изъ болѣе крупныхъ пріобрѣтеній въ послѣдующее время отмѣтимъ нѣкоторыя, упоминаемыя въ документахъ нашего архива:

Въ 1809 году:

История Римскихъ императоровъ, 4 части.
„ Испаніи въ 2 ч.
Ручная библіотека въ 3 ч.
Разныя забавы въ 2 ч.
Естественная богословія Дергама.
Изъясненіе на литургію.
Исторія Ла Кроца.
Путешествіе въ Казань.
Начальныя основанія астрономіи.
Описаніе монастырей, и нѣкот. другія.

Въ 1821 г. куплено книгъ на 200 рублей преимущественно богословскаго содержанія:

Новый завѣтъ на греческ. языкѣ.
Philosophie divine.
Arndt's Christenthum.
Утѣшеніе христіанина.
Руководство къ благочестивой жизни.
Нравственная Соль, и другія.

Въ 1822 г.

О подражаніи Христу, Ѳомы Кемп., ц. 6 р.
Римская исторія аббата Миллота, ц. 3 р.

Въ 1826 г.

Русская исторія маіора Глинки, ц. 55 р.

Въ 1831 г.

Исторія Малой Россіи Бантышъ-Каменскаго, ц. 35 р.

О неблагоразумномъ и превратномъ воспитаніи дѣтей,—Стойковича,

Иліада въ пер. Гнѣдича.

Въ 1832 г.

Опытъ естеств. исторіи всѣхъ животныхъ Рос. имперіи, Двигубскаго, ц. 125 р.

Наконецъ, надо упомянуть о періодическихъ изданіяхъ, которыя за изучаемое время выписывались въ нашу гимназію. За все время безъ перерыва получались Московскія вѣдомости передовымъ номеромъ, ц. 27 р. и Вѣстникъ Европы. ц. 24 р. Довольно долгое время наша гимназія обходилась этими двумя изданіями. Затѣмъ понемногу число ихъ возрастало. Съ 1817 г. по 1825 г. выписывался Сіонскій Вѣстникъ (отобранный по распоряж. Учил. ком. отъ 26 мая 1825); съ 1821 по 1829 г.— Записки Департамента нар. пр.; затѣмъ, въ 1823 г. упоминается Христіанское чтеніе, изд. С.-Петербургской Дух. академіей, ц. 25 р.; въ 1824 г. Магазинъ натуральной исторіи, ц. 19 р. Въ 1825 г. было выписано наибольшее количество газетъ и журналовъ: Московскія вѣдомости, Вѣстн. Европы, Магазинъ натур. исторіи, Указатель открытій по физикѣ, химіи, естеств. исторіи и технологіи, изд. Щегловымъ (25 р.), Московскій Телеграфъ (40 р.). Журналъ изящныхъ искусствъ, изд. Григоровичемъ (35 р.), Христіанское чтеніе и Отеч. записки. За то въ 1826 г. сокращеніе доходовъ гимназіи заставило ограничиться однѣми Московскими вѣдомостями, къ которымъ въ 30-хъ годахъ прибавились Ученыя записки, издав. при Моск. университетѣ, да Русск.-Инвалидъ (45 р.). Всѣ періодическія изданія высылались черезъ газетныя экспедиціи при Московскомъ и С.-Петербургскомъ почтамтахъ, куда и направлялись деньги на подписку; экспедиція уже сама сносилась съ редакціями и ежегодно въ началѣ подписного года присылала въ нашу гимназію реестры всѣхъ изданій съ обозначеніемъ цѣны каждаго. Исключеніе составлялъ лишь Московскій университетъ, высылавшій всѣ свои изданія черезъ своихъ книгопродавцевъ-комиссіонеровъ.

Кабинеты. Физико-математическій кабинетъ за весь періодъ оставался въ томъ видѣ, какой онъ имѣлъ при открытіи гимназіи; до самаго 1833 года не было сдѣлано ни малѣйшаго приращенія.

Основаніе кабинету естественно-историческому было положено въ 1817 году. Директоръ Дмитревскій, чувствуя потребность гимназіи въ такомъ кабинетѣ и не имѣя для этого нужныхъ средствъ, узналъ случайно, что Иркутскій губернаторъ Ник. Ив. Трескинъ сдѣлалъ значительное приношеніе Московскому обществу испытателей природы въ формѣ большой минералогической коллекціи. Немедленно же Дмитревскій отправилъ къ Трескину, котораго не зналъ въ лицо, пространное письмо (26 янв. 1816 г.), гдѣ, указывая на извѣстную ученому свѣту ревность губернатора къ изслѣдованію дѣлъ Всемогущаго и къ распространенію познанія о нихъ, онъ проситъ его облагодѣтельствовать Владимірскую гимназію хотя малыми крупицами отъ богатствъ, хотя немногими искрами отъ чудесъ натуры, обильно разсѣянныхъ въ нѣдрахъ обширныхъ областей Сибири. Въ отвѣтъ на это письмо, въ ноябрѣ 1817 г., Трескинъ прислалъ въ даръ нашей гимназіи коллекцію Сибирскихъ камней и металловъ въ количествѣ 130 штуфъ, къ великой признательности гимназіи; въ маѣ 1819 г. онъ же прислалъ еще небольшой ящикъ съ 67 камнями. 9 октября 1820 года Министерство нар. просвѣщенія утвердило опись этого собранія, составленную Онисимовымъ; опись найдена была правильною, минералы—расположенными въ систематическомъ порядкѣ, а самое собраніе—весьма достаточнымъ для употребленія при прохожденіи предмета. Затѣмъ минералогическая коллекція нашей гимназіи постепенно пополнялась, хотя мы не знаемъ, изъ какихъ источниковъ; такъ въ 1831 г. она заключала въ себѣ 128 №№ камней и 101 № металловъ; въ 1832 г. упоминается о расположеніи камней въ 6 отдѣленіяхъ, а металловъ въ 11-ти.

Въ настоящее время эта коллекція представляется въ очень жалкомъ видѣ. Отъ долгаго лежанія въ сараѣ многіе минералы разсыпались, нумера съ отдѣльныхъ штуфовъ исчезли, и не сохранилось никакихъ описей.

Наконецъ, въ исторической запискѣ за 1806 годъ находится краткое указаніе, что въ этомъ году гимназіей выписано было 20 фигуръ по естественной исторіи на 16 рублей ас. Но

какова была судьба этой коллекціи въ послѣдующее время и изъ какихъ предметовъ она состояла—мы не знаемъ. Странно, что въ отчетахъ о состояніи гимназіи она вовсе не упоминалась.

Неустройства школьной жизни.

Если въ заключеніе подвести итоги всему вышеизложенному, то придется сознаться, что результаты этой первой попытки создать нормальную среднюю школу были далеко не блестящи. Школа оказалась не въ силахъ выполнить своего назначенія, и общество было вправѣ недовѣрять ей. Внѣшнимъ образомъ это выразилось въ крайней малоуспѣшности учащихся и въ прогрессивномъ уменьшеніи ихъ числа.

Малоуспѣшность учениковъ была общимъ явленіемъ, своего рода хроническимъ недугомъ, которымъ гимназія страдала съ первыхъ дней своего существованія. Жалобы на это раздаются постоянно, оговорки въ этомъ смыслѣ дѣлаются въ каждомъ отчетѣ, отсылаемомъ въ университетъ. Мѣстное училищное начальство принимаетъ всѣ зависящія отъ него мѣры для борьбы съ этимъ зломъ. Нѣсколько разъ ежегодно дирекція печатаетъ особыя „публики", которыя расклеиваются по городу и разсылаются на дома черезъ полицію; въ нихъ родители и родственники учащихся въ гимназіи и въ другихъ училищахъ Владиміра предупреждаются, что „ученики нерадивые, часто въ классы поздно приходящіе или и вовсе ихъ прогуливающіе, никогда отъ начальства аттестатовъ не получатъ, а и совсѣмъ изъ оныхъ исключатся, если въ теченіе мѣсяца лучшихъ успѣховъ не окажутъ" (публики 29 марта 1811 г., 14 апрѣля 1814 г. и др.). Старались пріохочивать учениковъ къ занятіямъ разнаго рода поощреніями, не скупясь на награды и заставляя учащихся давать письменныя обязательства усугубить рвеніе, труды и усилія, чтобы заслужить похвалу и честь, аккуратно являться въ классы, учить уроки твердо дома, быть внимательными въ классахъ и соревновать другъ другу въ чести быть лучшимъ. „Лучшіе изъ васъ, заканчивается одинъ такой ордеръ, будутъ награждены, другіе переведены въ слѣдующіе классы, всѣ же насладитесь въ

іюлѣ васъ ожидающимъ отдыхомъ, тѣмъ пріятнѣйшимъ для васъ, если вы истинно его трудомъ заслужите". (Орд. 2 іюня 1828 г.). Съ таковыми же письменными увѣщаніями обращается нерѣдко начальникъ заведенія и къ учителямъ, побуждая ихъ приложить все усердіе и ревность въ прохожденіи должности, дабы ученики, столь мало успѣвающіе, вовсе не остались безъ успѣха. „Поощряйте ихъ, пишетъ директоръ въ своемъ ордерѣ отъ 23-го мая 1811 г., и понуждайте черезъ сношеніе съ родственниками. Честь и благородство ваше состоятъ въ отличномъ рвеніи къ достиженію цѣли вашей обязанности, и сіе единственно отличіе доставитъ мнѣ пріятный случай отдать каждому изъ васъ должную справедливость предъ его превосходительствомъ г. попечителемъ учебнаго округа".

Возрастъ учащихся и продолжительность засиживанія въ одномъ классѣ. Тотъ и другой вопросъ въ Уставѣ 1804 года оставлены безъ разрѣшенія. Можно было бы думать, что сама школьная практика выработаетъ извѣстныя нормы, но этого на самомъ дѣлѣ не было. Дирекція нашей гимназіи считала себя не вправѣ отказывать въ пріемѣ дѣтей по малолѣтству, но въ то же время постоянно жаловалась, что предметовъ ученія столь много, а учащіеся столь юны, что не могутъ обнимать ихъ, а потому и успѣвать. Еще большимъ препятствіемъ для успѣховъ гимназіи было то, что въ одномъ классѣ сгруппировывались ученики самыхъ различныхъ возрастовъ; дѣти и взрослые молодые люди сидѣли рядомъ и занимались одними предметами. Просматривая списки учащихся, сохранившіеся до насъ, находимъ, что въ I классѣ возрастъ учениковъ колебался даже въ тридцатыхъ годахъ между 10 и 18 годами; въ II классѣ—между 11-ю и 19-ю г., а въ III и IV классахъ—между 14 и 22. Тоже самое надо сказать и относительно засиживанія учениковъ въ одномъ и томъ же классѣ. Рѣдкій ученикъ, даже изъ лучшихъ оставался въ каждомъ классѣ по одному году. Программа гимназическаго курса была настолько велика, что одолѣть ее въ теченіе 4-хъ лѣтъ было почти невозможно. Вотъ почему нерѣдко встрѣчаются такіе случаи, что ученикъ, ежегодно отлично аттестованный учителями и получавшій награды, едва успѣвалъ закончить свое образованіе въ теченіе 10 лѣтъ. Восьми и особенно 6-лѣтнее пребываніе въ гимназіи до окончанія полнаго курса было явленіемъ почти нормальнымъ.

Если встрѣчаемъ указаніе на выходъ ученика изъ гимназіи послѣ 4-лѣтняго въ ней пребыванія, то въ большинствѣ случаевъ такой ученикъ оказывается некончившимъ полнаго курса, или даже выбывшимъ „недождавшись переводу".

Манкировки учениковъ были также явленіемъ, съ которымъ тщетно боролось училищное начальство. Жалобы на частые прогулы учениковъ раздаются постоянно со стороны всѣхъ учителей. Въ 1810 году учитель французскаго языка Траутманъ доноситъ, что при 300 годичныхъ урокахъ и 42-хъ ученикахъ, въ теченіе года было имъ отмѣчино 836 манкировокъ, т. е. на каждаго ученика около 20 пропущенныхъ уроковъ франц. языка въ годъ. Въ 1814 г. фонъ-Ферельцтъ въ особомъ рапортѣ проситъ директора принять энергичныя мѣры противъ частыхъ прогуловъ учениковъ, завѣдомо безъ уважительныхъ причинъ. Въ его же отчетѣ за 1817 годъ показано, что нѣкоторые ученики пропустили по его предмету кто 107, а кто и 143 урока изъ числа всѣхъ 257 ур., данныхъ имъ въ теченіе года. Такія же жалобы раздаются и со стороны другихъ учителей. Въ мартѣ 1833 г., при выдачѣ свидѣтельства ученику II класса Пѣвницкому, учитель математики Соханскій заявилъ, что за все 4-лѣтнее свое пребываніе въ гимназіи Пѣвницкій едва ли въ общемъ одинъ годъ посѣщалъ классъ математики. Когда въ 1833 году, при введеніи новаго Устава, пришлось выяснить дѣйствительный комплектъ учениковъ гимназіи, совѣтъ гимназіи счелъ себя вынужденнымъ исключить за систематическое нехожденіе въ классы около 20 учениковъ, изъ которыхъ многіе (14 человѣкъ) на основаніи особыхъ испытаній были снова приняты въ гимназію послѣ ея преобразованія.

Недостатокъ въ ученикахъ. Другое не менѣе серьезное зло, носившее также хроническій характеръ, былъ недостатокъ въ ученикахъ. Во Владимірскомъ Главномъ народномъ улилищѣ въ моментъ его преобразованія въ гимназію было 103 ученика; изъ нихъ 53 ученика III и IV классовъ переведены были въ I и II классы гимназіи, а остальные 50 учениковъ I и II класса Главнаго училища составили комплектъ Владимірскаго уѣзднаго училища. Съ этихъ поръ вплоть до 1830 года число учениковъ нашей гимназіи ни разу не достигло показанной цифры 53-хъ, колеблясь между 52 (1824 г.) и 25 (1820 г.).

Въ первое время послѣ открытія гимназіи замѣчается быстрая убыль учениковъ; такъ, уже въ декабрѣ 1804 г. число ихъ доходитъ едва до 45-ти. Затѣмъ, въ теченіе 1805 года вновь поступило 26 учениковъ, а выбыло 24, такъ что къ концу этого года общее число учениковъ увеличилось всего на 2. Въ 1806 г. вновь поступило только 12 человѣкъ, тогда какъ выбыло за то же время 17 человѣкъ; въ 1807 г. вновь поступило 8, а выбыло 18 и т. д. Прогрессивное уменьшеніе числа учащихся имѣло своимъ послѣдствіемъ то, что гимназія наша долгое время затруднялась съ открытіемъ IV класса, и хотя онъ былъ наконецъ открытъ въ 1811 году, но за весь изучаемый періодъ существовалъ почти номинально, такъ какъ занятія учениковъ III и IV классовъ шли совмѣстно почти по всѣмъ предметамъ; по той же причинѣ въ 1823—4 учебномъ году не было III класса, а въ слѣдующемъ—IV. Уже въ рапортѣ въ Училищный комитетъ отъ 13-го августа 1805 г. директоръ жалуется на то, что лучшіе по дарованіямъ ученики покидаютъ гимназію, не окончивъ курса ученія. Таже жалоба повторяется и въ рапортѣ 22-го января 1807 г., а затѣмъ—почти во всѣхъ годичныхъ отчетахъ по гимназіи.

Отношеніе общества къ школѣ. Учебное начальство, и мѣстное и центральное, не могло конечно не задумываться надъ причинами этихъ печальныхъ явленій въ школьной жизни, такъ такъ иначе самая борьба съ ними была бы невозможна. Интересно прежде всего выяснить, какъ смотрѣло на дѣло гимназическое начальство: тутъ мы встрѣчаемъ постоянныя жалобы на равнодушіе общества къ оффиціальной школѣ. „Невѣдѣніе родителями учениковъ пользы отъ ученія“—составляетъ непремѣнное ceterum censeo почти каждаго донесенія по начальству, независимо отъ остального содержанія. Таковы напр. сохранившіеся въ нашемъ архивѣ рапорты директора Цвѣтаева въ Училищный комитетъ отъ 13 августа 1805 г. и отъ 22 января 1807 г. Директоръ Дмитревскій въ каждомъ годичномъ отчетѣ считаетъ нужнымъ пожаловаться на полное отсутствіе въ обществѣ потребности въ ученіи. По его словамъ, онъ на каждомъ шагу встрѣчаетъ въ своей дѣятельности непреоборимыя препятствія: всеобщее закоренѣлое незнаніе и нехотѣніе знать цѣны просвѣщенія, повсемѣстное бездѣйствіе и даже сопротивленіе къ распространенію онаго, даже со стороны органовъ администраціи; „тутъ, патети-

чески восклицаетъ авторъ въ одномъ изъ своихъ донесеній, о Боже долготерпѣливый! законы оставляются, убѣжденія не пріемлются, доказательства не уважаются, совѣты отвергаются, настоянія презираются, просьбы осмѣиваются. Общая польза есть незнакомая рѣчь, любовь къ человѣчеству—странный языкъ. Все—косность и личность, все собственность и частныя выгоды"! (Рапортъ 10 ноября 1818 г.). Несомнѣнно, въ этой картинѣ есть нѣкоторая доля преувеличенія, допущенная Дмитревскимъ можетъ быть въ силу присущей ему склонности къ риторическимъ эффектамъ; но съ другой стороны вполнѣ справедливымъ является упрекъ если не всему тогдашнему русскому обществу, то отдѣльнымъ его представителямъ, въ легкомысленномъ отношеніи къ вопросамъ, касающимся школы. Архивъ нашей гимназіи сохранилъ одинъ любопытный образчикъ такого рода. Въ 1825 году Владимірскій помѣщикъ секундъ-маіоръ графъ Петръ Борисовичъ Толстой помѣстилъ въ число учениковъ гимназіи нѣкоего Николая Силистровскаго, взятаго имъ на свое попеченіе изъ Владимірскаго воспитательнаго дома Приказа обществ. призрѣнія. По всему видно, что опекунъ принималъ серьезное участіе въ судьбѣ своего воспитанника, котораго онъ обезпечилъ въ матеріальномъ отношеніи значительнымъ капиталомъ, положеннымъ въ Московскій Опекунскій совѣтъ. Между тѣмъ въ письмѣ своемъ къ директору гимназіи отъ 3 января 1826 года графъ Толстой, извѣщая о своемъ намѣреніи записать „своево Николиньку", которому едва минуло 13 лѣтъ, чиновникомъ во Владимірскую Уголовную палату, проситъ о выдачѣ ему аттестата, безъ коего невозможно поступленіе на гражданскую службу, съ тѣмъ однако, чтобы Силистровскому разрѣшено было въ свободное время „продолжать науку" въ гимназіи. Разумѣется подобная комбинація признана была невозможной, и дѣло кончилось тѣмъ, что Силистровскій, прекрасно аттестованный учителями, успѣвшій за короткое время своего пребыванія въ гимназіи получить награду, выбылъ въ январѣ 1826 года для поступленія въ гражданскую службу.

Частные учителя. Другой причиной, которая, по мнѣнію училищнаго начальства, отвлекала учениковъ отъ правительственной школы, были частные, „неаттестованные" учителя. Уже раньше мы имѣли случай указать на то, что домашнее воспитаніе и образованіе практиковалось въ изучаемое нами время все еще въ

очень широкихъ размѣрахъ среди высшихъ классовъ русскаго общества; въ каждой достаточной дворянской семьѣ, гдѣ были дѣти, считалось необходимымъ имѣть гувернеровъ и учителей, чаще всего иностранцевъ. Озабочиваясь привлеченіемъ учениковъ въ казенныя заведенія, училищное начальство видѣло въ этомъ гувернерствѣ и частномъ учительствѣ большую для себя помѣху и принимало всѣ мѣры къ тому, чтобы, если не искоренить, то насколько возможно болѣе стѣснить этотъ родъ дѣятельности.

Еще указъ правительств. сената отъ 5 мая 1757 г. ставитъ подъ контроль правительства всѣхъ занимающихся частной педагогической практикою, требуя отъ нихъ извѣстнаго образовательнаго ценза. „Апрѣля 29 дня сего 1757 года, гласитъ этотъ указъ, Ея Императорское Величество Высочайше указать благоволила находящихся какъ въ С.-Петербургѣ, такъ и въ Москвѣ въ партикулярныхъ домахъ инастранныхъ націй учителей въ ихъ наукахъ всѣхъ свидѣтельствовать и экзаменовать, здѣсь — въ Десіансъ-Академіи, а въ Москвѣ — въ Императорскомъ университетѣ; которые же собою живутъ и школы содержатъ, тѣмъ самимъ къ свидѣтельству и экзаминаціи о ихъ достоинствѣ явиться въ оныхъ же Академіи и Университетѣ немедленно, а безъ таковаго свидѣтельства и аттестатовъ никому въ домахъ своихъ таковыхъ учителей не держать и самихъ школъ не имѣть, подъ опасеніемъ неупустительнаго штрафа, а именно: съ тѣхъ, которые безъ аттестатовъ примутъ, или которые уже въ домахъ есть, а не объявя держать станутъ, взыскивать штрафа за каждаго по сту рублей, а тѣхъ учителей, кто безъ аттестатовъ школы имѣть будетъ, высылать за границу, а помянутымъ Академіи и Университету въ свидѣтельствѣ ихъ и въ дачѣ имъ аттестатовъ поступать по сему Ея Императорскаго Величества указу“. Однако, какъ видно, указъ этотъ примѣнялся на практикѣ только къ содержателямъ частныхъ пансіоновъ; услѣдить же за домашними воспитателями, даже при содѣйствіи административныхъ властей, оказывалось въ большинствѣ случаевъ невозможнымъ. Несмотря на цѣлый рядъ предписаній со стороны университетскаго начальства, требовавшихъ неуклоннаго исполненія вышеприведеннаго указа во всей его строгости, число неаттестованныхъ или самозванныхъ учителей не только не уменьшалось, а наоборотъ возростало съ каждымъ гогодомъ, доставляя мѣстнымъ училищнымъ властямъ не мало серь-

сзныхъ хлопотъ. Изъ году въ годъ накоплялись въ канцеляріи и въ архивѣ нашей гимназіи объемистыя „дѣла“ о неаттестованныхъ учителяхъ, но пользы отъ этого было мало; дирекція видимо была не въ силахъ собственными средствами побороть зло и принуждена была искать внѣшней помощи, обращаясь за содѣйствіемъ къ административнымъ властямъ. Передъ самымъ открытіемъ нашей гимназіи, директоръ Цвѣтаевъ представилъ во Владимірскій Приказъ общ. призрѣнія пространную докладную записку (28-го августа 1804 г.), въ которой, указывая на неустанныя заботы правительства о народномъ образованіи, замѣчаетъ, что дѣйствительность далеко не соотвѣтствуетъ Высочайшимъ предначертаніямъ, несмотря на всѣ мѣры, которыя принимались въ разсчетѣ на успѣхъ. Такъ, попеченіе о народныхъ училищахъ сверхъ директора поручено было предводителямъ дворянства, городничимъ и городскимъ головамъ, дабы эти лица „склоняли“ всякаго состоянія обывателей Владимірской губерніи къ отдачѣ малолѣтнихъ дѣтей для обученія въ народныя училища. Дѣлались строжайшія предписанія городскимъ и сельскимъ полиціямъ о воспрещеніи учить всякаго званія людямъ, не имѣющимъ на то права, навѣдываясь и о домашнихъ учителяхъ. Но при всѣхъ стараніяхъ и попеченіяхъ Владимірскаго начальства, результаты, по словамъ Цвѣтаева, оказались крайне незначительны. Число учащихся не увеличивается; родители или родственники дѣтей небрегутъ объ установленномъ порядкѣ; число домашнихъ училищъ и учителей въ губерніи все растетъ, а ни директоръ, ни Приказъ общ. призрѣнія объ нихъ свѣдѣнія не имѣютъ. И вотъ, въ интересахъ школы, „яко ходатай о пользѣ училищъ и народнаго просвѣщенія предъ начальникомъ губерніи и Приказомъ общ. призрѣнія“, директоръ предлагаетъ цѣлый рядъ мѣръ: предписать градскимъ и земскимъ полиціямъ, чтобы они строжайше подтвердили всѣмъ живущимъ въ подвѣдомственныхъ имъ городахъ и уѣздахъ, дабы никто неиспытанный въ народныхъ училищахъ и не получившій отъ оныхъ и директора на званіе и способности свои свидѣтельства, не дерзалъ обучать нигдѣ и никого никакимъ языкамъ и наукамъ, а равномѣрно никто не дерзалъ таковымъ учителямъ дѣтей своихъ или питомцевъ отдавать для обученія подъ опасеніемъ взысканія по всей строгости законовъ. Если гдѣ либо есть, или впредь таковые преслушники Вы-

сочайшей воли окажутся, то воспретя продолженіе ученія, обязывать ихъ въ исполненіи оной подписками, съ приложеніемъ которыхъ доносить немедленно Приказу общ. призрѣнія, склоняя ихъ при всякомъ удобномъ и приличномъ случаѣ отдавать дѣтей въ народныя училища. Полиція, передъ начатіемъ каждой половины учебнаго теченія должна обвѣщать всѣхъ городскихъ жителей, не пожалаетъ ли кто изъ нихъ отдавать дѣтей въ оныя, и буде пожелаетъ—препровождать ихъ туда при объявленіи. Дабы удобнѣе слѣдить за положеніемъ дѣла, полиція должна представлять въ Приказъ вѣдомости о всѣхъ дѣтяхъ въ городахъ находящихся отъ 7 до 15 лѣтъ, съ показаніемъ состоянія ихъ родителей, у кого и чему обучаются или обучались. Наконецъ, полиція должна дать свѣдѣнія о всѣхъ домашнихъ училищахъ и учителяхъ, дабы немедленно закрывать ихъ, коль скоро означенныя лица не имѣютъ на то свидѣтельствъ.

Неизвѣстно, какъ отозвался на эту докладную записку Владимірскій Приказъ общ. призрѣнія; для насъ важно только отмѣтить это постоянное обращеніе за содѣйствіемъ къ полиціи, которое лучше всего доказываетъ, что учебное начальство пришло къ сознанію своего полнаго безсилія дать школьной жизни нормальное направленіе, обезпечить ей правильное существованіе.

Эта мысль о принудительномъ привлеченіи учениковъ въ правительственныя школы не оставлялась и въ послѣдующее время. Директоръ Дмитревскій въ годичномъ отчетѣ о состояніи гимназіи за 1813 годъ, жалуясь на равнодушіе общества къ ученію, выражаетъ сожалѣніе, что „училищныя начальства никакого не имѣютъ права принуждать“, и предлагаетъ университету принять начальственныя свои мѣры, „дабы мѣстныя правительства сдѣлали строгое предписаніе: 1) жителямъ всѣхъ состояній не обучать дѣтей въ партикулярныхъ домахъ у учителей безъ аттестатовъ, но отдавать ихъ въ училища въ предписанные Уставомъ сроки; а неаттестованныхъ учителей подвергать суду, по силѣ предписанія Училищнаго комитета отъ 28 февр. 1812 г. объ исполненіи Указа 1757 года. 2) До окончанія курса изъ училищъ учениковъ не выпускать. 3) Кромѣ табельныхъ дней родителямъ дѣтей своихъ въ домахъ не оставлять, всякими учебными пособіями снабдѣвать и за самовольное нехожденіе въ классы и нерадѣніе—отыскивать. Наконецъ 4) предписать судебнымъ мѣстамъ, дабы по 24 § Предв.

правилъ нар. просвѣщенія никто не опредѣлялся на службу безъ аттестатовъ отъ учебныхъ заведеній, свидѣтельствующихъ объ успѣхахъ ихъ въ ученіи. Безъ сихъ мѣръ, заключаетъ свое донесеніе директоръ, какъ показалъ 5-лѣтній его опытъ, учебныя заведенія никогда не достигнутъ той цѣли, какую августѣйшій монархъ благоволилъ въ семъ предметѣ предположить".

Иногда измышлялись мѣры очень оригинальныя. Такъ, 3 января 1805 года директоръ Цвѣтаевъ проситъ у высшаго начальства, для предупрежденія умаленія учащихся въ гимназіи, прекратить временно, пока потребуютъ того мѣстныя обстоятельства, преподаваніе въ уѣздномъ училищѣ тѣхъ предметовъ, кои общи у него съ гимназіей, именно исторіи, географіи, 2-й части ариѳметики и россійской грамматики. Ученики и безъ сихъ предметовъ могутъ быть принимаемы въ гимназію, по примѣру Московской, куда поступаютъ юноши, знающіе лишь 4 правила ариѳметики, да начальныя основанія россійской грамматики. Разумѣется, Училищный комитетъ не разрѣшилъ такой странной мѣры.

Въ другой разъ учитель фонъ-Ферельцтъ составилъ проэктъ обложенія 20% денежнымъ сборомъ всѣхъ вольныхъ учителей и Учительницъ, не исключая наемныхъ дядекъ, которые, по словамъ автора, пользуясь нарочитыми выгодами, не приносятъ за оныя ни малѣйшаго пожертвованія правительству; предполагая, что число такихъ лицъ по всей Имперіи простирается до 50 тысячъ, и что нормальный окладъ каждаго въ среднемъ выводѣ не менѣе 400 р. въ годъ, Ферельцтъ высчиталъ, что 20% обложеніе можетъ дать по крайней мѣрѣ милліонъ рублей, которые могутъ быть съ пользою употреблены на содержаніе бѣдныхъ учениковъ гимназій. (Извлеченіе изъ журнала Главн. учил. правл. отъ 4 іюня 1809). Проэктъ Ферельцта, представленный въ университетъ, произвелъ тамъ настолько сильное впечатлѣніе, что дѣло было доведено до свѣдѣнія Главнаго правленія училищъ, которое однако на этотъ разъ не согласилось даже и въ принципѣ съ идеей обложенія какимъ бы то ни было сборомъ вольнопрактикующихъ педагоговъ. Вотъ тѣ возраженія, которыя были сдѣланы Главнымъ правленіемъ: 1) домашніе учители, учительницы и дядьки воздаютъ государству личными способностями и трудами, коими приготовляютъ для пользы онаго граждавъ. 2) Они, не составляя по симъ занятіямъ особеннаго класса гражданъ, а при-

надлежа къ извѣстнымъ какимъ либо званіямъ и состояніямъ, пользующимся особливыми правами, преимуществами и обязанностями, не могутъ быть подвергнуты симъ новымъ повинностямъ. 3) Ежегодный вычетъ 20-й доли доходовъ обременителенъ, а особливо для получающихъ малое жалованье, и когда они сверхъ того имѣютъ жительство въ мѣстахъ, гдѣ статьи содержанія дороги. 4) Разсчетъ автора проэкта относительно суммъ, основанный на числѣ сихъ учителей, учительницъ и дядекъ не вѣренъ, и число ихъ несравненно менѣе пятидесяти тысячъ, когда положить въ оное даже и тѣхъ, кои за воспитаніе получаютъ самое маловажное награжденіе или и вовсе ничего, исключая своего содержанія. По симъ причинамъ Правленіе не признало означенный проектъ заслуживающимъ уваженія.

Однако такой взглядъ на дѣло очень скоро измѣнился въ правящихъ сферахъ. Высоч. указъ 25 мая 1811 года устанавливаетъ 5% сборъ съ содержателей частныхъ пансіоновъ и вообще со всѣхъ лицъ, занимающихся частной педагогической практикою; въ 1814 г. этотъ сборъ былъ распространенъ даже на учителей гимназіи, держащихъ у себя на дому нахлѣбниковъ изъ числа учениковъ гимназіи. Впрочемъ эта мѣра не достигла цѣли и была отмѣнена Высоч. указомъ 5 дек. 1816 г. на томъ основаніи, что тяжесть сбора падала всецѣло не на частныхъ учителей, а на родителей, понижая этимъ еще болѣе общій уровень образованія общества. Позднѣе правительство снова вернулось къ той же мысли и установило 50 рублевый сборъ съ каждаго свидѣтельства на право домашняго обученія. (Высоч. ук. 20 февр. 1823).

Недовѣріе къ учителямъ—иностранцамъ особенно усилилось въ эпоху наполеоновскихъ войнъ и въ послѣдующее ближайшее къ нимъ время. Уже Высоч. указъ 25 мая 1811 г. очень рѣзко высказывается противъ пагубнаго пристрастія русскаго дворянства, а равно и другихъ сословій къ воспитанію юношества иностранцами, людьми по большей части невѣжественными и развратными, привлекаемыми въ Россію корыстными цѣлями; не зная нашего языка и гнушаясь имъ, не имѣя привязанности къ странѣ для нихъ чуждой, эти наставники внушаютъ юнымъ россіянамъ презрѣніе къ родному языку, охлаждаютъ ихъ сердца ко всему домашнему и въ нѣдрахъ Россіи изъ россіянина образуютъ иностранца, внося этимъ медленную пагубу въ наше общество. Въ этомъ же духѣ высказывается и директоръ нашей гимназіи Дмитревскій въ

исторической запискѣ о народномъ просвѣщеніи во Владимірской губерніи за 1814 годъ. Авторъ записки жалуется на то, что, по мѣрѣ развитія въ обществѣ любви къ просвѣщенію, все увеличивается число лжеучителей, часто людей малограмотныхъ, корыстолюбивыхъ и развратныхъ, благодаря чему невинное юношество, драгоцѣнная надежда отечества, которое могло бы счастливо просвѣщаться въ узаконенныхъ училищахъ отъ учителей искусныхъ и благонамѣренныхъ, безжалостно повергается въ заблужденіе и развратъ. „Но, восклицаетъ съ своимъ обычнымъ въ такихъ случаяхъ паѳосомъ Дмитревскій, сердце патріота еще болѣе терзается, видя пришельцевъ Галльскихъ обоего пола—народа, поругающагося надъ святынею и человѣчествомъ, вѣчно несовмѣстнаго съ духомъ русскаго, принятыхъ даже нынѣ, послѣ кроваваго ихъ пира въ сердцѣ Россіи, въ образователи умовъ и сердецъ юныхъ благородныхъ россіянъ и въ назидатели моральнаго ихъ бытія! Ни прошедшіе ужасы, ни громкіе гласы истины въ храмахъ Божіихъ, на академическихъ катедрахъ, на публичныхъ театрахъ, періодическихъ изданіяхъ, во всенародныхъ вѣдомостяхъ и листкахъ, нигдѣ и ничто не можетъ отвратить нѣкоторыхъ русскихъ отъ несчастной любви къ симъ бѣднякамъ. Ужели еще мало заплатили мы за пагубную привязанность къ повѣреннымъ низринутаго корсиканца? Чего хотите вы, отцы, своимъ дѣтямъ, отчуждая ихъ отъ отечественныхъ нравовъ и языка порученіемъ воспитанія ихъ революціоннымъ умамъ сихъ иноплеменниковъ?!“ Въ заключеніе этой грозной филиппики авторъ выражаетъ однако надежду на болѣе свѣтлое будущее: „но прейдетъ сіе заблужденіе, и мраки невѣжества разсыплются. Александру Первому предопредѣлено явить міру торжество правды надъ ложью и свѣта надъ тьмою дѣяніями неслыханными въ лѣтописяхъ міра“!

Бѣдность учениковъ. Наконецъ было еще одно явленіе въ жизни нашей гимназіи, которое дурно отражалось на степени успѣшности учениковъ и служило частою причиною выбытія ихъ до окончанія курса: это бѣдность учениковъ. Жалобы на это печальное явленіе раздаются регулярно по нѣскольку разъ въ годъ и звучатъ скорбной нотой во всѣхъ отчетахъ о состояніи гимназіи, начиная съ 1805 и вплоть до 1833 года. Жалобы эти были дѣйствительно вполнѣ основательны. Просматривая списокъ учениковъ, поступившихъ въ гимназію при ея основаніи, находимъ, что

изъ общаго числа 53 уч. бѣдныхъ оказалось 22 и достаточныхъ 31. Въ 1805 г. изъ числа 26 вновь поступившихъ учениковъ оказалось бѣдныхъ 15. Въ 1807 г. было 8 вновь поступившихъ, изъ нихъ 5 человѣкъ бѣдныхъ и т. д.

Процентъ недостаточныхъ учениковъ былъ довольно великъ и въ концѣ изучаемаго періода, хотя опредѣлить его съ точностью мы не можемъ за недостаткомъ необходимыхъ для этого данныхъ. Въ немногихъ сохранившихся до насъ копіяхъ съ документовъ учениковъ, выбывшихъ до окончанія полнаго курса ученія, можно часто встрѣтить характеристику подобную слѣдующей: Левъ Никологорскій, сынъ дьячка, 21 года, обучался во Владимірской семинаріи, но непреоборимое стремленіе къ дальнѣйшему просвѣщенію заставило его въ 1826 г., по увольненіи изъ духовнаго званія, перейти въ III классъ гимназіи, гдѣ онъ за короткое время своего пребыванія успѣлъ оказать хорошіе успѣхи; нрава кроткаго, благонравенъ и смиренъ. Выбылъ по крайней бѣдности, не окончивъ ученія. „Бѣдность, говоритъ онъ въ своемъ прошеніи объ увольненіи изъ гимназіи, кою я нынѣ претерпѣваю, лишила меня всѣхъ мѣръ въ разсужденіи содержанія, и я уже болѣе не могу продолжать ученіе въ гимназіи". Такихъ неудачниковъ перебывало въ нашей гимназіи не мало за изучаемый періодъ ея существованія, если вѣрить общимъ отзывамъ директоровъ. Бороться съ этимъ зломъ можно было только средствами благотворительности. 13-го августа 1805 г. директоръ Цвѣтаевъ, указывая на уменьшеніе числа учениковъ гимназіи, проситъ Училищный комитетъ отъ лица совѣта гимназіи о разрѣшеніи вспомоществовать изъ экономическихъ суммъ по крайней мѣрѣ 12 лучшимъ изъ бѣдныхъ учениковъ. Намъ неизвѣстенъ отвѣтъ Учил. комитета, но по всему видно, что онъ былъ утвердительнымъ, такъ какъ уже въ 1806 году мы встрѣчаемъ въ нашей гимназіи одного казеннокоштнаго ученика. Однако вспомоществованіе, выдаваемое этимъ стипендіатамъ, не было безусловнымъ; учебное начальство преслѣдовало въ этомъ случаѣ еще другую цѣль—дать низшимъ училищамъ дирекціи контингентъ хорошо подготовленныхъ учителей. Поэтому казеннокоштные ученики находились въ гимназіи на особомъ положеніи и несли цѣлый рядъ обязанностей подъ видомъ подготовленія къ занятію учительскихъ должностей. 28-го декабря 1806 года ученикъ

высшаго класса Алексѣй Семьинскій подалъ прошеніе о назначеніи ему казеннаго жалованья, ибо по бѣдности онъ безъ вспомоществованія не въ состояніи кончить курса; онъ обязуется исправлять въ случаѣ надобности учебныя письменныя дѣла и помогать учителямъ въ преподаваніи извѣстнѣйшихъ ему предметовъ. Въ 1807 г. Семьинскій кончилъ курсъ и принесъ присягу на службу въ званіи кандидата учительства; оставаясь при гимназіи до открытія учительской вакансіи въ одномъ изъ низшихъ училищъ Владимірской дирекціи, онъ продолжалъ получать свое жалованье—60 р. ас. въ годъ, за что въ свободное отъ учебныхъ занятій время исправлялъ обязанность писца въ гимназической канцеляріи. Такимъ же порядкомъ въ 1810 г. 18 мая, на основаніи особаго испытанія въ знаніи учебнаго способа, былъ утвержденъ въ степени кандидата учительства по Владимірской дирекціи кончившій курсъ гимназіи казенный ученикъ Яковъ Романовъ, уволенный предварительно изъ мѣщанскаго общества города Меленокъ. До опредѣленія на учительскую должность ему поручено было отправленіе обязанностей надзирательскаго помощника въ гимназическомъ дворянскомъ пансіонѣ; кромѣ того онъ нерѣдко замѣщалъ отсутствующихъ учителей во Владимірскихъ училищахъ, уѣздномъ и приходскихъ.

Циркуляръ министра народнаго просвѣщенія отъ 29-го апрѣля 1815 г. предлагаетъ гимназіямъ ассигновать изъ экономическихъ суммъ или изъ ежегодныхъ бюджетныхъ остатковъ опредѣленную сумму, не свыше 300 р. въ годъ, для содержанія на жалованьѣ нѣсколькихъ учениковъ гимназіи свободнаго состоянія, съ цѣлью приготовленія ихъ къ занятію учительскихъ должностей въ низшихъ училищахъ, согласно § 12 Устава. Размѣры этого жалованья опредѣлены отъ 75 до 100 рублей въ годъ. Такіе стипендіаты могутъ быть употребляемы въ случахъ болѣзни учителей для занятія съ учениками младшихъ классовъ. И дѣйствительно, наша гимназія продолжала до 1823 года содержать по нѣскольку стипендіатовъ, не болѣе четырехъ въ годъ, давая имъ въ видѣ жалованья по 75 р. ас. съ казеннымъ помѣщеніемъ при гимназіи. Эта мѣра вполнѣ достигала своей двоякой цѣли; давая возможность бѣднымъ но способнымъ ученикамъ оканчивать курсъ гимназіи, она въ то же время гарантировала дирекціи извѣстное количество кандидатовъ для замѣщенія учи-

тельскихъ должностей въ уѣздныхъ и приходскихъ училищахъ губерніи. Въ интересахъ дѣла желательно было ея расширеніе. Но гимназія не въ состояніи была доставить для этого необходимыя средства. Въ рапортѣ въ Училищный комитетъ, отъ 9-го февраля 1818 г., директоръ, указывая на важность снабженія училищъ дирекціи надежными учителями, проситъ разрѣшить содержать при гимназіи до 10 казенныхъ стипендіатовъ съ жалованьемъ по 100 рублей, съ тѣмъ чтобы потребная для этого сумма въ 1,000 рублей заимствовалась изъ доходовъ со всѣхъ капиталовъ дирекціи, обращающихся въ Сохранной казнѣ Моск. воспитат. дома, простирающихся въ общей сложности до 35 тыс. руб. и дающихъ ежегоднаго доходу около 1700 р. ас. Однако министръ народнаго просвѣщенія, князь Голицынъ, не разрѣшилъ этой мѣры, предписывая, чтобы казенные воспитанники содержались на счетъ самихъ гимназій изъ экономическихъ или благотворительныхъ суммъ, объ умноженіи коихъ обязаны заботиться директора. Содержаніе казенныхъ учениковъ есть мѣра желательная, но необязательная (предп. 24 ноября 1820 г.).

За недостаточностью казенныхъ средствъ, приходилось прибѣгать къ частной благотворительности. Высоч. указъ 26 августа 1811 г. учреждаетъ при уѣздныхъ училищахъ особую должность почетныхъ смотрителей съ правами государственной службы, выборныхъ изъ мѣстныхъ дворянъ-помѣщиковъ, наиболѣе расположенныхъ къ наукамъ и имѣющихъ личныя достоинства къ сему званію потребныя. Имъ ввѣряется общій надзоръ за училищами и особенно забота объ ихъ матеріальномъ благосостояніи. Съ теченіемъ времени вошло въ обычай, чтобы почетные смотрители выражали свою заботливость о ввѣренныхъ ихъ попеченію училищахъ извѣстными денежными пожертвованіями, единовременными при вступленіи въ должность и ежегодными; затѣмъ, озабоченные привлеченіемъ въ эти училища лучшихъ учителей, почетные смотрители начинаютъ содержать на свой счетъ стипендіатовъ при гимназіи. По мѣрѣ того какъ увеличивается число такихъ учениковъ гимназіи, состоящихъ на благотворительномъ содержаніи, уменьшается число казенно-коштныхъ, и къ 1824 г. послѣднихъ уже нѣтъ ни одного при нашей гимназіи.

Первый примѣръ былъ поданъ Переславскимъ почетнымъ смотрителемъ П. А. Самсоновымъ, который въ 1818 г. вручилъ

директору гимназіи 300 р. на содержаніе двухъ стипендіатовъ, по 150 р., каждому, и продолжалъ дѣлать такіе же взносы въ 1819 и 1820 годахъ. Затѣмъ Юрьевскій почетный смотритель Лялинъ съ 1821 г. по 1827 г. ежегодно жертвовалъ на тотъ же предметъ по 450 р., Вязниковскій почетный смотритель Алексѣевъ съ 1824 по 1832 г.—по 150 р., Владимірскій почетный смотритель Кайсаровъ съ 1825 по 1832 г.—по 300 р. и Муромскій почетный смотритель Марковъ съ 1832 по 1833 г.—по 300 руб.

Такъ какъ пожертвованія эти были необязательны и зависѣли отъ доброй воли почетныхъ смотрителей, то гимназическое начальство, конечно, должно было принимать всѣ мѣры къ тому, чтобы поддерживать въ жертвователяхъ ихъ рвеніе на пользу просвѣщенія. Въ частномъ письмѣ къ Самсонову, помѣченномъ 14 августа 1819 г., директоръ Дмитревскій обѣщаетъ обратить особое вниманіе на его стипендіатовъ и извѣщать его періодически объ ихъ успѣхахъ. „Благотворенія ваши, заключаетъ Дмитревскій свое письмо, утѣшаютъ заведеніе самыми пріятнѣйшими чаяніями, коихъ событіе привлечетъ вамъ благословеніе небесъ. Не могу не засвидѣтельствовать искренней признательности за благонамѣренную вашу попечительность о благосостояніи заведеній просвѣщенія народнаго; не могу не изъявить радованія моего, не воздать славы и благодаренія вседѣйствующему Промыслу, благоволившему поставить меня сослуживцемъ вамъ и свидѣтелемъ патріотическихъ вашихъ дѣлъ.“ Обоихъ учениковъ директоръ заставилъ написать „изъявленія чувствованій благодарности къ своему покровителю“.

Установился такой порядокъ замѣщенія свободныхъ вакансій, что самъ благотворитель назначалъ кандидатовъ на свои стипендіи, или за неимѣніемъ своихъ утверждалъ предложенныхъ дирекціей. Въ томъ и другомъ случаѣ требовалась еще высшая санкція университета. Особые отчеты объ успѣхахъ стипендіатовъ посылались по третямъ года какъ въ Училищный комитетъ, такъ и къ благотворителямъ. При поступленіи ученика на казенное или благотворительное содержаніе, учители должны были давать формальный отзывъ о его дарованіяхъ, успѣхахъ, благонравіи и надежности; кромѣ того, если ученикъ происходилъ изъ податного сословія, требовалось увольнительное свидѣтельство. Наконецъ, съ половины двадцатыхъ годовъ обязательно берется съ

стипендіатовъ „своеручная“ подписка о непринадлежности къ тайнымъ обществамъ и обязательство прослужить въ „ученомъ званіи“ не менѣе 6 лѣтъ. Отъ послѣдняго ученикъ могъ освободиться только подъ условіемъ возврата всей забранной въ видѣ жалованья суммы. Въ 1820 г. возникла длинная переписка по поводу одного изъ казенныхъ учениковъ—Николая Виноградова, который за нерадѣніемъ, несмотря на частыя понужденія, не оказывалъ никакихъ успѣховъ, чувствуя болѣе призванія къ военной, нежели къ ученой службѣ; Училищный комитетъ постановилъ, буде директоръ не усмотритъ никакой надежды къ исправленію означеннаго ученика, взыскать съ него издержанные на него 105 р. и исключить изъ числа пріуготовляющихся къ учительской должности, а на его мѣсто представить другого болѣе достойнаго. Виноградовъ по крайней бѣдности своей оказался не въ состояніи внести требуемую сумму, и Училищный комитетъ, несмотря ни на ходатайство Владимірскаго предводителя дворянства, ни на свидѣтельство директора и учителей гимназіи, не согласился на увольненіе Виноградова безъ всякаго взысканія, „по силѣ существующихъ въ разсужденіи сего отъ высшаго начальства предписаній.“

Гимназія имѣла о стипендіатахъ особое попеченіе. Учители особой подпиской обязывались слѣдить особенно за ними какъ по классическимъ занятіямъ, такъ и въ нравственномъ ихъ образованіи. Кромѣ обыкновенныхъ предметовъ гимназическаго курса, стипендіатамъ сообщалось «предварительное теоретическое понятіе о преподаваніи,» причемъ они посѣщали младшіе классы для практическихъ занятій подъ руководствомъ учителей. Сверхъ сего, казенные или благотворительные ученики каждый въ своемъ классѣ были ближайшими помощниками своихъ учителей, ведя за нихъ все письмоводство по классу, составляя, напримѣръ, классные списки, ведя классный дневникъ, заготовляя матеріалъ для мѣсячныхъ и годичныхъ отчетовъ, замѣщая отсутствующихъ учителей и т. д., словомъ—отправляя обязанности классныхъ инспекторовъ или надзирателей, о которыхъ мы уже упоминали раньше. До насъ сохранилась очень подробная инструкція, данная казенному ученику Алексѣеву 9 октября 1819 г.; она требуетъ:

1) Приходить въ классъ до звонка и наблюдать, чтобы ученики гимназіи и уѣзднаго училища, входя въ классъ, садились бы на свои мѣста и приготовляли уроки въ тишинѣ.

2) Смотрѣть за сторожами, чтобъ печи были въ свое время истоплены, классныя комнаты, лѣстница, сѣни и крыльца выметены, вода свѣжая принесена, лахи вычищены и доски съ принадлежностями на своихъ мѣстахъ разставлены.

3) Наблюдать, чтобъ во время ученія ученики по лѣстницамъ, крыльцамъ и по двору не шатались, а буде найдутся таковые, представлять къ директору.

4) По пробитіи звонка, являться къ директору съ рапортомъ, что ученики и сторожа въ порядкѣ, и что всѣ учители въ классахъ, или кого нѣтъ и зачѣмъ.

5) Когда нѣтъ котораго учителя въ классѣ, по законной надобности, тотчасъ занимать его мѣсто.

6) Вечеромъ смотрѣть, чтобы свѣчи въ свое время, гдѣ сколько приказано, были поставлены, шандалы и щипцы вычищены.

7) По пробитіи послѣдняго звонка, наблюдать, чтобы свѣчи всѣ погашены были и отнесены куда слѣдуетъ, а классы заперты; а потомъ являться къ директору съ донесеніемъ о семъ.

8) Въ воскресные и праздничные дни наблюдать, чтобы ученики приходили въ церковь къ обѣднѣ и потомъ къ слушанію катихизиса.

9) Вести записки прихода ихъ, такъ какъ и учителей въ классы.

10) Въ квартирѣ имѣть надзоръ за живущими тутъ учениками и по вечерамъ, равно и въ праздники, занимать ихъ повтореніемъ задачъ и уроковъ и также чтеніемъ полезныхъ книгъ, требуя сихъ отъ директора подъ свою росписку.

11) О всякомъ безпорядкѣ и шалостяхъ учениковъ въ классахъ и внѣ классовъ, равно и о неисправностяхъ сторожей докладывать директору неупустительно.

12) Безъ дозволенія директора съ гимназическаго двора никуда не отлучаться кромѣ церкви.

Такое количество сложныхъ и разнообразныхъ обязанностей, лежавшихъ на казенно-коштныхъ ученикахъ должно было, повидимому, дурно отразиться на ихъ „классическихъ занятіяхъ.“ Однако это неудобство до нѣкоторой степени устранялось тѣмъ, что ученики эти обыкновенно оставались въ старшемъ классѣ неопредѣленное время, въ ожиданіи вакантнаго учительскаго мѣста,

нерѣдко болѣе двухъ лѣтъ, продолжая получать содержаніе въ качествѣ „кандидатовъ учительства".

Какъ ни ограничено было количество стипендій, но часто желающихъ получить оныя находилось еще меньше. Бывали случаи, когда изъ числа гимназистовъ никто не соглашался на это, и дирекціи, какъ напр. въ 1820 году, приходилось обращаться циркулярно къ штатнымъ смотрителямъ уѣздныхъ училищъ, предлагая имъ вербовать дѣтей разночинцевъ и благородныхъ, только не податного сословія, съ хорошими дарованіями и поведеніемъ, для поступленія въ гимназію на казенное, либо благотворительное жалованье въ размѣрѣ отъ 100 до 200 р. въ годъ, подъ условіемъ прослужить въ ученомъ званіи не менѣе 6 лѣтъ. Объясняется это съ одной стороны—крайне скудными условіями, которыми была обставлена жизнь учителей низшихъ училищъ, особенно приходскихъ, а также указаннымъ сейчасъ количествомъ обязанностей, возлагавшихся на стипендіатовъ; съ другой стороны положеніе послѣднихъ, особенно состоящихъ на благотворительномъ содержаніи, было очень непрочно вслѣдствіе случайности и необезпеченности этого рода поступленій. Такъ напримѣръ, 4 января 1829 года директоръ доноситъ въ Правленіе университета, что почетн. смотритель Юрьевскихъ училищъ Лялинъ съ сентября 1826 г. по 1829-й годъ не сдѣлалъ никакого взноса на содержаніе трехъ своихъ стипендіатовъ, такъ что недоимка за нимъ возросла до 1050 р.; неоднократныя напоминанія дирекціи оставались безъ всякаго со стороны Лялина отвѣта. За конецъ 1826 года всѣ три его стипендіата получили жалованье изъ другихъ свободныхъ суммъ, но начиная съ 1827 г. они всѣ оставались безъ содержанія и вслѣдствіе своей крайней бѣдности вынуждены были оставить гимназію, не кончивши полнаго курса. Лишь въ январѣ 1830 г. Лялинъ внесъ часть накопившейся за нимъ недоимки.

Случаевъ подобныхъ этому можно привести не мало, основываясь на архивномъ матеріалѣ нашей гимназіи. Такъ, 27 янв. 1831 года ученикъ II класса Анкудиновъ подалъ прошеніе директору, въ которомъ изъясняетъ, что до послѣдняго времени, состоя на благотворительномъ содержаніи почетнаго смотрителя Вязниковскихъ училищъ Алексѣева, онъ содержалъ себя единственно изъ этого источника. Нынѣ же третій мѣсяцъ не получая ничего по невзносу Алексѣевымъ слѣдуемыхъ съ него

денегъ, онъ не можетъ продолжать ученіе и поставленъ въ необходимость ради пропитанія своего ходатайствовать объ увольненіи изъ учебнаго вѣдомства для сисканія себѣ рода службы, соотвѣтствующаго его способностямъ. Директоръ, въ своемъ рапортѣ въ Училищный комитетъ, рекомендуя Анкудинова, какъ имѣющаго „хорошій характеръ письма" и знакомаго съ орѳографіей, проситъ или опредѣлить этого ученика въ канцелярію университета, или же выдать ему свидѣтельство для поступленія на службу, куда пожелаетъ. Согласно предписанію попечителя округа отъ 25 сентября 1831 г., Анкудиновъ былъ уволенъ изъ гимназіи съ соотвѣтствующимъ свидѣтельствомъ, которое и было ему выдано въ началѣ октября; между тѣмъ въ концѣ того же мѣсяца Алексѣевъ прислалъ свою недоимку, и оставшееся вакантнымъ послѣ Анкудинова мѣсто было занято другимъ ученикомъ.

Вообще почетные смотрители дѣлали свои взносы очень неаккуратно, заставляя дирекцію по нѣскольку разъ напоминать о пропущенномъ срокѣ и описывать по возможности краснорѣчивѣе бѣдственное положеніе стипендіатовъ. Не помогло дѣлу и предписаніе Правленія Моск. университета отъ 27 мая 1829 г., требующее, чтобы почетные смотрители очищали свои взносы непремѣнно въ первой половинѣ каждаго года.

Общее заключеніе. Повторимъ вкратцѣ тѣ причины, которыми училищное начальство старалось объяснить себѣ неустройства школьной жизни. Это—равнодушіе общества (разумѣя только высшіе его классы) къ дѣлу народнаго просвѣщенія, возрастаніе числа частныхъ, неаттестованныхъ учителей и громадный процентъ бѣдныхъ учениковъ въ гимназіи. Сопоставивши эти факты, мы находимъ, что они тѣсно связаны между собою, и одинъ неизбѣжно вытекаетъ изъ другого. Упрекъ высшимъ классамъ русскаго общества въ „непониманіи цѣлей просвѣщенія" представляется на нашъ взглядъ логическимъ промахомъ со стороны тогдашняго учебнаго начальства, которое видѣло, что общество сторонится отъ правительственной школы, и изъ этого заключало о его невѣжествѣ. Но возможно и другое объясненіе того же явленія: лучшіе люди нашего общества избѣгали школы потому, что она не оправдала ихъ надеждъ; совершенная невыполнимость учебныхъ плановъ и крайняя слабость воспитательнаго элемента—вотъ два такихъ недостатка въ Уставѣ 1804 года, которые

могли быть устранены только радикальнымъ пересмотромъ всего Устава и измѣненіемъ самой системы общаго образованія. Характерно то, что при первыхъ же слухахъ о предстоящей реформѣ въ 20-хъ годахъ число учениковъ въ гимназіи начинаетъ возрастать съ поразительной быстротою и удваивается ко времени введенія новаго положенія; это приращеніе совершается всецѣло въ пользу высшихъ классовъ. Уклоняясь отъ правительственной школы, общество неизбѣжно должно было обращаться къ другимъ средствамъ, чтобы дать воспитаніе и образованіе своимъ дѣтямъ: отсюда—появленіе частныхъ, неаттестованныхъ учителей, число которыхъ должно было расти по мѣрѣ увеличенія въ обществѣ потребности въ образованіи. Такимъ образомъ на долю гимназіи оставались одни бѣдные классы, искавшіе въ школѣ не образованія, а возможности извлекать изъ школьнаго аттестата практическія выгоды. Къ этой то средѣ всего болѣе былъ бы примѣнимъ упрекъ въ непониманіи цѣли просвѣщенія.

Частныя пожертвованія. Что со стороны лучшихъ представителей общества не было недостатка въ сочувственномъ отношеніи къ дѣлу народнаго просвѣщенія, это выразилось внѣшнимъ образомъ въ цѣломъ рядѣ матеріальныхъ пожертвованій въ пользу училищъ, иногда очень крупныхъ. Приведемъ тѣ изъ нихъ, о которыхъ сохранились извѣстія въ архивѣ нашей гимназіи. На первомъ планѣ надо упомянуть о горячемъ участіи, которое принималъ въ успѣхахъ и благосостояніи нашей гимназіи въ бытность свою губернаторомъ князь Ив. Мих. Долгорукій. Краткаго перечня его пожертвованій достаточно для того, чтобы судить, на сколько была ему обязана наша гимназія въ первые трудные годы своего существованія. Благодаря его содѣйствію, гимназія наша въ 1807 г. получила новое обширное помѣщеніе; одновременно съ этимъ князь подарилъ гимназіи всю свою обширную библіотеку. Въ 1808 г. князь подарилъ нашей гимназіи право на напечатаніе своихъ сочиненій, не только уже выдержавшихъ первое изданіе, но и всѣхъ тѣхъ, кои впредь быть могутъ, съ дополнительными, какія во всю его жизнь окажутся, сочиненіями; право гимназіи на оныя должно распространиться до такой отдаленности времени, колико человѣческія предположенія въ пространство будущаго углубиться могутъ; чтобы и по смерти князя все, что найдется къ печатанію терпимымъ, не

инымъ какимъ либо образомъ явилось въ публикѣ, какъ съ доставленіемъ всѣхъ отъ того выгодъ и прибытковъ въ пользу гимназіи. По мысли князя, польза гимназіи отъ сихъ изданій должна состоять въ пріобрѣтеніи не денегъ, а книгъ, дабы современемъ основалась во Владимірской гимназіи библіотека. Въ силу этого разрѣшенія, право на второе изданіе сочиненій князя Долгорукаго „Бытіе сердца моего" было продано самимъ университетомъ съ публичнаго торга книгопродавцу Пономареву, который обязался за то представить въ гимназію извѣстное количество разныхъ книгъ по усмотрѣнію директора. Но Пономаревъ не выполнилъ своего обязательства; подоспѣло нашествіе Наполеона; университетская канцелярія, при своемъ перемѣщеніи изъ Москвы, утратила не мало важныхъ документовъ, и въ томъ числѣ контрактъ, заключенный съ Пономаревымъ, вслѣдствіе чего гимназія наша ничего не получила отъ этого изданія. Тогда въ 1817 г. князь Долгорукій лично распорядился всѣмъ: заключилъ условіе на третье изданіе своихъ сочиненій съ книгопродавцемъ Ширяевымъ за 1,000 р. ас., забралъ у послѣдняго на эту сумму разныхъ книгъ по своему выбору съ значительной противъ продажныхъ цѣнъ уступкою (по продажн. цѣнамъ на 1,742 р.) и отправилъ эту партію книгъ въ подарокъ нашей гимназіи. По отзыву директора (донесеніе въ университетъ 19-го іюля 1824 г.) эти книги составили лучшую часть гимназической библіотеки. Въ 1812 г., при своемъ выходѣ въ отставку, князь подарилъ гимназіи всѣ принадлежности своего прежняго домашняго театра. Наконецъ, благодаря иниціативѣ князя, сдѣлана была попытка устроить при нашей гимназіи дворянскій пансіонъ въ 1809 году, о чемъ уже было упомянуто въ своемъ мѣстѣ.

При открытіи гимназіи Владимірское общество выразило свое сочувствіе дѣлу цѣлымъ рядомъ разнообразныхъ пожертвованій, нѣкоторыя изъ которыхъ упоминались у насъ уже раньше. Такъ, содержатель губернской типографіи Пономаревъ принесъ въ даръ гимназіи 230 экз. разныхъ книгъ на 200 р.; коллежскій ассесоръ Дуровъ подарилъ 10 р. на покупку книгъ бѣднымъ ученикамъ; дворянскій засѣдатель коллежскій ассесоръ Левъ Григорьевичъ Щепочкинъ прислалъ живописные портреты Императрицы Екатерины II, Императора Александра I и Императрицы Елизаветы Алексѣевны. Въ 1806 г. статскій совѣтникъ

Зюзинъ подарилъ 10 р. на покупку книгъ отличнымъ ученикамъ. Въ 1808 г. помощникъ столоначальника Владимірской удѣльной конторы Бѣльскій обѣщалъ жертвовать ежегодно 20% своего годового оклада въ пользу гимназіи, пока будетъ состоять при своей должности. Въ 1811 г. стат. сов. Вас. Серг. Подшиваловъ подарилъ въ гимназическую библіотеку до 60 весьма полезныхъ книгъ на сумму болѣе 60 руб., а въ 1814 г. Муромскій почетный смотритель—такихъ же книгъ на 30 руб. Въ 1816 г. заводчикъ Ив. Род. Баташевъ прислалъ двѣ чугунныхъ водочерпательныхъ машины съ принадлежностями для колодца на гимназическомъ дворѣ, цѣною 200 р., а вскорѣ послѣ того—четыре большихъ желѣзныхъ бадьи стоимостью въ 100 р. Въ 1817 г. Владимірскій аптекарь подарилъ гимназіи курительнаго порошку на 110 руб., а совѣтникъ казенной палаты Студеникинъ—портретъ Государя цѣною въ 100 руб. и Государыни—въ 50 руб. ас. Тогда же Переславскій почетный смотритель Самсоновъ прислалъ для гимназическаго зала большую бронзовую люстру въ 100 руб., а бывшій форстмейстеръ Іосифъ Почептковскій подарилъ гимназіи столярный станокъ. Въ 1819 г. титулярный совѣтникъ Языковъ пожертвовалъ для рисовальнаго класса при гимназіи 38 эстамповъ и рисунковъ.

Приведенный списокъ не претендуетъ на полноту, какъ какъ составленъ на основаніи отрывочныхъ и случайныхъ указаній, сохранившихся въ бумагахъ нашего архива. Однако и по этимъ даннымъ можно видѣть, что представители самыхъ различныхъ классовъ Владимірскаго общества въ разной формѣ выражали одинаковое сочувствіе дѣлу народнаго просвѣщенія и стремились оказать посильную поддержку школѣ, каждый по своимъ средствамъ и взглядамъ.

Недостатокъ въ хорошихъ учителяхъ. Итакъ, не столько общество виновато было передъ школою тѣмъ, что не поддерживало ее, сколько условія, лежавшія во внутреннемъ строѣ послѣдней и отвращавшія отъ нея общество. Къ указаннымъ уже выше двумъ такимъ условіямъ—неудовлетворительности Устава въ отношеніи учебныхъ плановъ и программъ и слабости воспитательнаго элемента, надо прибавить еще одно не менѣе существенное обстоятельство, дурно отражавшееся на успѣхахъ школы: это—недостатокъ въ хорошо подготовленныхъ къ своему дѣлу учителяхъ. Просматривая сохранившіеся до насъ списки учителей на-

шей гимназіи, мы находимъ, что большая ихъ часть получили образованіе въ духовныхъ семинаріяхъ; не многіе, по окончаніи курса въ послѣднихъ, проходили спеціальные курсы въ С.-Петербургскомъ Педагогическомъ институтѣ; еще рѣже, и то только въ позднѣйшую эпоху, встрѣчаются въ педагогическомъ составѣ нашей гимназіи лица съ университетскимъ образованіемъ. Насколько солидна могла быть подготовка, даваемая Пед. институтомъ, можно судить по аттестату учителя Остроумова, помѣченному 5-го іюля 1812 г. Въ немъ значится, что студентъ Остроумовъ, при очень хорошемъ поведеніи, оказалъ за время своего пребыванія въ институтѣ успѣхи: во французскомъ языкѣ—довольно хорошіе; въ минералогіи, ботаникѣ и частью зоологіи, въ теоріи статистики и въ статистикѣ Рос. государства, во всеобщей грамматикѣ, россійск. словестности и частномъ естественномъ правѣ—хорошіе; въ политической экономіи, всеобщей и россійской географіи, всеобщей древней и россійской исторіи и эстетикѣ—очень хорошіе. а въ нѣмецкомъ языкѣ. физикѣ. ариѳметикѣ. алгебрѣ, геометріи. тригонометріи и начальныхъ основаніяхъ высшей математики—отличные; кромѣ того, слушалъ публичное государственное право и посѣщалъ прилежно лекціи латинскаго языка. Если судить по этому аттестату, очень трудно сказать. почему Остроумовъ попалъ въ учители исторіи? Онъ могъ бы съ одинаковымъ и даже большимъ основаніемъ преподавать многіе другіе предметы изъ числа приведенныхъ выше.

Архивъ нашей гимназіи сохранилъ намъ нѣсколько характерныхъ примѣровъ, по которымъ можно видѣть, на сколько недостигала цѣли такая энциклопедичность учителей. Начиная съ 1805 года въ Училищный комитетъ отправлялись ежегодно списки учителей съ подробнымъ обозначеніемъ служебнаго положенія каждаго изъ нихъ—нѣчто вродѣ позднѣйшихъ формулярныхъ списковъ. Въ нихъ, въ особыхъ графахъ, обозначались тѣ предметы. которымъ каждый обучался, какимъ обучаетъ и какимъ сверхъ сего въ случаѣ надобности обучать можетъ, а также—въ какихъ для вящшаго себя впредь усовершенія упражняется. Оказывается по этимъ спискамъ, что каждый преподающій предметы одной извѣстной группы считаетъ себя способнымъ преподавать и всѣ остальные предметы гимназической программы. Наприм. учитель натуральной исторіи, технологіи и политической экономіи заявляетъ готовность при случаѣ преподавать граждан-

скую исторію, географію и другіе предметы; наоборотъ, учитель исторіи, географіи и статистики Воронинъ можетъ преподавать естественную исторію, а также коммерческія науки. Даже учитель нѣмецкаго языка фонъ-Ферельцтъ, никакого аттестата не имѣющій, объявляетъ себя способнымъ преподавать французскій и россійскій языки, географію, исторію, христіанскій законъ, ариометику, рисованіе, танцованіе и фехтованіе. Имѣлъ мѣсто также слѣдующій случай: въ маѣ 1815 г., съ разрѣшенія Училищнаго комитета, учитель философіи и изящныхъ наукъ Калайдовичъ и учитель естественной исторіи, технологіи и коммерціи Урываевъ помѣнялись своими предметами въ интересахъ дѣла.

Подобная энциклопедичность учителей уже на первый взглядъ можетъ показаться подозрительной, и не безъ основанія. Такъ, въ октябрѣ 1813 г., за болѣзнью учителя латинскаго языка Стрѣльцова, директоръ предложилъ всѣмъ учителямъ занимать этотъ классъ по очереди. Оказалось, что ни одинъ изъ учителей-энциклопедистовъ не согласился принять на себя такое порученіе, несмотря на то, что многіе изъ нихъ до этого рекомендовали себя способными преподавать латинскій языкъ. Боголѣповъ заявилъ, что онъ «29 лѣтъ какъ отсталъ отъ этого языка и не можетъ учить оному»; такого же рода отговорку привелъ и учитель Воронинъ. Калайдовичъ ссылался на недостатокъ времени при 20 недѣльныхъ урокахъ и на множество предметовъ, возложенныхъ на него по Уставу, а Урываетъ отговаривался слабостью здоровья, хотя наконецъ согласился два раза въ недѣлю замѣщать уроки латинскаго языка, и то лишь потому, что въ извѣстные дни ему приходится заниматься въ тѣхъ классахъ, которые расположены по сосѣдству съ классомъ Стрѣльцова, и слѣдовательно представляется возможность, переходя попеременно изъ одного класса въ другой, обучать одновременно учениковъ и того и другаго.

Не менѣе курьезный фактъ имѣлъ мѣсто въ мартѣ 1821 г. По поводу открытія въ гимназію доступа кантонистамъ, возникъ вопросъ о преподаваніи имъ черченія, которое не входило въ общую гимназическую программу. Директоръ предложилъ принять на себя этотъ предметъ совмѣстно учителямъ математики—Боголѣпову и рисованія—Киселеву. Но оба они отказались. Боголѣповъ заявилъ, что черченію никогда не обучался, владѣть кистью не привыченъ, а потому и обучать сему предмету кантонистовъ

не въ состояніи. Киселевъ, съ своей стороны, отговаривался тѣмъ, что хотя обучался рисовальному искусству съ малолѣтства и обучаетъ сему предмету уже 28 лѣтъ, однако правила черченія отъ рисованія другой предметъ составляютъ, а потому онъ, по незнанію сей науки, также отказывается ее преподавать. Дѣло дошло до университета и Училищный комитетъ рѣшилъ его въ томъ смыслѣ, чтобы рисовальный учитель при содѣйствіи учителя математики «по мѣрѣ возможности» пріучалъ кантонистовъ къ черченію, о чемъ подавать директору ежемѣсячно особый рапортъ. Однако, требованіе это такъ и осталось неисполненнымъ: на неоднократныя напоминанія директора, Киселевъ всегда давалъ одинъ отвѣтъ—что онъ о наукѣ черченія никакого понятія не имѣетъ; а скоро вопросъ этотъ былъ вовсе оставленъ, за прекращеніемъ пріема въ гимназію кантонистовъ.

Если можно еще помириться съ мыслью, что учитель математики при преподаваніи геометріи обходился безъ знанія черченія, то это совсѣмъ не понятно относительно Киселева, который до своего поступленія въ нашу гимназію служилъ въ Москвѣ въ Межевой чертежной, а у насъ съ 1807 по 1809 г. получалъ добавочное содержаніе по 50 руб. въ годъ спеціально за черченіе плановъ всѣхъ училищныхъ построекъ во Владимірской дирекціи!

Можно привести нѣсколько другихъ примѣровъ, которые указываютъ на недостатокъ какъ спеціальнаго, такъ и общаго образованія лицъ педагогическаго персонала того времени. Такъ, 30-го марта 1817 г. директоръ Дмитревскій при особомъ рапортѣ отправилъ въ даръ Обществу испытателей природы при Моск. университетѣ двѣ допотопныхъ кости, изъ которыхъ одна, „по удостовѣренію нѣкоторыхъ“—мамонтовъ клыкъ и найдена близъ Владиміра въ рѣчкѣ Содышкѣ при селеніи Сновицкомъ, а другая—„верхняя часть головы сибирскаго звѣря сохатый называемаго“—вынута изъ р. Гусь, Меленковской округи. Изъ отвѣтнаго письма профессора Фишера, въ которомъ онъ отъ лица Общества изъявляетъ Дмитревскому благодарность, узнаемъ, что вторая кость оказалась челюстью носорога. Любопытно въ данномъ случаѣ то, что Дмитревскій дѣлалъ опредѣленія вышеозначенныхъ костей, основываясь на мнѣніи нѣкоторыхъ мѣстныхъ жителей, тогда какъ у него подъ руками былъ спеціалистъ по натуральной исторіи—учитель гимназіи. Нѣсколько раньше, въ 1816 г., директоръ Астра-

ханской гимназіи Храповицкій прислалъ въ нашу гимназію объявленіе объ изданіи имъ „Азіатскаго музыкальнаго журнала", съ разрѣшенія Казанскаго университета, и просилъ Дмитревскаго содѣйствовать распространенію этого изданія. Дмитревскій сдѣлалъ на объявленіи собственноручную надпись: „пѣсни и пляски дикихъ народовъ несовмѣстны съ благочестіемъ просвѣщенныхъ жителей Владимірской губерніи"—и сдалъ дѣло въ архивъ.

Присматриваясь къ рукописаніямъ нашихъ педагоговъ за изучаемое время, находимъ въ нихъ на каждомъ шагу самыя вопіющія отступленія отъ правилъ элементарной орѳографіи. Самъ Дмитревскій, хотя и дѣйствительный членъ Общества любителей Россійской словесности, позволяетъ себѣ писать: *лѣ*стное вниманіе, въ церкв*ѣ*, над*ѣ*жда, двес*тѣ* (вм. двѣсти), объясн*ѣ*ніе, повед*ѣ*ніе, н*е*м*ѣ*цкій, м*ѣ*лкій, и т. д. и т. д. Неправильныя согласованія частей рѣчи, неумѣнье обращаться съ буквою ѣ, нетвердое знакомство съ флексіями склоненій и спряженій—такъ и пестрятъ въ бумагахъ, писанныхъ рукою учителей. Такъ, учитель латинскаго и греческаго языковъ пишетъ: гр*ѣ*ческій. вы*ги*шій, в*ѣ*тхій, п*ѣ*чь, ж*ѣ*л*е*зо; въ рапортахъ учителя исторіи Остроумова можно встрѣтить: прил*ѣ*жаніе, скр*е*плять, м*ѣ*лочны*е* изд*ѣ*ржки, пр*іе*здъ, удостов*е*реніе, свидѣтельства данны*е*... Мы заимствуемъ эти примѣры изъ первыхъ попавшихся намъ при разборкѣ нашего архива документовъ. Если бы систематически подобрать всѣ ошибки, встрѣчающіяся въ собственноручныхъ писаніяхъ тогдашнихъ учителей нашей гимназіи, можно было бы составить цѣлый своеобразный лексиконъ. Особенной же безграмотностью и незнаніемъ русскаго языка отличались учители-иностранцы. Одинъ изъ нихъ рапортуетъ директору въ 1816 г., что въ его квартирѣ „у тверяхъ трй самка хутыхъ бесъ ключей саслонка хутая въ кухнй а мебелеи у менѣ нетъ казенніхъ."

Между тѣмъ, правительство предъявляло къ педагогамъ очень высокія требованія, всячески поощряя ихъ къ ученому труду. § 50 Устава открываетъ учителямъ гимназій доступъ къ должности адъюнктовъ въ университетахъ; § 52 признаетъ желательнымъ веденіе учителями историческихъ, метеорологическихъ, топографическихъ и статистическихъ записокъ о губерніяхъ, включая въ оныя свѣдѣнія о земледѣліи, времени посѣва и жатвы, о свойствахъ земли, употребляемыхъ при землепашествѣ орудіяхъ и дру-

гихъ предметахъ, потребныхъ къ точному познанію общаго хозяйства. Однако, судя по даннымъ архива, въ нашей гимназіи эти параграфы за весь изучаемый періодъ оставались только pium desiderium. Неоднократно за время своего директорства Дмитревскій дѣлалъ попытки привлечь своихъ подчиненныхъ къ ученымъ трудамъ; но результаты этихъ попытокъ были, повидимому, ничтожны. Въ октябрѣ 1808 года, открывая въ первый разъ общее собраніе учителей, Дмитревскій предложилъ включить въ его программу „разсужденія о какомъ либо предметѣ по части учебныхъ упражненій каждаго изъ учителей"; по мысли директора, эти разсужденія должны заготовляться учителями поочередно на темы, назначаемыя директоромъ по соглашенію съ очереднымъ референтомъ; засѣданія должны быть открыты для всѣхъ любителей просвѣщенія. Вмѣстѣ съ тѣмъ въ особомъ ордерѣ Дмитревскій поручилъ, во исполненіе § 52 Устава: учителю Виноградову—веденіе записокъ историческаго, топографическаго и статистическаго характера, Боголѣпову—метеорологическихъ, Воронину—по части земледѣлія и промышленности. „Таковыми упражненіями, говорилъ Дмитревскій, не только выполняется 82 статья Устава, но они сопряжены даже съ пользою самихъ гг. учителей, потому что они будутъ имѣть удобнѣйшій случай раскрыть свои дарованія и оказывать ревность къ усовершенію себя въ наукахъ, а тѣмъ самымъ пріобрѣтутъ право на одобреніе мое высшему начальству". Поэтому директоръ выражаетъ увѣренность, что гг. учители сочтутъ сей трудъ сколь пріятнымъ, столь и полезнымъ для себя. На практикѣ эта мѣра, какъ кажется, осталась неосуществленной, и все дѣло свелось къ ежемѣсячнымъ напоминаніямъ учителямъ не отступать отъ заведеннаго порядка ученыхъ собраній, одобренныхъ начальствомъ, и аккуратно ихъ посѣщать. Послѣднее такое напоминаніе встрѣчаемъ въ 1814 году, послѣ чего они прекращаются, и съ этихъ поръ мы не имѣемъ болѣе извѣстій о дѣятельности этихъ собраній. Если находимъ нѣкоторыя указанія на ученые труды дѣятелей нашей гимназіи, не считая актовыхъ рѣчей, то они оказываются неудачными. Такъ, Въ 1810 г. учитель нѣмецкаго языка фонъ-Ферельцтъ представилъ на разсмотрѣніе Учил. комитета сочиненную имъ въ свободное отъ должности время въ пользу обучающагося юношества карту подъ названіемъ „Планъ географіи". Однако, хотя Учил. комитетъ и

выразилъ свое удовольствіе по поводу того, что учители свободное отъ трудовъ время употребляютъ на полезное, онъ отказалъ автору въ просьбѣ ввести означенную карту въ качествѣ руководства въ училищахъ, и изданіе не пошло въ ходъ, принеся автору одинъ убытокъ. Выходя въ отставку въ 1820 г., Ферельцтъ принесъ его цѣликомъ въ даръ университету для распространенія въ училищахъ, приславъ особо 50 экземпляровъ своей карты въ нашу гимназію для раздачи учащимся.

Наиболѣе видное мѣсто принадлежитъ литературнымъ трудамъ Дмитревскаго. Въ теченіе своей многолѣтней дѣятельности на педагогическомъ поприщѣ, онъ издалъ цѣлый рядъ небольшихъ нравоучительныхъ брошюръ, частью оригинальнаго содержанія и частью переводныхъ. Предназначались онѣ для раздачи учащимся въ награду на публичныхъ испытаніяхъ.

3-го октября 1826 г., на требованіе Училищнаго комитета представить подробный отчетъ о научныхъ трудахъ всѣхъ учителей нашей гимназіи за все время ея существованія, Дмитревскій представилъ свѣдѣнія объ изданныхъ имъ сочиненіяхъ и переводахъ. Вотъ они.

1) Чувствованія любителя нравственной поэзіи, 136 стр.
2) Небесный скоротечецъ, 150 стр.
3) Утреннія размышленія, въ 12 ч., каждая по 150—200 стр.
4) Вечернія размышленія, въ 3 част., каждая по 150 стр.
5) Анекдоты Генриха IV короля французскаго, 200 стр.
6) Зеркало добродѣтели и благонравія, 356 стр.
7) Благоразуміе, соединенное съ добродѣтелью, въ 2 ч., каждая по 188 стр.
8) Зритель Божіихъ дѣлъ, въ 4 ч.
9) Четыре времени года, 408 стр.
10) Четыре возраста человѣка, 70 стр.
11) Книжка для холостыхъ и женатыхъ, 150 стр.
12) Камповыхъ сочиненій 5-я и 6-я части, каждая до 300 стр.
13) Наука быть доброю дѣвицею, 100 стр.
14) Человѣкъ по физикѣ и морали, 197 стр.
15) Природа—зеркало благости и премудрости Творца, въ 2 частяхъ.
16) Уроки отца своимъ дѣтямъ, 125 стр.
17) Гласъ небесной тверди, 200 стр.
18) Ученіе человѣческаго сердца, 136 стр.

19) Пиөагоровыхъ путешествій 1 томъ, 300 стр.

20) Исторіи XVIII вѣка, части 6, 7 и 8; каждая 200 300 стр.

21) Краткія разсужденія о важнѣйшихъ предметахъ христіанской жизни, 196 стр.

22) О присутствіи Божіемъ, 146 стр.

23) Всеобщія размышленія о строеніи міра, 103 стр.

24) Карманная книжка для воспитателей и воспитанниковъ, 53 стр.

25) Дивный промыселъ Божій, 77 стр.

26) О безконечномъ богатствѣ натуры, 31 стр.

27) О красотѣ и пользѣ наукъ, 35 стр.

28) Изреченія мудрыхъ, 36 стр.

29) О премудрости и благости Божіей въ устроеніи странъ міра, 38 стр

30) Восхожденіе солнца, 28 стр.

31) Взглядъ на природу, 71 стр.

32) Графа Вольмонта сочиненія, 8 частей.

Сверхъ сего изданы Дмитревскимъ сочиненія другихъ авторовъ:

1) Дружескіе совѣты молодому человѣку.

2) Ручная книжка для молодыхъ людей.

3) Правила жизни для христіанскаго юношества.

4) Созерцаніе природы.

5) Нравственныя правила.

6) Краткій путь къ блаженству.

7) Гимнъ Вседержителю, преложенный въ стихи учениками Владимірской гимназіи, на 6 страницахъ.

Но не этими брошюрами создалъ себѣ Дмитревскій литературную репутацію. Въ 1820 году онъ представилъ въ Московское Общество любителей россійской словесности „Сборникъ мѣстныхъ провинціальныхъ нарѣчій Владимірской губерніи“, за что и былъ удостоенъ званія дѣйствительнаго члена этого Общества. Этотъ трудъ былъ плодомъ многолѣтнихъ изысканій Дмитревскаго, который и самъ дѣятельно собиралъ матеріалы, особенно во время своихъ поѣздокъ по губерніи, и побуждалъ къ тому же своихъ подчиненныхъ; содѣйствіе послѣднихъ было особенно важно, между тѣмъ именно съ этой стороны Дмитревскій и наталкивался на полное равнодушіе къ дѣлу и совершенное его непониманіе; приходилось нерѣдко прибѣгать къ суровымъ внушеніямъ и частымъ напоминаніямъ. Большинство учителей отговаривалось тѣмъ, что не замѣчало среди мѣстнаго населенія никакихъ странныхъ на-

рѣчій и выраженій, или давало отвѣты вродѣ приходскаго учителя села Ивановскаго, Покровскаго уѣзда, діакона Виноградова, который отозвался, что, не входя въ сообщество крестьянъ, онъ и свѣдѣній касательно простонародныхъ нарѣчій дать не можетъ, кромѣ развѣ того только, что это скорѣе все пусторѣчія, нестоющія вниманія. Какъ бы то нибыло, Сборникъ былъ въ концѣ концовъ составленъ и помѣщенъ въ XX томѣ Трудовъ Общества любителей рос. словесности за 1820 годъ на страницахъ 195—216.

Въ заключеніе прибавимъ, что Дмитревскій былъ однимъ изъ первыхъ и дѣятельнѣйшихъ членовъ Россійскаго Библейскаго общества съ 1813 года; вмѣстѣ съ преосвященнымъ Ксенофонтомъ онъ содѣйствовалъ открытію во Владимірѣ отдѣленія этого общества въ 1817 году и въ качествѣ директора этого отдѣленія и корреспондента велъ обширную переписку съ Московскимъ и С.-Петербургскимъ комитетами общества. При его же дѣятельномъ участіи возникли филіальныя библейскія сотоварищества въ Муромѣ, Суздалѣ и Шуѣ.

Какъ съ ученой, такъ и съ нравственной стороны, многіе изъ педагоговъ того времени не стояли на высотѣ своего призванія; и въ этомъ отношеніи учебное начальство было право, многократно повторяя одни и тѣже предостереженія и угрозы. Уже 2 ноября 1804 года Училищный комитетъ, въ виду значительнаго числа негодныхъ учителей, предписываетъ циркулярно директорамъ особенную блюстительность за учителями, сообщая немедленно по начальству о всѣхъ преступающихъ правила здраваго поведенія чиновникахъ. Министерское распоряженіе 31 янв. 1814 г. прямо указываетъ, что надо разумѣть подъ этимъ преступленіемъ противъ правилъ здраваго поведенія: учители, замѣченные въ пьянствѣ, не только исключены будутъ изъ службы безъ аттестата, но имена ихъ будутъ опубликованы въ вѣдомостяхъ. Въ 1826 году повторяется такое же предписаніе о нетерпѣніи въ службѣ чиновниковъ дурного поведенія.

Правда, гимназія наша была сравнительно счастлива въ этомъ отношеніи, но и здѣсь отъ времени до времени имѣли мѣсто прискорбные случаи, нарушавшіе мирное теченіе школьной жизни. Таковъ напримѣръ печальный эпизодъ съ учителемъ философіи и изящныхъ наукъ Евгеновымъ, молодымъ человѣкомъ 21 года, воспитанникомъ С.-Петербургскаго Педагогическаго инсти-

тута, прямо со школьной скамьи опредѣленнымъ въ нашу гимназію въ 1808 году. Изъ рапорта директора въ Училищн. комитетъ 17 іюня 1810 г. видно, что Евгеновъ, несмотря на свою молодость, велъ крайне нетрезвую жизнь и замѣчаемъ былъ въ другихъ поступкамъ, неприличныхъ не только образованному юношѣ, но и самому грубому крестьянину. Предаваясь первоначально своимъ порокамъ во внѣучебное время, Евгеновъ дошелъ наконецъ до того, что сталъ и передъ учащимися являться въ нетрезвомъ видѣ и безпорядочно одѣтый, а на публичномъ экзаменѣ 15 сентября 1809 года произвелъ настоящій скандалъ въ присутствіи многочисленной публики. На всѣ увѣщанія и выговоры директора, Евгеновъ отвѣчалъ грубостями, неисполненіемъ предписаній, сочиненіемъ какихъ-то пасквилей на своего начальника, которые и пускалъ въ общество. Наконецъ 28 іюля, на имянинахъ у учителя Воронина, разразилась цѣлая буря. Въ большомъ обществѣ за обѣдомъ Евгеновъ напился до неприличія, поднялъ шумъ, на замѣчанія товарищей отвѣчалъ смѣхомъ и дерзостями. Директоръ, думая примирить поссорившихся, сталъ убѣждать Евгенова успокоиться и посовѣтовалъ ему уйти домой. Но тотъ отвѣчалъ „грубымъ ослушаніемъ" и даже осмѣлился толкнуть жену директора, стоявшую вблизи, и грозилъ причинить послѣднему „явное зло." Поступокъ Евгенова возмутилъ всѣхъ его сослуживцевъ, и общее собраніе учителей гимназіи и уѣзднаго училища, на экстренномъ собраніи 5 августа 1810 г., занесло въ журналъ осужденіе поступкамъ Евгенова; находя, что поведеніе его унижаетъ учительское званіе и честь, лишаетъ учителей довѣренности общества и служитъ для всѣхъ соблазномъ, собраніе опредѣлило, на основаніи 72 ст. Устава и предпис. Учил. ком. отъ 2 октября 1804 г., представить свое заключеніе на усмотрѣніе высшаго начальства. Попечитель Московскаго учебнаго округа Кутузовъ распорядился немедленно же удалить Евгенова отъ должности „по строптивому нраву" и обратился къ губернскимъ властямъ съ требованіемъ выслать его административнымъ порядкомъ изъ Владиміра „дабы по злобѣ своей на директора, усугубленной удаленіемъ отъ должности, онъ всенародно не сдѣлалъ директору непріятностей." Выѣзжая изъ казенной квартиры, Евгеновъ наговорилъ всѣмъ присутствующимъ грубостей, изрѣзалъ и переломалъ бывшую у него казенную мебель и грозилъ причи-

пить директору явное и большое зло. Вся эта исторія имѣла своимъ послѣдствіемъ временную размолвку между Дмитревскимъ и губернаторомъ княземъ Долгорукимъ. Надо замѣтить, что князь организовалъ во Владимірѣ литературный кружокъ, нѣчто вродѣ державинской Бесѣды любителей россійскаго слова, и устраивалъ у себя нерѣдко литературные вечера, пользовавшіеся широкой извѣстностью и привлекавшіе къ себѣ все высшее владимірское общество. Дѣятельнымъ членомъ этого кружка состоялъ и Евгеновъ, выступавшій передъ слушателями съ своими „философическими разсужденіями." Поэтому-то князь Долгорукій принялъ горячее участіе въ судьбѣ Евгенова и, считая его безвинно пострадавшимъ, по поводу требованія объ административной высылкѣ его изъ Владиміра, подалъ всеподданнѣйшее прошеніе на Высочайшее Имя, а съ Дмитревскимъ прекратилъ всякія отношенія. Для гимназіи утрата расположенія такого покровителя, какимъ былъ для нея съ самаго ея основанія князь Долгорукій, оказалась существеннѣйшей потерей, и директоръ, дорожа успѣхомъ ввѣреннаго ему заведенія, счелъ себя нравственно обязаннымъ сдѣлать первый шагъ къ примиренію. Въ письмѣ къ губернатору отъ 13 ноября 1810 г. онъ, оставляя въ сторонѣ всякія личныя недоразумѣнія, выражаетъ глубокое сожалѣніе въ томъ, что прискорбная исторія съ Евгеновымъ лишила гимназію расположенія князя, столь дорогого для успѣховъ просвѣщенія; по словамъ Дмитревскаго, безъ высокаго покровительства князя самое существованіе гимназіи подвергается опасности; онъ просилъ князя вникнуть въ дѣло, извинить его, если онъ въ чемъ нибудь неумышленно проступился передъ княземъ. „Служба Государева для меня дороже жизни, а безъ васъ я ничего въ ней не успѣю— такъ заключаетъ свое письмо директоръ; что можетъ быть для меня драгоцѣннѣе, какъ возвращеніе вашей благосклонности? Вы— князь Долгорукій: одно сіе знаменитое и достопамятное имя вливаетъ въ душу отраду." Такимъ образомъ примиреніе состоялось, и возобновились прежнія дружескія отношенія между Дмитревскимъ и княземъ. Что же касается Евгенова, то вмѣшательство князя довело дѣло до свѣдѣнія министра народнаго просвѣщенія графа Разумовскаго, и по его распоряженію Дмитревскій и Евгеновъ оба были вызваны въ Москву для личныхъ объясненій съ попечителемъ округа. Но и тутъ Евгеновъ явился въ университетскій совѣтъ въ

нетрезвомъ видѣ и на предложеніе оправдаться отвѣчалъ въ дерзкихъ выраженіяхъ. Тѣмъ не менѣе дѣло обошлось для него сравнительно благополучно, и университетъ ограничился лишь перемѣщеніемъ его на должность учителя латинскаго языка въ Тульскую гимназію.

Другой случай въ такомъ же родѣ имѣлъ мѣсто въ 1823 году съ учителемъ французскаго языка Татиномъ. Едва онъ былъ утвержденъ въ своей должности, какъ уже директору пришлось жаловаться въ Училищный комитетъ (3-го марта 1823 г.), что учитель сей нрава неукротимаго, поведенія самаго худого, цѣлыя ночи проводитъ у себя въ казенной квартирѣ въ разгулѣ въ нехорошемъ сообществѣ, разводитъ ночью огонь на кухнѣ и затѣваетъ стряпню; наноситъ обиды и ругательства своимъ сосѣдямъ, наводя на нихъ страхъ и грозя всѣхъ перебить. Послѣ проведенной безпутно ночи, онъ не является поутру къ должности, сказываясь больнымъ, а когда въ классѣ бываетъ, то занимаетъ дѣтей пустословіемъ и городскими вѣстями, или же переводами, неприличными ни званію учителя, ни возрасту учащихся. Всякія увѣщанія и убѣжденія были безсильны. Татинъ не оказывалъ никакого уваженія директору и на всѣ его предостереженія отвѣчалъ грубо: „доноси на меня, куда хочешь“. Всѣ сосѣди Татина по квартирѣ подтвердили слова директора; Онисимовъ прибавилъ еще, что однажды „французъ“ забрался къ нему въ комнату съ палкою въ рукѣ и грозилъ его избить. Разумѣется, такой человѣкъ не могъ быть терпимъ въ качествѣ наставника юношества и былъ уволенъ. Покидая казенную квартиру, онъ дѣлалъ всякія буйства, шумъ и крикъ, пляску и ругательства, точно какъ сумасшедшій, произносилъ сквернословія и угрозы. Пришлось обратиться за содѣйствіемъ къ полиціи, и только благодаря ея вмѣшательству Татинъ былъ наконецъ выпровожденъ изъ казеннаго зданія.

Разсказанные сейчасъ два крупныхъ случая конечно не могутъ характеризовать весь педагогическій персоналъ нашей гимназіи за то время; однако самая ихъ возможность дѣлаетъ вполнѣ понятнымъ недовѣріе общества къ школѣ.

Намъ остается еще сказать нѣсколько словъ о томъ, какъ относились учителя къ исполненію своихъ непосредственныхъ или, какъ ихъ тогда называли, классическихъ обязанностей. И здѣсь

мы нерѣдко наталкиваемся на случаи самаго небрежнаго отношенія къ дѣлу. Почти въ каждомъ годичномъ отчетѣ директоръ въ графѣ „объ успѣшности учениковъ и учащихъ" отмѣчаетъ, что успѣшность учащихся весьма слабая, за частымъ нехожденіемъ учителей въ классы и недостаткомъ прилежанія относительно своихъ обязанностей. „Неаккуратность учителей разстраиваетъ весь порядокъ ученія и отнимаетъ надежду имѣть когда либо хорошіе успѣхи"—вотъ фраза, которая одинаково повторяется и въ началѣ и въ концѣ изучаемаго періода. По нѣскольку разъ въ теченіе каждаго учебнаго года директоръ обращается къ учителямъ съ особыми ордерами, въ которыхъ, указывая на малоуспѣшность учениковъ, главною причиною этого выставляетъ неаккуратное со стороны учащихъ наблюденіе учебныхъ часовъ и предупреждаетъ своихъ подчиненныхъ, что о малѣйшихъ упущеніяхъ ихъ по службѣ будетъ доносить университету (ордеръ 19-го сентября 1819 г. и 16-го августа 1820 г.). Учителямъ предписывается пунктуальное хожденіе въ классы и притомъ не иначе какъ въ приличномъ званію одѣяніи; обращеніе всего вниманія на учениковъ въ классѣ, не развлекаясь никакими посторонними занятіями, какъ-то чтеніемъ газетъ, разговорами и т. п.; неупустительное взыскиваніе за неисправность учениковъ съ позволительной строгостью; обстоятельное означеніе ихъ успѣховъ или нерадѣнія въ мѣсячныхъ рапортахъ, кои первымъ числомъ каждаго мѣсяца должны подаваться непремѣнно для принятія нужныхъ мѣръ противъ безуспѣнія (ордеры 2-го марта 1819 г. и 8-го августа 1821 г.). Цѣлый рядъ циркулярныхъ предписаній высшаго учебнаго начальства затрогиваетъ этотъ же больной вопросъ. Такъ, циркуляръ министра народнаго просвѣщенія отъ 8-го іюля 1810 года указываетъ на то, что во многихъ училищахъ преподаваніе ведется безъ вниманія къ пользѣ учащихся, что учители больше обременяютъ, нежели изощряютъ память учениковъ, и, вмѣсто развитія разсудка постепеннымъ ходомъ, притупляютъ оный, заставляя выучивать наизусть отъ слова до слова то, отъ чего ученикъ долженъ удерживать одну только мысль и доказывать, что понимаетъ ее, собственными, хотя бы и несвязными, но не книжными выраженіями. Таковой способъ ученія, сколько легокъ для учителей, столько вреденъ для истиннаго образованія юношества, и на сіе тѣмъ менѣе можно взирать

съ равнодушіемъ, что сверхъ потраты дѣтьми наилучшаго въ жизни времени, обманывается надежда правительства, и употребляемыя имъ на воспитаніе издержки остаются мало вознагражденными. Для прекращенія сего, министръ требуетъ: 1) чтобы при опредѣленіи учителей университетъ требовалъ отъ нихъ знанія методы ученія не механической, но способствующей къ дѣйствительному обогащенію ума полезными и нужными истинами. 2) Чтобы директоры имѣли неослабный надзоръ за учителями въ отношеніи способовъ преподаванія. 3) Чтобы визитаторы обращали особое вниманіе на тотъ же предметъ. 4) Чтобы юношество сколько можно менѣе обременяемо было перепискою курсовъ, учителями произвольно составляемыхъ, и ученіе вообще преподаваемо было по книгамъ отъ высшаго начальства одобреннымъ. 5) Чтобы для совершеннаго удостовѣренія въ успѣхахъ учениковъ, всѣ мѣры употребляемы были на экзаменахъ, а въ числѣ оныхъ и та, чтобы не сами учители экзаменовали учениковъ, а стороннія лица, гдѣ есть свѣдущія въ наукахъ. Гдѣ же нѣтъ— по крайней мѣрѣ директоръ и не тѣ учители, которые обучали извѣстному предмету, а другіе. 20 февраля 1814 г. Училищный комитетъ предписываетъ директору употреблять всѣ усилія къ приведенію гимназіи въ должное состояніе, побуждая учителей къ исполненію ихъ обязанностей собственнымъ примѣромъ. И въ послѣдующее время неоднократные циркуляры требуютъ отъ начальниковъ учебныхъ заведеній имѣть неослабный надзоръ надъ учителями, которые часто распускаютъ учениковъ изъ классовъ прежде времени, приходятъ въ классы позже назначеннаго часа и вовсе пропускаютъ уроки. Еще въ 1831 г. Училищный комитетъ, въ силу Высочайшаго указа отъ 4 декабря 1831 г., требуетъ отъ начальниковъ гимназій самаго строгаго и осмотрительнаго отношенія къ исполненію какъ ими самими, такъ и учителями ихъ обязанностей, такъ какъ университетъ по степени познаній молодыхъ людей, поступающихъ изъ гимназій въ число студентовъ, будетъ судить о томъ, на сколько педагогическій персоналъ этихъ гимназій удовлетворяетъ своему назначенію; и если окажется, что учители допускаютъ какое либо пристрастіе въ оцѣнкѣ успѣховъ и дарованій своихъ учениковъ, или, что еще хуже, проявится невниманіе учителей къ своимъ обязанностямъ и ненадлежащія ихъ свѣдѣнія въ наукахъ, виновные будутъ подвергнуты строгой от-

вѣтственности и взысканіямъ. Во исполненіе этого столь энергичнаго требованія начальства, директоръ нашей гимназіи обратился къ учителямъ съ особымъ ордеромъ (2 мая 1832 г.), въ которомъ предложилъ имъ: 1) обходиться безъ особыхъ и часто безнужныхъ диктовокъ и буквальныхъ заученій, обременяющихъ токмо память; стараться упражнять учениковъ такъ, чтобы разсудокъ всегда дѣйствовалъ въ высшей степени относительно пріобрѣтаемыхъ ими въ наукахъ познаній. 2) Обращать равносильное вниманіе на нравственныя качества учащихся; примѣчая въ нихъ худыя наклонности, всемѣрно тщиться искоренять ихъ склоненіемъ къ любви порядка, добра и честности и удаляя при занятіяхъ въ учебные часы отъ разсѣянія, а тѣмъ паче отъ какихъ либо шалостей. 3) Являться учителямъ въ классы за нѣсколько времени до начала занятій и изъ класса до звонка не выходить, въ перемѣны не отлучаться, дабы дѣти ни одной минуты не оставались безъ надзора.

Судить точно о дѣйствительныхъ размѣрахъ неаккуратнаго посѣщенія учителями классовъ мы не имѣемъ возможности по многимъ причинамъ; прежде всего, записи манкировокъ и опаздываній велись очень неаккуратно; кромѣ того, онѣ составлялись самими учителями, или съ ихъ словъ, причемъ отмѣчалось количество пропущенныхъ дней, а не уроковъ. Изъ случайныхъ замѣтокъ узнаемъ, что Онисимовъ не посѣщалъ классовъ съ 17 ноября 1819 г. по 20 февраля 1820 г.; фонъ-Ферельцтъ—съ 13 декабря 1819 г. по 20 февраля 1820 г. и затѣмъ пропустилъ весь іюнь этого года; Киселевъ отсутствовалъ съ 18 января по 5 мая 1820 года, а законоучитель—съ 10 апрѣля по 1 іюня того же года. Тоже самое и относительно отпусковъ въ учебное время. По большей части они бывали очень продолжительны и притомъ мало мотивированы; Боголѣповъ рѣдкій годъ не получалъ отпуска въ учебное время отъ 2-хъ до 4-хъ недѣль. Онисимовъ, получая также почти ежегодно отпуски, имѣлъ обыкновеніе просрочивать ихъ иногда на нѣсколько недѣль, не представляя въ томъ никакихъ уважительныхъ оправданій. Такъ, въ 1821 году, уѣхавъ въ Москву въ половинѣ декабря, онъ вернулся только къ февралю слѣдующаго года, такъ что заставилъ директора обратиться съ донесеніемъ въ университетъ; по словамъ директора и въ прошлые годы неоднократно повторялось то же самое. Нап-

болѣе аккуратные, по словамъ директора, учителя, напр. Остроумовъ, и тѣ позволяютъ себѣ просрочки отпусковъ; такъ, Остроумовъ, получивъ отпускъ въ началѣ декабря 1828 г. на 20 дней для приведенія въ порядокъ своихъ дѣлъ, явился къ должности только 25-го января; онъ же въ 1832 г. уѣхалъ по семейнымъ обстоятельствамъ въ Москву въ началѣ мая, получивъ отпускъ всего на 8 дней, тогда какъ пробылъ въ отсутствіи болѣе мѣсяца. Училищное начальство старалось принимать мѣры для пресѣченія этого зла, но, повидимому, безъ особаго успѣха. Такъ, 13 марта 1828 г. Училищный комитетъ прислалъ предписаніе о строжайшемъ наблюденіи за исполненіемъ учителями ихъ обязанностей, о томъ, чтобы о причинахъ, заставляющихъ ихъ пропускать классы, они подавали своевременно надлежащія объясненія, подъ угрозою, что въ противномъ случаѣ съ ними поступлено будетъ какъ съ нерадивыми чиновниками на основаніи главы 3-ей Генеральнаго регламента. Таковое же предписаніе 10 декабря 1829 года требуетъ завести при всѣхъ училищахъ особыя книги для записыванія опаздываній и манкировокъ учителей. Въ нашей гимназіи такая книга была заведена еще раньше; такъ, ордеръ директора отъ 19 сент. 1819 г. предупреждаетъ учителей, что въ канцеляріи гимназіи заведенъ особый журналъ и приходѣ о небытіи учителей въ классы, который въ оригиналѣ будетъ представляться въ Училищный комитетъ. Тоже повторяется въ ордерѣ 16 августа 1820 г. Не ограничиваясь этимъ, Дмитревскій въ отчетѣ за майскую треть 1820 года предлагаетъ Училищному комитету производить вычеты изъ жалованья учителей за время ихъ отсутствія безъ законныхъ причинъ, съ тѣмъ чтобы вычтенныя деньги выдавались тѣмъ, кто замѣщалъ пустые классы.

Матеріальное положеніе учителей. Если, за рѣдкими исключеніями, составъ педагогическаго персонала былъ настолько неудовлетворителенъ, если въ учители часто попадали люди совершенно неподготовленные къ своему дѣлу, незнакомые съ элементарными требованіями педагогіи, мало образованные и нравственно испорченные, то причины этого заключались, во первыхъ, въ недостаткѣ правильно организованнаго приготовленія учителей и, во вторыхъ, въ слишкомъ скудномъ обезпеченіи ихъ положенія. Первый вопросъ мы оставляемъ въ сторонѣ, такъ какъ онъ выходитъ за предѣлы настоящаго очерка; на второмъ нѣсколько остановимся.

Если сравнить матеріальное положеніе учителей по Уставу 1804 г. съ постановкою дѣла въ предшествующую эпоху, то, безспорно, замѣтимъ крупный шагъ впередъ. Штаты увеличены почти вдвое; всѣ штатные расходы оплачиваются изъ средствъ казначейства, что вполнѣ гарантируетъ ихъ правильность; наконецъ, положено основаніе пенсіоннаго капитала. По силѣ 23 статьи Предварит. правилъ нар. просвѣщенія, лица, посвятившія себя наставленію юношества въ общественныхъ училищахъ, должны пользоваться при отставкѣ пенсіономъ, соразмѣрнымъ числу лѣтъ ихъ службы. Высочайше утвержденное положеніе Главнаго правленія училищъ отъ 7 сент. 1805 года опредѣляетъ полный окладъ въ пенсію за 30 лѣтъ безпорочной службы, двѣ трети—за 25 лѣтъ и одну треть—за 20 лѣтъ службы. Наивысшій размѣръ пенсій для вдовъ умершихъ чиновниковъ учебнаго вѣдомства не долженъ превышать половины оклада жалованья умершаго. Вдовы учителей, умершихъ до истеченія 20 лѣтъ службы, получаютъ единовременно полный окладъ. Высоч. указъ отъ 28 дек. 1818 г. распространяетъ эти правила и на дѣтей умершихъ училищныхъ чиновниковъ.

Сверхъ сего, чиновники учебнаго вѣдомства пользовались нѣкоторыми другими преимуществами, вродѣ напримѣръ освобожденія ихъ отъ военнаго постоя (Высоч. повел. 16 февр. 1809).

При всемъ томъ, положеніе учителей было далеко не изъ легкихъ. Штатнаго содержанія едва хватало для самой скромной жизни. Большинство учителей, даже семейныхъ, обходилось безъ прислуги. Жены учителей сами и стряпали и стирали бѣлье; холостые старались обходиться гимназическими сторожами, или брали себѣ нахлѣбниковъ, чаще всего изъ числа семинаристовъ, и пользовались ихъ услугами. Директоръ Дмитревскій, входившій во всѣ мелочи частной жизни учителей, нерѣдко письменно освѣдомлялся у нихъ, у кого какая прислуга живетъ и надежная ли? Изъ сохранившихся до насъ немногихъ отвѣтовъ учителей находимъ, что рѣдко кто изъ нихъ покажетъ у себя въ услуженіи бабу-стряпуху или отставного солдата. Квартиры учителей также были тѣсны, заключая въ себѣ всего 2 — 3 комнаты, и бѣдно обставлены, и то по большей части старой казенной мебелью. Изъ описей казеннымъ вещамъ, находящимся въ учительскихъ квартирахъ, видимъ, что вся обстановка этихъ квартиръ состояла

изъ деревянной кровати, скамьи, крытой ситцемъ, двухъ—трехъ простыхъ столовъ и такихъ же стульевъ, да шкафа или поставца.

Въ очень скромномъ количествѣ получали учителя дровяное и свѣчное продовольствіе. Старшимъ учителямъ полагалось по 8 ф. сальныхъ свѣчъ въ теченіе семи зимнихъ мѣсяцевъ, а младшимъ—по 5 фунтовъ. Жившіе на частныхъ квартирахъ учители получали деньгами на дрова и на свѣчи 75 р. въ годъ (такая сумма отпускалась напр. въ 1816 г. учителямъ Ферельцту, Траутману и Киселеву; между тѣмъ за то же время, по справочнымъ цѣнамъ, пудъ свѣчей стоилъ около 20 р., а сажень сосновыхъ дровъ—5-6 рублей). Предписаніе Училищнаго комитета отъ 17 янв. 1820 г. полагаетъ для всего учебнаго округа единообразную норму дровяного и свѣчного продовольствія учителей: старшему учителю дровъ не болѣе 15 саж. въ годъ, свѣчъ сальныхъ—не болѣе $2^1/_2$ пуд., а квартирныхъ денегъ не свыше 150 р. Младшему учителю дровъ—12 с., свѣчъ—2 п. и квартирныхъ—100 р. Однако положеннаго количества дровъ оказалось недостаточно; учители извели свои порціи въ четыре зимнихъ мѣсяца и поставлены были въ необходимость покупать дрова. Они подали наконецъ коллективную просьбу директору объ удовлетвореніи ихъ необходимымъ отопленіемъ. Послѣдній обратился съ рапортомъ въ Учил. комитетъ (2 апр. 1820), доказывая, что гораздо цѣлесообразнѣе было бы опредѣлить количество дровъ, необходимыхъ для отопленія одной печи въ теченіе года, съ тѣмъ чтобы выдавать учителямъ дрова по числу печей въ ихъ квартирахъ. Дмитревскій опредѣляетъ эту норму въ 7 саж. на голландскую и 12 саж. на русскую печь. Однако университетское начальство не согласилось съ этимъ предложеніемъ и предоставило лишь директору въ случаяхъ неудовольствія учителей выдавать имъ дровяное продовольствіе прямо деньгами по справочнымъ цѣнамъ. Въ мартѣ 1821 года директоръ снова извѣщаетъ Училищный комитетъ, что въ теченіе минувшаго года учители вынуждены были сверхъ опредѣленной имъ порціи прибавить столько же, такъ какъ иначе они должны были бы жить въ нетопленныхъ комнатахъ.

Что касается, наконецъ, посторонняго сверхъ оклада заработка, то онъ встрѣчался только въ очень рѣдкихъ случаяхъ. Циркулярное предписаніе министра нар. просв. отъ 12 мая

1810 г. разрѣшаетъ при извѣстныхъ условіяхъ учителямъ занимать стороннія должности въ другихъ вѣдомствахъ, лишь бы это совмѣщеніе не причиняло ущерба учебному дѣлу. Высоч. утвержденный докладъ министра отъ 3 января 1817 г. признаетъ жалованье, получаемое училищными чиновниками, отнюдь недостаточнымъ для содержанія этихъ чиновниковъ, часто обремененныхъ большими семействами и не имѣющихъ никакихъ другихъ средствъ къ умноженію своихъ доходовъ. Посему разрѣшается учителямъ преподавать учебные предметы въ разныхъ классахъ съ штатнымъ содержаніемъ по двумъ должностямъ. И дѣйствительно, такіе случаи встрѣчались въ нашей гимназіи и служили единственнымъ средствомъ обезпечить нѣкоторымъ изъ заслуженныхъ и многосемейныхъ учителей безбѣдное существованіе.

Частные уроки были большою рѣдкостью и скудно оплачивались. Когда въ 1814 году по случаю установленія 5% сбора съ учителей, имѣющихъ на дому учениковъ, директоръ затребовалъ отъ учителей нашей гимназіи необходимыя свѣдѣнія, оказалось, что учитель Урываевъ имѣетъ у себя четырехъ учениковъ, коихъ обучаетъ словесности, но получаетъ отъ ихъ родителей благодарность въ формѣ присылки разныхъ вещей; точно также Киселевъ имѣетъ одного мальчика изъ господскихъ людей для обученія живописному искусству, за что получаетъ столовый запасъ. Кромѣ того, Збоевъ обучаетъ старшихъ дѣтей инспектора врачебной управы латинскому и нѣмецкому языкамъ, а младшихъ—русской грамотѣ, за что получаетъ 15 р. вознагражденія въ мѣсяцъ; Боголѣповъ обучаетъ четырехъ мальчиковъ въ домѣ г. Рагозина математикѣ, но не получаетъ за это опредѣленнаго оклада, а снабжается запасами холстины, муки и прочаго. Траутманъ въ домѣ того же Рагозина обучаетъ новымъ языкамъ за столъ и квартиру.

От послѣдующей эпохи до насъ не сохранилось никакихъ извѣстій по этому вопросу.

Личный составъ педагогическаго персонала.

Директоры.

1. *Алексѣй Алексѣевичъ Цвѣтаевъ*, сынъ приходскаго священника въ Москвѣ, родился въ 1765 году. Первоначальное образованіе получилъ въ Московской Славяно-греко-латинской академіи, откуда въ 1783 г. перешелъ въ С.-Петербургскую Императорскую Академію, гдѣ и кончилъ курсъ въ слѣдующемъ году. Нѣкоторое время состоялъ въ должности коллежскаго протоколиста при Московскомъ университетѣ. Вмѣстѣ съ братомъ своимъ Львомъ Алексѣевичемъ, впослѣдствіи профессоромъ Московскаго университета, былъ хорошо принятъ въ домѣ князя Ив. Мих. Долгорукаго, и когда послѣдній получилъ назначеніе на должность вице-губернатора въ Пензу, уѣхалъ съ нимъ въ качествѣ домашняго секретаря князя и воспитателя его дѣтей. Въ 1791 г., благодаря протекціи князя, Цвѣтаевъ поступилъ въ Пензенскую казенную палату въ винную и соляную экспедицію столоначальникомъ, а въ 1793 году въ той же палатѣ получилъ должность секретаря по штату. Затѣмъ, постепенно подвигаясь вверхъ по бюрократической лѣстницѣ, онъ назначенъ былъ виннымъ приставомъ въ Пензѣ, а въ 1797 г.—камериромъ въ Главную соляную контору. Въ этихъ должностяхъ дослужился до чина кол. ассесора.

Князь Долгорукій, назначенный въ 1802 году на должность Владимірскаго гражданскаго губернатора, привезъ съ собою во Владиміръ и Цвѣтаева, который въ томъ же *1802 году мая 12-го* опредѣленъ былъ директоромъ Владимірскихъ училищъ, и въ этой должности въ 1806 г. получилъ чинъ надворнаго совѣтника. Припадки ипохондріи, которымъ Алексѣй Алексѣевичъ былъ по временамъ подверженъ, съ теченіемъ времени все усиливались и вскорѣ свели его въ могилу. 28-го февраля 1808 года онъ получилъ отпускъ на 28 дней для излеченія отъ болѣзни, уѣхалъ въ Москву и уже болѣе не возвращался къ мѣсту своей службы. По словамъ князя Долгорукаго, онъ умеръ въ жалкомъ состояніи, полупомѣшаннымъ („Капище сердца моего", Чтеніе въ Общ. ист. и древн. Россійскихъ, 1872, IV, стр. 130).

2. *Дмитрій Ивановичъ Дмитревскій*, сынъ соборнаго протоіерея, родился въ 1763 году. Обучался въ Рязанской духовной семинаріи и по окончаніи въ оной курса принятъ былъ въ число студентовъ Московскаго университета, въ которомъ оставался съ 1782 по 1785 годы изучая исторію, географію, латинское краснорѣчіе, ариѳметику, геометрію, экспериментальную физику, естественную исторію и языки французскій и нѣмецкій.

Началъ свою службу въ 1785 г, переводчикомъ при университетской типографіи; затѣмъ въ 1793 году поступилъ въ Московскій почтамтъ, гдѣ и прослужилъ до 1808 года сначала въ должности секретаря, а потомъ—экспедитора текущихъ дѣлъ. Въ воздаяніе особеннаго усердія и ревности къ службѣ, по отличному одобренію главнаго директора почтъ. Высочайшимъ Именнымъ указомъ отъ 1-го января 1806 г. удостоенъ пенсіи по смерть въ размѣрѣ 400 р. въ годъ. Въ 1807 г. получилъ чинъ надворнаго совѣтника.

По увольненіи изъ почтоваго вѣдомства, опредѣленъ въ должность директора Владимірскихъ училищъ *7-го сентября 1808 г.* За свою ревность и примѣрное усердіе къ распространенію народнаго просвѣщенія удостоился получить 2-го ноября 1810 г. выраженіе Высочайшаго благоволенія черезъ сенатора Обрѣзкова, и кромѣ того неоднократно получалъ изъявленія благодарности за свою полезную дѣятельность отъ министра народнаго просвѣщенія, попечителя округа и университетскаго начальства. Въ 1817 г. удостоенъ ордена св. Владиміра 4-й степени, а въ 1824 г. произведенъ въ чинъ статскаго совѣтника. 12-го сентября 1827 года уволенъ по прошенію въ отставку съ пенсіономъ за 42—лѣтнюю безпорочную службу, въ размѣрѣ 950 р. въ годъ. До 1-го апрѣля 1828 г. исправлялъ должность директора за неявкою своего преемника, котораго такъ и не дождался, передавъ наконецъ свою должность, съ разрѣшенія Училищнаго комитета, учителю Остроумову. По выходѣ въ отставку Дмитревскій продолжалъ жить во Владимірѣ, посѣщая иногда гимназію въ качествѣ почетнаго гостя. Годъ его смерти неизвѣстенъ намъ, хотя имя его упоминается въ бумагахъ нашего архива еще въ 1830 г. по поводу присылки имъ книгъ на 100 р. для раздачи ученикамъ въ награду.

Былъ женатъ и имѣлъ 4 сыновей: Захара, Константина, Павла и Николая. Первые три кончили курсъ въ нашей гимназіи.

3. *Гавріилъ Өедоровичъ Вишневскій*, изъ дворянъ, родился въ 1776 г. Записанъ былъ со дня своего рожденія въ лейбъ-гвардіи Измайловскій полкъ; уволенъ изъ военной службы въ отставку съ чиномъ поручика въ 1795 году. Въ 1808 году опредѣленъ въ Экспедицію Кремлевскаго строенія съ переименованіемъ въ титулярные совѣтники. Въ 1817 году уволенъ отъ службы въ Экспедиціи съ чиномъ надворнаго совѣтника и орденомъ Св. Владиміра 4-й степени. Въ томъ же году опредѣленъ въ Министерство полиціи чиновникомъ особыхъ порученій. Въ этой должности былъ командированъ отъ министерства для содѣйствія къ заготовленію и доставленію въ С.-Петербургскіе магазины ржаной муки. Въ 1819 г., съ присоединеніемъ Министерства полиціи къ Министерству внутреннихъ дѣлъ, перешолъ въ послѣднее и награжденъ былъ чиномъ коллежскаго совѣтника. Съ 1821 г. служилъ въ Почтовомъ департаментѣ. Въ 1823 г. опредѣленъ въ Казанскій университетъ инспекторомъ студентовъ и вмѣстѣ—директоромъ Педагогическаго института и преподавателемъ въ университетскомъ Строительномъ комитетѣ. Въ 1824 г. за усердіе по службѣ получилъ наградныхъ 1500 р. Въ 1826 году уволенъ отъ всѣхъ должностей и опредѣленъ непремѣннымъ членомъ въ томъ же комитетѣ. а *5-го сентября 1827 г.* назначенъ директоромъ училищъ Владимірской губерніи. За неявкою къ должности, уволенъ въ отставку предписаніемъ министра народнаго просвѣщенія отъ 13-го іюля 1828 года.

4. *Өедоръ Өедоровичъ Калайдовичъ*, сынъ штабъ-лѣкаря, родился въ 1780 году. Образованіе получилъ въ Московской университетской гимназіи и затѣмъ въ Московскомъ университетѣ, гдѣ слушалъ лекціи по словесно-историческому отдѣленію, отправляя въ то же время должность письмоводителя при университетскомъ Совѣтѣ. По увольненіи изъ университета въ 1805 году, опредѣлился въ Вѣдомство водяныхъ коммуникацій къ дѣламъ Московскаго водопровода секретаремъ и въ 1808 году награжденъ былъ чиномъ губернскаго секретаря. По увольненіи изъ вѣдомства коммуникацій, опредѣленъ былъ во Владимірскую гимназію старшимъ учителемъ философіи и изящныхъ наукъ 31-го декабря 1810 г. Съ 1815 года преподавалъ въ той же гимназіи естественную исторію, технологію и коммерцію. Сверхъ сего съ 1813 по 1815 г. состоялъ надзирателемъ при благородномъ гимназическомъ пансіонѣ.

Въ 1813 г. произведенъ въ титулярные совѣтники, а 24-го марта 1817 года уволенъ по прошенію для опредѣленія по другимъ дѣламъ. Съ 1817 г. по 1819 г. состоялъ въ должности секретаря въ Московской строительной комиссіи. Уволенный отсюда по болѣзненному состоянію, онъ въ 1826 г. опять поступилъ въ туже комиссію экзекуторомъ и въ томъ же году получилъ чинъ надворнаго совѣтника. *5-го января 1829 года* опредѣленъ директоромъ училищъ Владимірской губерніи и оставался въ этой должности до конца изучаемаго нами періода.

Учители.

а) Математики и физики.

1. *Өедоръ Александровичъ Боголѣповъ*, сынъ священника села Карпова, Московской губерніи, Коломенскаго уѣзда, родился въ 1765 г. По окончаніи курса въ Коломенской духовной семинаріи, поступилъ студентомъ въ С.-Петербургскую учительскую семинарію. Въ 1786 году опредѣленъ учителемъ въ Московское Главное народное училище, откуда переведенъ въ таковое же училище во Владимірѣ *22-го апрѣля 1802 года*, въ которомъ продолжалъ состоять учителемъ математики и послѣ преобразованія его въ гимназію. Съ 16-го мая 1825 года кромѣ математики преподавалъ естественную исторію (послѣ смерти учителя Онисимова) съ штатнымъ жалованьемъ по обѣимъ должностямъ (предп. Уч. ком. отъ 16-го іюня 1825 года, на основ. разрѣшенія мин. народ. просв. отъ 16-го мая). Предписаніемъ попечителя Московскаго учебнаго округа отъ 9-го марта 1827 года, за старостью и болѣзненностью, отставленъ отъ должности учителя математики и физики, съ предоставленіемъ одного класса натуральной исторіи и технологіи. Умеръ 6-го сентября 1831 года на 66-мъ году жизни отъ изнурительной сухотки. На службѣ по учебному вѣдомству состоялъ 45 лѣтъ и имѣлъ чинъ коллежскаго совѣтника. Оставилъ послѣ себя въ полной нищетѣ жену, 5 человѣкъ дѣтей и малолѣтнюю сироту—внуку. По силѣ предп. Училищнаго комитета отъ 6-го іюня 1816 года, вдова получила на погребеніе единовременное пособіе въ 100 руб. Согласно § 8 Высочайше утвержденнаго въ 7-й день сентября 1805 г. доклада Главнаго правленія училищъ и Высочайшаго Указа отъ 6-го мая 1831 г., она пред-

ставлена была къ пенсіи въ 325 р. (изъ 650—рублеваго оклада ея покойнаго мужа). Назначеніе пенсіи состоялось въ декабрѣ 1831 года.

2. *Николай Ивановичъ Сохансkій*, уроженецъ Черниговской губерніи, сынъ губернскаго секретаря, родился въ 1805 году. По окончаніи курса въ Московской губернской гимназіи, поступилъ въ Московскій университетъ, гдѣ и кончилъ со степенью кандидата физико-математическихъ наукъ въ 1828 г. Сверхъ сего слушалъ лекціи нравственно-политическаго отдѣленія (по предметамъ богословія и церковной исторіи) и словеснаго (по предметамъ россійскаго краснорѣчія и поэзіи, россійской и всеобщей исторіи, латинской словесности, римскихъ древностей и нѣмецкой словесности). Опредѣленъ учителемъ математики и физики во Владимірскую гимназію *21-го апрѣля 1829 года*. Съ 1-го декабря 1831 года исправлялъ должность преподавателя естественныхъ наукъ съ добавочной платой въ 325 руб. въ годъ.

б) Исторіи, географіи и статистики.

1. *Прохоръ Сергѣевичъ Воронинъ*, уроженецъ Владимірской губерніи, сынъ дьячка въ посадѣ Киржачѣ, родился въ 1764 г. Воспитывался въ Троицкой и Переславской духовныхъ семинаріяхъ и слушалъ въ С.-Петербургской учительской семинаріи естественную и всемірную исторію, всеобщую и математическую географію, въ чемъ имѣетъ аттестаты отъ профессоровъ Зуева и Гакмана. Въ 1788 г. опредѣленъ учителемъ въ Юрьевское Малое народное училище, откуда переведенъ во Владимірское Главное народное училище учителемъ II класса *12-го декабря 1788 г*. Съ преобразованіемъ послѣдняго въ гимназію, назначенъ былъ въ нее учителемъ исторіи, географіи и статистики. Умеръ 6-го февраля 1823 г., имѣя 59 л. отъ роду, послѣ 35 лѣтъ невступной учебной службы. Имѣлъ чинъ надворнаго совѣтника. Оставилъ послѣ себя вдову и 5 чел. дѣтей въ очень бѣдномъ состояніи, безъ всякихъ средствъ кромѣ пенсіи въ 325 руб. ас.

2. *Петръ Ивановичъ Остроумовъ*, родомъ изъ духовнаго званія, сынъ титулярнаго совѣтника, состоявшаго учителемъ разныхъ малыхъ народныхъ училищъ Московской губерніи, родился въ 1793 г. Обучался въ Московской губернской гимназіи, откуда переведенъ былъ въ С.-Петербургскій педагогическій институтъ сту-

дентомъ; изучалъ чистую математику, физику, естественную и всеобщую исторію, эстетику, политическую экономію, естественное право и языки латинскій, нѣмецкій и французскій. По окончаніи курса въ 1812 г. былъ опредѣленъ учителемъ II класса въ Суздальское уѣздное училище, откуда *31-го января 1820 г.* перемѣщенъ старшимъ учителемъ логики и риторики во Владимірскую губернскую гимназію. 6-го февраля 1823 г., со смертью Воронина, онъ назначенъ былъ учителемъ исторіи, географіи и статистики, съ предоставленіемъ временнаго преподаванія логики и риторики. За послѣднее онъ получилъ 500 р. добавочнаго содержанія, а съ 1825 г. ему отпускался двойной окладъ полностью. 24-го августа 1832 г. перемѣстился въ Новгородскую губернскую гимназію.

в) Философіи и изящныхъ наукъ.

1. *Иванъ Ивановичъ Евгеновъ*, родомъ изъ духовнаго званія, родился въ 1787 г. Обучался сначала въ Костромской духовной семинаріи, потомъ—въ С.-Петербургскомъ педагогическомъ институтѣ. Имѣетъ аттестаты въ прохожденіи логики, метафизики, нравственной философіи, богословіи, правъ естественнаго, частнаго и публичнаго, политической экономіи, науки о финансахъ, всеобщей грамматики и эстетики. Опредѣленъ старшимъ учителемъ во Владимірскую гимназію *31-го марта 1808 г.* 12-го октября 1810 г. уволенъ отъ должности по строптивому нраву, а въ октябрѣ 1811 г. вновь принятъ на службу въ учебное вѣдомство и назначенъ учителемъ латинскаго языка въ Тульскую губернскую гимназію.

2. *Федоръ Федоровичъ Калайдовичъ*, состоялъ учителемъ философіи и изящныхъ наукъ съ 21-го декабря 1810 г. по 11-е мая 1815 г. (см. списокъ директоровъ).

3. *Алексѣй Ивановичъ Урываевъ*, изъ штабъ-офицерскихъ дѣтей, родился въ 1789 г. Обучался первоначально во Владимірскомъ Главномъ народномъ училищѣ, откуда перемѣщенъ былъ въ Московскую университетскую гимназію, гдѣ обучался геометріи, исторіи, географіи и языкамъ латинскому, французскому, нѣмецкому и англійскому. По окончаніи курса, съ 1802 по 1808-й годъ состоялъ на службѣ въ Московскомъ почтамтѣ сначала въ должности подканцеляриста, а потомъ—канцеляриста. По любви своей къ наукамъ въ 1808 г., по особому экзамену, принятъ былъ въ число студентовъ Московскаго университета, гдѣ слушалъ химію, физику, техно-

логію, метафизику, антропологію, естественное право, эстетику, статистику, исторію и россійское краснорѣчіе: Въ тоже время при университетской гимназіи состоялъ учителемъ нѣмецкой этимологіи и комнатнымъ надзирателемъ. Въ 1811 г. кончилъ курсъ со степенью кандидата словесныхъ наукъ, и *25-го декабря 1812 г.* опредѣленъ во Владимірскую гимназію старшимъ учителемъ натуральной исторіи и технологіи. Съ 11-го мая 1815 г., помѣнявшись предметами съ учителемъ Калайдовичемъ, состоялъ учителемъ философіи и изящныхъ наукъ. Былъ однимъ изъ лучшихъ учителей нашей гимназіи и 18-го февраля 1819 года получилъ отъ университета изъявленіе благодарности за свое усердіе къ наукамъ и прилежаніе къ должности. Изъ донесенія директора въ Училищный комитетъ 31-го октября 1819 г. узнаемъ, что Урываевъ боленъ чахоткою, ипохондріей и совершеннымъ разслабленіемъ нервовъ, что отнимаетъ всю надежду къ скорому его выздоровленію и дѣлаетъ его неспособнымъ къ исправленію должности. 27-го ноября 1819 г. Урываевъ скончался и былъ похороненъ на счетъ гимназіи, израсходовавшей на этотъ предметъ 100 р. изъ экономическихъ суммъ, согласно предписанію Училищнаго комитета отъ 16-го іюля 1816 г.

Копія съ университетскаго аттестата Урываева.

Quod felix faustumque esse jubeat supremum numen!
sub auspiciis
augustissimi ac potentissimi
Magni Domini
Alexandri primi
omnium Russiarum
Imperatoris et Autocratoris,
et cetera, et cetera, et cetera.
Veniam dante
Ministro publicae institutionis
Alexio Cyrilide comite a Rasumowsky,
cons. intimo actuali, cubiculario imperatorio, consilii imperialis
membro en equite ordinis s. Alexandri Newensis,
annuente
Universitatis Mosquensis curatore
Paulo Joannide a Golenistzew-Kutusow,

cons. intimo, senatore et equite ordinis s. Annae primae classis;
Magnifico universitatis rectore
Joanne Heym,
consiliario status, statisticae professore p. o. et ord. s. Annae
II classis equite,
promotor legitime constitus
Jo. Theoph. Buhle;
Professor theoriae artium elegantiorum et
archeologiae p. o. et ordinis litterarum humaniorum decanus,
Viro praenobilissimo atque doctissimo
Alexio Urivaew,
Propter egregia litterarum humaniorum specimina
atque optimos profectus, die 28 iunii, anni MDCCCXI
insignis in artibus humanioribus honóres et privilegia
Candidati rite contulit, cujus rei testes sunto hae litterae,
sigillo universitatis munitae.
Senatui academico a secretis; Joannes Dwigubsky p. p. or.
Mosquae. Typis universitatis.

4. *Петръ Ивановичъ Остроумовъ.* Преподавалъ философскія науки съ 31-го января 1820 года по 24-е августа 1832 года (см. списокъ учителей исторіи, географіи и статистики).

г) Естественной исторіи и технологіи.

1. *Григорій Александровичъ Виноградовъ.* Уроженецъ Владимірской губерніи, изъ духовнаго званія, родился въ 1767 году. Обучался во Владимірской духовной семинаріи, затѣмъ—въ С.-Петербургской учительской. *Въ 1786 году сентября 22* опредѣленъ учителемъ историческихъ наукъ въ высшихъ классахъ Владимірскаго Главнаго народнаго училища, а послѣ преобразованія послѣдняго въ гимназію оставался въ ней преподавателемъ тѣхъ же предметовъ. Къ службѣ былъ не особенно ревностенъ, и въ 1809 году 13-го октября заслужилъ выговоръ отъ Училищнаго комитета съ предостереженіемъ, что если онъ не усугубитъ прилежанія къ прохожденію должности, то будетъ уволенъ. Умеръ въ ноябрѣ 1812 года. Оставилъ семью, состоявшую изъ жены и четырехъ дѣтей, въ нищетѣ. Не на что было устроить похороны, и директоръ выдалъ вдовѣ изъ гимназическихъ суммъ 100 р. заимо-

образно, съ тѣмъ чтобы взыскать съ нея эту сумму послѣ того какъ ей будетъ назначена пенсія.

2. *Алексѣй Ивановичъ Урываевъ.* Состоялъ учителемъ естественной исторіи и технологіи съ 25 декабря 1812 г. по 11 мая 1815 года (см. списокъ учителей философіи и изящн. наукъ).

3. *Ѳедоръ Ѳедоровичъ Калайдовичъ.* Состоялъ учителемъ естеств. исторіи и технологіи съ 11 мая 1815 года по 24-е марта 1817 года (см. списокъ директоровъ и учителей философіи и изящныхъ наукъ).

4. *Иванъ Ивановичъ Онисимовъ,* изъ вольноотпущенныхъ, сынъ коллежскаго бухгалтера. По окончаніи курса въ Калужской губ. гимназіи въ 1813 г., принятъ въ число студентовъ Московскаго университета, гдѣ слушалъ профессоровъ: россійской и латинской словесности и римскихъ древностей, нѣмецкаго языка, всеобщей исторіи, умозрительной философіи, натуральной исторіи и сельскаго домоводства, зоологіи и минералогіи, ботаники и физіологіи, химіи, геометріи, плоской тригонометріи и алгебры съ приложеніемъ оной къ геометріи и коническимъ сѣченіямъ, астрономіи и механики, долговременной фортификаціи, артиллеріи и баллистики, и физики. Опредѣленъ учителемъ во Владимірскую губ. гимназію *28-го февраля 1817 года.* Въ 1819 г. февраля 18-го получилъ благодарность отъ Училищн. комитета за ревность къ наукамъ и усердіе къ должности наставника. Умеръ въ Москвѣ 15-го марта 1825 г.

5. *Ѳедоръ Александровичъ Боголѣповъ.* Преподавалъ естеств. исторію съ 16-го мая 1825 г. по 6 сент. 1831 года (см. списокъ учителей математики и физики).

6. *Николай Ивановичъ Соханскій,* съ 1-го декабря 1831 г. до конца изучаемаго періода исправлялъ должность преподавателя этихъ предметовъ (см. списокъ учителей математики и физики).

д) Латинскаго языка.

1. *Онисимъ Степановичъ Стрѣльцовъ,* уроженецъ Московской губерніи, изъ духовнаго званія, родился въ 1768 году. Обучался въ Троицкой лаврской духовной семинаріи, откуда студентомъ богословія перешелъ въ Московскій университетъ. По окончаніи курса въ послѣднемъ, опредѣленъ учителемъ въ Московское Главное народное училище въ 1796 году, *а въ 1804 г. октября 19-го* переведенъ во Владимірскую губернскую гимназію. До 1808 г.

кромѣ латинскаго языка преподавалъ начала философіи и россійскую словесность. Умеръ 13-го ноября 1813 г. послѣ 6 недѣль тяжкой болѣзни. Имѣлъ чинъ губернскаго сакретаря. Оставилъ сына Павла круглымъ сиротою.

2. *Афанасій Михайловичъ Метловъ,* сынъ сельскаго священника Владимірской губерніи, родился въ 1783 году. Обучался во Владимірской духовной семинаріи. По выходѣ изъ оной поступилъ канцеляристомъ во Владимірскую Духовную консисторію, а въ 1807 году опредѣленъ учителемъ въ здѣшнее уѣздное училище. *16-го января 1814 года* переведенъ учителемъ латинскаго языка въ нашу гимназію. 4-го октября 1820 г. уволился изъ учебнаго вѣдомства и поступилъ въ канцелярію Московскаго военнаго губернатора.

3. *Өедоръ Петровичъ Збоевъ,* сынъ церковно-служителя Владимірской губерніи, родился въ 1770 г. Обучался во Владимірской семинаріи; по окончаніи въ оной курса, будучи уволенъ изъ духовнаго званія, вступилъ въ мѣстную Уголовную палату и исправлялъ въ ней повытческую должность съ 1791 по 1810 годъ. Въ 1810 году поступилъ въ Московскій университетъ, гдѣ слушалъ лекціи: всеобщей исторіи, өеоріи изящныхъ искусствъ, археологіи, россійской исторіи, философіи, правъ естественнаго, частнаго, гражданскаго и россійскаго, политической экономіи, зоологіи, минералогіи, физики, латинской словесности, римскихъ древностей и греческаго языка. Въ 1814 году за сочиненную по этико-политическому отдѣленію диссертацію награжденъ серебряною медалью, и въ томъ же году опредѣленъ учителемъ во Владимірское уѣздное училище. Отсюда въ 1819 г. переведенъ штатнымъ смотрителемъ Переславскихъ училищъ, а *15-го декабря 1820 года*— учителемъ латинскаго языка во Владимірскую гимназію. Съ 15-го октября 1826 г. преподавалъ также и греческій языкъ. 3-го августа 1831 г. по прошенію перемѣщенъ на должность смотрителя одного изъ уѣздныхъ училищъ закавказской дирекціи и получилъ 1000 р. подъемныхъ денегъ не въ зачетъ.

4. *Константинъ Өедоровичъ Милославовъ,* духовнаго званія, родился въ 1791 году. По окончаніи курса въ Лаврской семинаріи въ 1813 г., опредѣленъ былъ въ Ярославскую семинарію учителемъ поэзіи и нѣмецкаго языка, а вскорѣ и учителемъ еврейскаго языка и внутреннимъ инспекторомъ. Съ 1814 по

1828 г. состоялъ секретаремъ семинарскаго правленія, а съ 1820 по 1828 годъ—библіотекаремъ семинаріи. Въ 1830 г. перешелъ съ чиномъ титулярнаго совѣтника на службу въ Императорскій Воспитательный домъ на вакансію помощника надзирателя. *30-го сентября 1831 года* опредѣленъ учителемъ во Владимірскую губернскую гимназію. 26-го іюля 1833 г. перемѣщенъ по прошенію въ Ярославскую гимназію.

ѳ) Нѣмецкаго языка.

1. *Савелій Карловичъ фонъ-Ферельцтъ,* уроженецъ города Аугсбурга, изъ дворянъ римской имперіи, сынъ генералъ-лейтенанта. Поступилъ во Владимірское Главное народное училище учителемъ *14-го марта 1804 года,* и продолжалъ состоять въ этой должности также и послѣ преобразованія училища въ гимназію. Съ 1804 по 1807 г. содержалъ частный пансіонъ для благородныхъ дѣтей. Въ 1806 году принялъ русское подданство и приписался къ Владимірскому дворянству, а въ 1812 г. принялъ православіе. 22-го декабря 1820 года вышелъ въ отставку съ чиномъ коллежскаго ассесора, а въ январѣ 1821 года выбранъ отъ здѣшняго дворянства засѣдателемъ во Владимірскій уѣздный судъ.

2. *Карлъ Егоровичъ Кноблохъ,* уроженецъ Эстляндіи, сынъ надворнаго совѣтника, родился въ 1776 году. По окончаніи курса въ Ревельской гимназіи, поступилъ въ Іенскій университетъ, гдѣ и слушалъ лекціи съ 1795 по 1798 годъ. *14-го января 1821 г.,* на основаніи испытанія, произведеннаго ему на званіе учителя нѣмецкаго языка во Владимірской гимназіи, онъ былъ утвержденъ въ должности учителя этой гимназіи. Неоднократно исправлялъ должность учителя французскаго языка. Съ 11-го іюня 1823 по 1-е апрѣля 1833 года преподавалъ оба языка и получалъ двойной окладъ по штату. Въ 1830 г. награжденъ чиномъ титулярнаго совѣтника.

ж) Французскаго языка.

1. *Георгъ Терріе,* иностранецъ, родился въ 1758 году, сынъ офицера лѣсовъ и охотъ ландграфа Гессенскаго. Съ 1780 по 1789 годъ служилъ секретаремъ при особѣ принца и ландграфа Луи-Георга-Карла Гессенъ-Дармштадтскаго. Знаетъ кромѣ французскаго языка также и нѣмецкій, равно и практическую геоме-

трію, географію, ариѳметику и четыре первоначальныя правила алгербы. Въ 1797 г. поступилъ на службу въ благородный пансіонъ при Московскомъ университетѣ, но скоро вышелъ въ отставку для прінсканія себѣ другой, лучше обезпеченной службы. Въ 1807 г. заявилъ желаніе вторично поступить на казенное мѣсто, и *20-го ноября 1807 г.* опредѣленъ былъ во Владимірскую гимназію. 19-го мая 1809 г. по болѣзненному состоянію уволенъ въ отставку.

2. *Карлъ Гохрейнеръ*, иностранецъ, родился въ 1779 году; опредѣленъ во Владимірскую гимназію учителемъ *2-го іюня 1809 г.* Образованіе получилъ въ Бурггаузенѣ (въ Баваріи), гдѣ и родился. 13-го октября 1809 году подалъ прошеніе объ увольненіи въ отставку, вслѣдствіе тяжкой и неизлечимой болѣзни, дѣлающей его неспособнымъ къ службѣ.

3. *Готлибъ Траутманъ*, иностранецъ, родился въ 1783 г.; образованіе получилъ въ Гёттингенскомъ университетѣ. До поступленія въ нашу гимназію, жилъ въ качествѣ гувернера при дѣтяхъ въ домѣ статскаго совѣтника Рагозина и по рекомендаціи директора Дмитревскаго былъ опредѣленъ учителемъ во Владимірскую гимназію *1-го декабря 1809 г.* Предписаніемъ Училищнаго комитета отъ 24-го февраля 1820 г. перемѣщенъ на такую же должность въ университетскій благородный пансіонъ.

4. *Петръ Яковлевичъ Татинъ*, сынъ французскаго купца, родился въ 1774 г. Въ 1793 г. принялъ русское подданство. Служилъ сначала въ Суздальскомъ уѣздномъ судѣ губернскимъ регистраторомъ, затѣмъ—въ штатѣ Владимірскаго губернскаго правленія. Въ 1811 г. опредѣленъ во 2-ю городскую часть частнымъ приставомъ, но скоро опять перешелъ экзекуторомъ въ губернское правленіе, а оттуда—смотрителемъ къ рабочему и смирительному домамъ. Въ 1815 г. уволенъ за болѣзнью въ отставку съ чиномъ коллежскаго секретаря. Въ 1819 г. опять поступилъ на службу и пробылъ годъ помощникомъ уѣзднаго надзирателя по питейному сбору въ Покровѣ. *31-го января 1820 г.* утвержденъ учителемъ французскаго языка во Владимірскую гимназію; но неопытность его въ преподаваніи, а также нерадѣніе къ службѣ и неодобрительное поведеніе имѣло послѣдствіемъ увольненіе его изъ учебнаго вѣдомства 1-го мая 1823 г. Съ этого момента и до конца изучаемаго періода преподаваніе французскаго языка поручено было учителю нѣмецкаго класса Кноблоху.

з) Рисованія.

1. *Михаилъ Прокофьевичъ Киселевъ,* родился въ 1769 г. Сынъ кандидата учительства при Московскомъ Главномъ народномъ училищѣ, изъ вольноотпущенниковъ. Въ 1786 г. вступилъ въ штатъ Московской управы благочинія въ экспедицію архитекторскихъ дѣлъ ученикомъ; затѣмъ произведенъ былъ сержантомъ, а съ 1790 по 1792 годъ состоялъ въ штатѣ межевой чертежной. Въ 1793 году опредѣленъ учителемъ рисовальнаго искусства въ Московское мѣщанское училище. Въ чинѣ губернскаго секретаря переведенъ во Владимірскую гимназію *10-го іюля 1806 г.* съ предоставленіемъ уроковъ и въ уѣздномъ училищѣ. 30-го мая 1831 г. уволенъ въ отставку по прошенію за преклоннымъ возрастомъ съ пенсіей въ 300 р. и чиномъ титулярнаго совѣтника.

2. *Сергѣй Игнатьевичъ Ремезовъ,* родился въ 1801 г., изъ духовнаго званія. По окончаніи курса во Владимірской духовной семинаріи и по исключеніи изъ духовнаго вѣдомства, опредѣлился учителемъ приготовительнаго класса во Владимірское уѣздное училище въ 1830 г. *9 февраля 1831 г.* получилъ классъ рисованія въ гимназіи на мѣсто Киселева, которому оставлены были уроки въ одномъ только уѣздномъ училищѣ.

и) Закона Божія.

1. *Тимофей Ястребовъ,* протоіерей Владимірскаго Успенскаго собора; состоялъ катихизаторомъ уѣзднаго училища и сверхъ сего безвозмездно занимался съ учениками гимназіи въ промежутокъ времени отъ *13-го января 1809 г. по 13 мая 1810 г.* Умеръ послѣ тяжелой и продолжительной болѣзни, длившейся 6 мѣсяцевъ.

2. *Іоакимъ Смирновъ,* протоіерей Никитской приходской церкви. Родился въ 1777 г.; кончилъ курсъ во Владимірской духовной семинаріи. За время болѣзни Ястребова исправлялъ его должность. Утвержденъ катихизаторомъ уѣзднаго училища и гимназіи *17 августа 1810 г.* Неоднократно получалъ выраженія благодарности и благоволенія за свое отличное усердіе и ревность какъ отъ мѣстнаго архіерея, такъ и отъ высшаго училищнаго начальства.

к) Музыки.

1. *Иванъ Ивановичъ Фрейдекеръ.* Иностранецъ, родился въ 1744 году. Аттестатъ его гласитъ (въ переводѣ): „Римскаго его Имп. Величества службы дѣйствительный генералъ-фельдмаршалъ, Понятовскаго пѣхотнаго полка шефъ, князь Рудольфъ фонъ-Штейнъ. Объявитель сего, Понятовскаго пѣхотнаго полка кадетъ Иванъ Фрейдекеръ въ службу вступилъ изъ вольноопредѣляющихся нѣмцевъ 1766 г. генваря 3 дня кадетомъ, а въ 1768 г. іюня 30 дня по прошенію уволенъ отъ службы на собственное пропитаніе тѣмъ же чиномъ на прежнее его жилище въ г. Вѣну или гдѣ пожелаетъ. Во время же службы велъ онъ себя добропорядочно, службу исправлялъ съ великимъ раченіемъ, въ штрафахъ и домовыхъ отпускахъ не былъ, холостъ. Въ увѣреніе чего за подписаніемъ и приложеніемъ герба моего печати, данъ сей въ штабъ-квартирѣ. Штокерай. Іюня 30 дня 1768 г. Въ подлинномъ подписано: Рудольфъ фонъ-Штейнъ“. *17 ноября 1809 года* опредѣленъ учителемъ музыки во Владимірскую гимназію. Умеръ въ февралѣ 1817 года, въ глубокой старости (73 лѣтъ), скоропостижно, за своимъ урокомъ. Въ виду того, что онъ былъ сверхштатнымъ чиновникомъ, его жена и дѣти не имѣли права на пенсію; имъ отказано было даже въ единовременномъ пособіи изъ средствъ гимназіи, о чемъ директоръ дѣлалъ особое представленіе въ Училищный комитетъ, указывая на бѣдственное положеніе семьи Фрейдекера. Сыновья Ивана Ивановича—Александръ, Николай и Иванъ обучались въ нашей гимназіи.

2. *Осипъ Кузьмичъ Погоскій,* изъ польскаго шляхетства. Съ 1787 г. служилъ канцеляристомъ во Владимірскомъ намѣстническомъ правленіи, затѣмъ—протоколистомъ въ Киржачской дворянской опекѣ. Въ 1792 г. за болѣзнью уволенъ въ отставку съ награжденіемъ чиномъ губ. регистратора. *30 іюля 1817 г.* утвержденъ учителемъ музыки во Владимірской гимназіи. Умеръ 13 февраля 1822 г.

3. *Антонъ Завьяловъ,* изъ вольноотпущенниковъ, извѣстенъ былъ во Владимірѣ за отличнаго музыканта. Состоялъ капельмейстеромъ домашняго оркестра у Новикова. Утвержденъ учителемъ при нашей гимназіи *25 октября 1822 года.* Уволенъ въ 1824 году, вмѣстѣ съ прекращеніемъ класса музыки, за недостаткомъ средствъ у гимназіи.

Письмоводители.

1. *Захаръ Дмитревскій,* сынъ директора Дм. Ивановича Дмитревскаго. Родился въ 1802 году. Обучался во Владимірской гимназіи съ 1809 по 1812 годъ. Опредѣленъ письмоводителемъ при директорѣ *9 января 1812 года,* имѣя всего 11 лѣтъ отъ роду. Съ 1819 года одновременно состоялъ и учителемъ I класса уѣзднаго училища, получая жалованье по обѣимъ должностямъ. 10 іюля 1825 г. по прошенію уволенъ для поступленія къ другимъ дѣламъ.

2. *Павелъ Дмитревскій,* братъ предыдущаго, родился въ 1805 году; съ 1815 по 1822 г. обучался въ нашей гимназіи, гдѣ состоялъ казеннымъ ученикомъ съ 1818 года. По окончаніи курса опредѣленъ учителемъ во Владимірское уѣздное училище, а *съ 10 іюля 1825 г.* состоялъ также письмоводителемъ при дирекціи. Когда въ 1827 году введена была при дирекціяхъ должность бухгалтера съ окладомъ 600 р., Павелъ Дмитревскій утвержденъ былъ въ этой должности, съ увольненіемъ изъ уѣзднаго училища. Въ іюлѣ 1829 г. уволенъ по прошенію въ отставку.

3. *Николай Алексѣевичъ Михайловъ,* изъ оберъ-офицерскихъ дѣтей, родился въ 1806 году; обучался сначала во Владимірскомъ уѣздн. училищѣ, а потомъ съ 1820 по 1821 годъ въ гимназіи. По окончаніи курса, поступилъ копіистомъ во Владимірское губернское правленіе, откуда скоро перемѣщенъ въ штатъ Переславскаго городового магистрата. Съ 1825 г. состоялъ учителемъ Переславскаго уѣзднаго училища, а 17 декабря переведенъ на таковую же должность во Владимірское уѣздное училище съ предоставленіемъ письмоводительской должности при дирекціи; эта должность сохранилась въ нашей гимназіи, несмотря на введеніе новой должности бухгалтера, которая по положенію должна была упразднить первую. Отъ должности письмоводителя Михайловъ былъ уволенъ въ августѣ 1833 года, при введеніи новаго Устава.

Писцы.

Съ введеніемъ бухгалтерской должности въ 1827 году, при бухгалтерѣ положено было имѣть писца съ окладомъ въ 300 руб. Но въ первое время обязанности писца исправлялъ письмоводитель, и лишь въ 1828 году кромѣ бухгалтера и письмоводителя при канцеляріи дирекціи встрѣчаемъ отдѣльнаго писца.

1. *Александръ Степановичъ Лебедевъ,* изъ духовнаго званія, родился въ 1806 г., первоначально обучался во Владимірской семинаріи, затѣмъ перешелъ въ здѣшнюю же гимназію и кончилъ въ ней курсъ въ 1827 году. 20-го февраля 1828 года опредѣленъ писцомъ при бухгалтерѣ дирекціи Павлѣ Дмитревскомъ. Когда послѣдній вышелъ въ отставку, Лебедевъ получилъ мѣсто учителя I класса уѣзднаго училища и въ то же время, съ 29-го іюля 1829 года, состоялъ при дирекціи исправляющимъ должность бухгалтера.

2. *Григорій Григорьевичъ Ивановскій,* изъ приказно-служительскихъ дѣтей, родился въ 1811 году; окончилъ курсъ во Владимірской гимназіи казенно-коштнымъ ученикомъ въ 1829 г. и тогда же опредѣленъ писцомъ при бухгалтеріи дирекціи на мѣсто Лебедева, которому передано было исправленіе должности бухгалтера. 23-го мая 1832 г. по прошенію уволенъ.

3. *Григорій Бѣльскій,* изъ казенно-коштныхъ учениковъ гимназіи; кончилъ курсъ въ 1832 г. и опредѣленъ писцомъ на мѣсто Ивановскаго. Уволенъ для опредѣленія въ должность учителя уѣзднаго училища въ іюнѣ 1833 года.

Приложенія.

ОДА

на открытіе Влад. гимназіи 1804 г. августа 7 дня,

сочиненная княземъ Ив. Мих. Долгорукимъ.

Великій Богъ и чудный въ дѣлѣхъ!
Вѣнчая кротостью Царей,
Среди всѣхъ странъ, во всѣхъ предѣлѣхъ
Возводитъ мышцей ихъ своей:
Онъ царства ими призираетъ,
Чрезъ нихъ въ народѣ изливаетъ
Обиліе, блаженство, миръ.
Разсыпать мракъ предубѣжденья
Лучемъ полезна просвѣщенья
Есть трудъ, достойнѣйшій порфиръ.

Хвала тебѣ благословенный
Дражайшихъ предковъ нашихъ вѣкъ,
Въ которой Богомъ нареченный
Возсѣлъ на тронъ здѣсь человѣкъ!
Великій, мочный, справедливый,
Въ судахъ и въ полѣ прозорливый,
Петръ Первый, слава Россіянъ,
Возвысивъ подданныхъ собою,
Своей чудесною судьбою
Онъ дивенъ былъ въ очахъ всѣхъ странъ.

За нимъ, въ отраду злой печали,
Нашли Елисавету мы;
При ней дни неба возсіяли,
И вновь воспрянули умы.
Утихъ духъ мщенія и злобы,
Престала кровь въ отверсты гробы

Рѣкой съ приступковъ трона течь:
Она едва его коснулась,
Какъ вся Россія улыбнулась
И страшный сокрушился мечъ.

—⁎—

Отнявъ Петра, Елисавету,
Насъ Богъ страдать не попустилъ;
Явилъ Екатерину свѣту,
И здѣсь ей царствовать судилъ.
Какимъ перомъ воздать не ложно
Помазанницѣ сей возможно
За всѣ ея щедроты къ намъ!
Преемница Петровой дщери,
Она ко щастью многи двери
Отверзла Русскимъ племенамъ.

—⁎—

Пресѣкла дни ея судьбина,
Израиль новый возрыдалъ;
Но скоро скиптръ Екатерины
Всесильный Александру далъ.
Плѣнилъ умы, проникъ во нравы,
Воздвигъ на кротости свой тронъ,
И въ страхъ врагамъ передъ собою
Поставилъ твердою стѣною
Любовь народа и законъ.

—⁎—

Се тако царская палата,
Держась Всевышняго рукой,
Всегда во благостяхъ богата,
Блюла въ отечествѣ покой;
И чтобъ могли мы жить блаженно,
Сіи Владыки постепенно,
Одинъ обнявши всѣ предметъ,
Любить науки пріучили,
Къ успѣхамъ ревность возбудили
И тусклымъ веждямъ дали свѣтъ.

—⁎—

На чтобъ Творецъ всея природы
Намъ далъ способность разсуждать
Когдабъ Онъ насъ лишилъ свободы
Натуры тайны испытать?
А чтобъ существъ познать милліоны
Дотоль, доколѣ въ томъ препоны
Намъ ставитъ нашихъ дней конецъ,
Намъ должно, должно просвѣщаться,
Смотрѣть, вникать, соображаться
И править путь своихъ сердецъ.

Не въ томъ прямое просвѣщенье,
Чтобъ міръ стараться претворить;
О коль безумно заблужденье.
Творца творенію учить!
Но плодъ наукъ и прилежанья,
Смиряя буйственны желанья,
Творитъ изъ насъ честныхъ людей,
Царю, отечеству полезныхъ,
Своимъ согражданамъ любезныхъ,
Надежныхъ твердостью мужей.

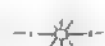

Науки цѣпью добрыхъ правилъ
Связуютъ общество гражданъ,
Чтобъ каждый въ нихъ за славу ставилъ
Не только чинъ одинъ и санъ,
Но чтобъ умѣлъ цѣнить выгоды
Стократъ знатнѣй самой породы,
Что онъ полезенъ для другихъ:
Кто симъ желаньемъ воспламенился,
Не тщетно въ школахъ тотъ учился.
Завиденъ духъ людей такихъ.

Се день, на то здѣсь посвященный!
Воззрите, какъ Россійскій Титъ,
Любовью къ намъ одушевленный,
Своихъ сокровищъ не щадитъ,

По всюду съ пользой расточаетъ,
И здѣсь храмъ ветхій обновляетъ
Искусствъ, художествъ и наукъ.
Отцы! Дѣтей сюда ведите,
Къ струямъ премудрости бѣгите,
Похвалъ раздайте вашихъ звукъ!

Сей звукъ достигнетъ повсемѣстно;
Услышитъ кроткій Государь,
Что градъ Владиміръ весь нелестно
Любви Ему воздвигъ олтарь;
Что онъ щедротъ его причину
Воскресшу въ немъ Екатерину
Съ восторгомъ чувствуетъ живымъ;
Ему животъ свой посвящая,
Десницу милостей лобзая,
Отцемъ Его зоветъ своимъ.

Питомцы юны! Научитесь
Достойны быть Его щедротъ,
Ко свѣту истины стремитесь;
Во храмъ ея свободенъ входъ!
На васъ въ вниманіи глубокомъ,
Пытливымъ духомъ, гордымъ окомъ
Глядитъ соотчичей соборъ.
Труды царевы оправдайте,
Примѣръ въ себѣ потомкамъ дайте,
Утѣшьте любопытства взоръ.

О, сколь великъ вашъ долгъ предъ свѣтомъ,
Наставники младенцовъ сихъ!
Онъ вамъ единственнымъ предметомъ
Назначилъ пользу, щастье ихъ.
Старайтесь кроткими путями
Владѣть ихъ гибкими умами,
Цѣня родителей залогъ!
Блюдите ихъ отъ чувствъ позорныхъ,

А паче умствованій вздорныхъ;
За нихъ на васъ самъ взыщетъ Богъ!

Да снидетъ лучъ Его эфирный
На сей младенцовъ вертоградъ,
И воспрославится домъ мирный
Величествомъ Его наградъ!
Тебя мы всѣ единогласно,
О Боже! молимъ повсечасно:
Смиривъ и сердце и чело,
Монарха нашего спасая,
И лѣты къ лѣтамъ прилагая,
Благослови Его зѣло!

РѢЧЬ

о связи наукъ и пользѣ оныхъ, на случай публичнаго акта 1831 г., сочиненная старшимъ учителемъ Владимірской Гимназіи Боголѣповымъ.

(Замѣчанія сдѣланы проф. Терновскимъ).*

Нѣтъ сомнѣнія, что истинна и добродѣтель суть непоколебимыя столпы человѣческаго блаженства. Единственая цѣль, ** посредствомъ которой люди достигаютъ оныхъ суть науки: отъ нихъ зависитъ счастіе, спокойствіе, обиліе, тишина, безопасность и мирное общежитіе. Науки, сей даръ небесъ, распространяя познаніе о вещахъ изощряютъ и просвѣщаютъ разумъ, и изъ видимыхъ вещей природы ясно показуютъ намъ бытіе и силы невидимаго и всемогущаго Творца. Онѣ очищаютъ и освобождаютъ Святую и непреложную религію нашу отъ вреднаго суевѣрія. Всевышнее Существо одарило и отличило человѣка отъ всѣхъ животныхъ разумомъ и словѣсностію; но когда еще умъ нашъ находится въ тѣсныхъ предѣлахъ и не озаренъ правильнымъ свѣтомъ наукъ; всегда имѣетъ ложныя понятія о вещахъ, особенно естественныхъ. Часто необразованный умъ для снисканія

* Рѣчь эта приводится съ соблюденіемъ всѣхъ орѳографическихъ особенностей оригинала.

** Средство, чрезъ которое... (прим. Терновск.).

истинны скитается по тропамъ обманчивымъ, и впадаетъ въ бездну невѣжества. Тутъ всему даетъ несообразные толки: каждому разительному, хотя и обыкновенному явленію природы, приписываетъ различныя божества и злыхъ духовъ, изъ каждаго произшествія обѣщаетъ устрашающія родъ человѣческій несчастія, тягостныя войны, повсемѣстный гладъ и моровыя язвы.

Я не говорю здѣсь о баснословной исторіи; потому что она баснословная, гдѣ пылкое воображеніе начертало множество безобразныхъ и сверхъестественныхъ картинъ; но читая событія отдаленныхъ вѣковъ, тѣхъ вѣковъ, когда еще мореплаваніе было во младенчествѣ своемъ и когда люди не осмѣливались выпустить изъ виду береговъ морскихъ и заливовъ, не видимъ ли ясно, что приподнявшейся бурѣ и взволновавшемся морѣ вмѣсто дѣятельности выходили странныя мнѣнія? Часто полагали, что рагнѣванное Божество требуетъ пошлинъ, требуетъ невинныхъ жертвъ, * почему и повергали въ волнующіяся моря и заливы людей невинныхъ, часто выходили мнѣнія, что Божество водной стихіи разгнѣвано тѣмъ, что по области его разгуливается грѣшный человѣкъ, и такъ по большинству голосовъ избирали изъ среды самихъ себя такую жертву, и подвергали той же участи. Вотъ мнѣнія умовъ безъ правилъ, вотъ мнѣнія людей не вникающихъ въ свойства природы, а по ней непостигающихъ Единаго и всевышняго Существа, не озаренныхъ не мерцаемымъ свѣтомъ Евангелія.

Нѣтъ сомнѣнія, что Богословія есть первѣйшая изъ наукъ, ведущая по незыблемымъ путямъ къ истиннѣ и добродѣтели, которыя руководствуютъ не только къ земному, но и къ небесному блаженству; но и сія священная наука должна имѣть свясь со всѣми другими, такъ какъ и всѣ онѣ между собою.

„Небеса повѣдаютъ славу Божію! И подлинно такъ!—есть ли обратимъ взоры на небесную твердь, усматриваемъ тамъ безчисленные милліоны звѣздъ блестящихъ въ неизмѣримомъ пространствѣ, видимъ великолѣпное свѣтило дня; оно величественно шествуя по небосклону все озаряетъ и живитъ, видимъ темноцвѣтную Луну томно освѣщающую обиталище нашего земнаго шара.

---

* Иногда же бывало и не отъ суевѣрія, напр. что повѣствуется о пророкѣ Іонѣ (Зак. гл. 1), а сказанное въ рѣчи очень близко намѣкаетъ на сіе происшествіе (прим. Терновскаго).

Трогательная, чудесная, удивительная картина, плѣняющая взоръ смертнаго! Эта разительная небесная картина долгое и весьма долгое время пребывала только изящною картиною; но Естественная наука, и высшая Математика, наблюденіе и опыты составили все объемлющую науку: Астрономію. А по усиливающейся Оптики и изобрѣтеннымъ ея инструментамъ теперь ясно отличаютъ неподвижныя звѣзды отъ планетъ входящихъ въ Систему обитаемаго нами шара, изчислены ихъ движенія и кругообращенія. Отличаютъ прежде устрашающія* Кометы, и даже нѣкоторыхъ изъ нихъ извѣстны самыя пути и время появленія.

Извѣстны стали Спутники планетъ къ Системѣ нашего Міра принадлежащихъ; ихъ затмѣнія пребыванія въ тѣни и время такъ же появленія на сцену звѣздную. Извѣстно теперь, что изъ безъчисленныхъ сонмовъ звѣздъ кажущихся почти сплошными; и едва видимыми. каждая болѣе нашей земли, каждая въ неизмѣримомъ пространствѣ имѣетъ собственное свое движеніе и кругообращеніе, каждая отстоитъ отъ другой, на тысячи милліоновъ миль—и можетъ быть найдутся итоль отдаленныя, что отъ начала Міра свѣтъ ихъ до насъ еще не достигъ. Хотя по первому спутнику Юпитера доказано нынѣ ясно. что свѣтъ отъ Солнца отстоящаго отъ насъ на двадцать одинъ милліонъ Географическихъ миль доходитъ до земнаго шара въ восемь минутъ съ половиною. И такъ коль бы не было велико воображеніе человѣка; но оно теряется и изчезаетъ въ пространствѣ всеобщаго Міра!

Коль скоро начали распространятся познанія Астрономическія, тотъ часъ начала распускать отпрыски свои и Навигація. Опыты временъ доказываютъ, что чѣмъ болѣе разспространялась небесная наука, тѣмъ болѣе разширялась и процвѣтала наука мореплаванія. Наука звѣздная одобрила, оживила и какъ бы дала смѣлость повѣрить себя непостоянной стихіи водъ, и люди вспомоществуемы будучи естественными науками: Физическими и Математическими инструментами, при содѣйствіи самой Математики, и какъ бы цѣпляясь за звѣзды на крылѣхъ вѣтренныхъ пустились въ обширныя Океаны, презирая всю ярость волнъ, порывы бурь и жестокость непогодъ.

При сей мысли нельзя невспомянуть безсмертныхъ и почтенныхъ мореплавателей Кука и Колумба, Колумбъ отдѣлившись отъ матерой земли для снисканія предназначенной цѣли и толь долгое

---

* Устрашавшія (прим. Терновск.).

время невидавши оной, и толь долгое время носясь по зыбкому Океану, противоборствуя всѣмъ опасностямъ, жестокостямъ и суровостямъ времени, совершилъ благодѣтельное свое намѣреніе, открылъ такъ называемый нынѣ новый свѣтъ Америку.

Безъ Навигаціи бѣдное и весма бѣдное имѣли бы понятіе о землѣ, всеобщемъ нашемъ обиталищѣ, посредствомъ Астрономіи и Навигаціи узнали, что она имѣетъ видъ шара, она щитается въ числѣ планетъ благотворнаго солнца, и имѣетъ годовое и суточное движеніе, первое изъ нихъ образуетъ зиму и лѣто, а второе день и ночь. Узнали, что Луна темная звѣзда, какъ и наша земля отстоитъ отъ оной съ лишкомъ на пятьдесятъ одну тысячу Географическихъ миль, а по сему Луна почти въ четыреста шесть разъ ближе къ землѣ, нежели Солнце; имѣетъ съ нею годовое движеніе и обращается около земли въ 27 дней и съ небольшимъ въ 12-ть часовъ, а вся повѣрхность Луны менѣе поверхности земли въ тридцать разъ.

Итакъ естли предположить, что Луна имѣетъ жителей, то коль огромнымъ и величественнымъ Свѣтиломъ покажется имъ земля.

Вотъ новая отрасль наукъ Астрономіи называемая Математическою Географіею.

Навигація неимовѣрно разпространила и обогатила физическія и естественныя науки. Физика принявши притягательную силу въ природѣ, ясно доказала намъ сферическое стояніе водъ около земли: по самымъ вѣрнѣйшимъ наблюденіямъ и опытамъ доказано, что вода въ растояніи тысячи тоазовъ имѣетъ футъ пологости.

Теперь извѣстны стали періодическія возвышенія водъ океяновъ и морей, ихъ движеніе и вліяніе на берега прилежащія къ онымъ и опять сбывающія: они извѣстны намъ болѣе подъ именемъ приливовъ и отливовъ морскихъ. Дикари, Островитяне и нѣкоторые приморскіе жители почитаютъ ихъ за даръ небесъ насущнаго ихъ пропитанія. Извѣстно такъ же когда они бываютъ въ большемъ возвышеніи и приливѣ.

Нѣкоторые изъ океяновъ иногда текутъ въ одну сторону и въ извѣстное время возвращаются назадъ такимъ же порядкомъ; другія всегда текутъ въ одну сторону. Навигація сближала какъ бы всѣ концы обитаемаго нами шара и познакомили насъ со всѣми обитателями твердой земли, и тутъ узнали Естествоиспытатели

чудовищныхъ и огромныхъ обитателей Океяновъ и морей и другія произведенія оныхъ.

Она какъ душа комерціи открыла пространнѣйшее поле изслѣдованіи для Физической и Политической Географіи.

Къ наружному объему земли прикасается оболочка, называемая Атмосферою, или воздухомъ окружающимъ землю. Атмосфера земная простирается вверхъ отъ лица земнаго на весьма великое пространство, въ ней видимъ мы скопище Бурь и непогодъ, гдѣ составляются дожди и снѣга, она производитъ страшныя молніи и громы, и представляетъ разныя картины: иногда прелестную радугу, иногда Сѣверныя Сіянія, ложныя Солнца и Мѣсяцы, и другія круги около оныхъ, паденія звѣздъ и перебѣглыя огни.

На самой поверхности Земнаго Шара, занимаемаго до двухъ третей водою встрѣчаются чудныя и удивительныя предметы, поражающіе взоръ смертныхъ.

Тутъ представляются огромные кряжи Гранитныхъ горъ современныхъ міру, возвышающихъ главы свои превыше облаковъ, они покрыты вѣчнымъ снѣгомъ, и простираются на великія пространства. Вѣроятно что отъ сотворенія Міра ни одно животное не посещало вершинъ ихъ.

Сверхъ сихъ первобытныхъ горъ находятъ Естествоиспытатели множество другихъ величественныхъ, обширныхъ горъ, состоящихъ изъ различныхъ веществъ, которыя большею частію изобилуютъ металлическими рудами и драгоцѣнными каменьями. Изъ нихъ то произтекаютъ величайшія рѣки, ниспуская порывистыя потоки свои въ общее вмѣстилище водъ: заливы моря и океяны.

Коль величественныя и вмѣстѣ страшныя и бѣдственныя картины представляютъ испытателямъ природы огнедышущія горы, горы почти никакой связи не имѣющія съ прочими горами. Онѣ находятся всегда близь морей. Хотя находятъ погасшія уже давно огнедышущія горы въ отдаленности морей; но это служитъ только не преложнымъ доказательствомъ, что море находилось нѣкогда въ блискомъ разстояніи сихъ мѣстъ.

Вершины ихъ всегда представляютъ видъ усѣченнаго конуса, средину онаго занимаетъ жерло, изъ котораго почти всегда выходитъ паръ и дымъ, въ темнотѣ томносвѣтящійся.

Самыя тщательныя наблюденія испытателей природы не могли еще предназначить періодическаго времени совершеннаго возгорѣ-

нія подземнаго огня; но извѣстно, что возгорѣніямъ предшествуютъ: страшныя гуллы и трески, и земля вокругъ оной колеблясь, какъ бы хочетъ разорваться и поглотить все живущее и движущееся.

Потомъ выходятъ изъ жерла пламенные вихри, сопровождаемые страшнымъ трескомъ и ужаснымъ громомъ, тутъ выбрасываются обгорѣлые камни и даже огромной величины и надовольно великое пространство; при томъ густой дымъ потемняетъ воздухъ и пепломъ, какъ большимъ снѣгомъ покрывается вся окружная земля. Наконецъ лава, состоящая изъ растопленныхъ внутреннимъ огнемъ металловъ и другихъ веществъ разрываетъ въ бокахъ горы, гдѣ либо разсѣлины, и вытекаетъ въ видѣ гордаго огненнаго потока съ шумомъ и блескомъ, истребляя на пути своемъ все, что ни встрѣчается. Необыкновенный шумъ производится, когда она втекаетъ въ море; вода приходитъ въ кипѣніе покрывается пѣною, волнуется, первая отъ оной отступаетъ; а новая приступаетъ, и таковое сраженіе ослабѣваетъ по мѣрѣ охлажденія лавы.

Судя по великому изверженію изъ огнедышущихъ горъ около самыхъ горъ, и на далекое пространство отбрасываемыхъ, уносимыхъ вѣтрами, скопленію и образованію самыхъ горъ, съ вѣроятностію заключить можно, что углубленія, подземныхъ огней по крайней мѣрѣ отстоятъ отъ поверхности земной на сто Географическихъ миль.

Разбирая Химически, извергаемые матеріалы, нашли, что въ нихъ содержится почти третья часть желѣза.

Итакъ позволительно заключить, что углубленная внутренность земли большею частію изобилуетъ симъ металлическимъ веществомъ, и что оно есть главною причиною разнаго въ разныхъ мѣстахъ склоненія и отклоненія Магнитной стрѣлки. Великую и необходимую пользу приноситъ мореплавателямъ, какъ знаніе склоненія и отклоненія, такъ и самый Компасъ. Большія наплывныя горы, глубокія пропасти, раковины находимыя на разныхъ глубинахъ, лежащихъ слоями и безъ порядка, особенно окаменѣлости и горючія вещества служатъ непреложнымъ доказательствомъ, что поверхность земли претерпѣла многія коловратности и перемѣны, равно и все растущее на ней и движущееся. Чтожъ осталось на ней непремѣннымъ? Страны свѣта, положеніе въ разсужденіи небесныхъ созвѣздіи, освѣщеніе, нагрѣваніе благотворнаго и всеоживляющаго Солнца. Хотя земля сама по себѣ имѣетъ расти-

тельныя силы, но онѣ безъ содѣйствія солнца не дѣйствительны и мертвы. Обратимъ теперь вниманіе наше на Сѣверное полушаріе земли, на мѣста лежащія отъ полюса до поворотнаго круга и до самаго Экватора. Удивительное во всемъ различіе! даже и самое Солнце изливаетъ благотворные лучи свои на земную поверхность съ различною теплотою и живительною силою.

Опыты намъ доказываютъ, что лучи свѣта чѣмъ косвеннѣе, тѣмъ менѣе даютъ теплоты и растительной силы. И такъ обративъ взоръ на страны Сѣвера, на мѣста лежащія близь Полюса; тутъ увидимъ мѣста хладныя, суровыя, томныя и почти мертвыя; тутъ нѣтъ ни травки, ни кустарника, а одинъ только мохъ, одаренный отъ Природы большою живучестію; но приближаясь мало по мало къ умѣреннымъ поясамъ земли усматриваются: рѣдкія травы, не большіе кустарники и можжевельникъ, потомъ появляются умѣренныя дерева и травы; въ умѣренномъ же поясѣ видимъ прекрасныя долины, покрытыя шелковичною муравою и распещренныя цвѣтами разныхъ колеровъ, видимъ плодоносныя пажити, преклоненными классами возхищающихъ трудолюбиваго и дѣятельнаго земледѣлца; видимъ плодоносныя дерева, столѣтнія дубы, вязы, масличны и величественные кедры Ливанскіе.

Коль чудныя, и коль удивительныя картины видѣть можно въ тѣхъ мѣстахъ, въ мѣстахъ жаркихъ, гдѣ величественное свѣтило дня изливаетъ лучи свои прямо на главы и хребты всего живущаго и растительнаго; тамъ то видѣть можно растительную силу земли въ полнотѣ и избыткахъ, тамъ все представляется въ колосальныхъ видахъ; даже и самыя травы, какъ бы пресыщенныя растительною силою лучей покрываютъ лице земли широкими толстыми листами; тамъ видимъ гордыя и величавыя пальмы, недопускающія до себя обыкновеннаго свойства нашихъ лѣсныхъ деревъ.

Однѣ! однѣ сравненія поражаютъ и изумляютъ воображеніе человѣческое; какъ сравнить величественный Боабабъ съ Сѣвернымъ мхомъ; одинъ изъ нихъ имѣетъ до шести саженъ въ окружности, и можетъ укрывать подъ тѣнію своей нѣсколько сотъ людей; другой не можетъ призрѣть даже и гнуснаго червяка. Благодѣтельное Свѣтило дня изливаетъ плодотворныя лучи свои на растительныя силы земли не только на прозябаемое царство Природы, но и на самыхъ животныхъ произвольно движущихся. Сравнимъ те-

перь Сѣверныхъ Змѣй со змѣями жаркаго климата: однѣ изъ нихъ въ четверть, другія въ несколько саженъ. Сравнимъ Сѣверныхъ кошекъ одинакой родъ и одинакое свойство имѣющихъ съ тамошними тиграми и барсами, ящерицъ съ крокодилами. Гдѣ видимъ великую и весма великую разницу въ соразмѣрѣ ихъ и твердости тѣлесныхъ силъ. Несвойственны Сѣвернымъ странамъ слоны, носороги, львы, и Строусы, какъ величайшія изъ животныхъ. Историки, Географы, мореплаватели и испытатели Природы описываютъ намъ людей, населяющихъ землю, раздѣленныхъ на разныя общества, расположенныхъ на разныхъ пространствахъ ея поверхности, составляющихъ народы, кои разнятся между собою мѣстопребываніемъ, языкомъ и внутреннимъ устройствомъ общежитія, разнящихся даже наружнымъ расположеніемъ лица, цвѣта волосъ и кожи, и судя по климатамъ разнящихся душевными и тѣлесными силами и нравственностію. Посредствомъ наукъ люди какъ бы обзнакомились между собою, узнали изобиліе и недостатки каждой страны и каждаго общества; тутъ начались промѣны избытковъ одного края на избытки другаго. И такъ коммерція доставляетъ каждому благоустроенному обществу не только необходимыя вещи для дѣятельности и другихъ потребностей, но даже и служащія къ пресыщенію изящнаго вкуса и роскоши, такъ что люди пользуются оными какъ собственнымъ произведеніемъ своей земли. Къ успѣшному и удобнѣйшему содѣйствію коммерціи: чрезвычайно способствуютъ механическія науки, науки основанныя на вернѣйшихъ ращетахъ Математики. Я не говорю здѣсь, что во всѣхъ коммерческихъ оборотахъ нужны и необходимы щетъ, мѣра и вѣсъ. Но вотъ польза и выгоды для коммерціи, что посредствомъ правилъ механическихъ прокладываются ближайшія пути чрезъ зыбкія топи, каменистыя горы, соединяются рѣки и проливы, выламываются въ рѣкахъ пороги, и водопады и можно сказать; правила механическія суть даръ небесъ; посредствомъ оныхъ единственно получаетъ каждое благоустроенное общество и каждое сословіе людей: изобиліе, продовольствіе, вкусъ и даже вещи служащія къ прихотямъ и роскоши. Взглянемъ ли мы на взломку горъ и обработываніе камней для жерноновъ обыкновенныхъ мельницъ, и на устройство ихъ? Посмотримъ ли на ископаніе горъ и подземелья для изобрѣтенія драгоцѣнныхъ камней, золота, серебра, мѣди, желѣза и другихъ веществъ служащихъ для вкуса и изя-

щества? обратимъ ли вниманіе на устройство фабрикъ? вездѣ видимъ Механическія правила, видимъ, что вѣтры, вода и огонь замѣняютъ милліоны силъ и рукъ человѣческихъ. И такъ отъ добыванія минеральныхъ веществъ, отъ познанія Ботаническихъ прозябеніи съ физическими познаніями ихъ цѣлебныхъ и краспльныхъ свойствъ Химія получила цвѣтущее состояніе и медицина шествуетъ Исполинскими шагами.

Теперь за краткостію времени. Я обращаю рѣчь мою къ вамъ любезнѣйшіе воспитанники сего вертограда; да не устрашитъ васъ старинная Римская пословица (Ars longa; uita breuis) науки обширны, но жизнь коротка; но да послужитъ вамъ въ примѣръ изреченія предковъ нашихъ: вѣкъ живи и вѣкъ учись. *Старшій учитель Ѳедоръ Боголѣповъ.*

